

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

204

**АНТИЧНЫЙ МИР
И ВАРВАРЫ
ЕВРАЗИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

204

АНТИЧНЫЙ МИР
И ВАРВАРЫ
ЕВРАЗИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА "НАУКА" 1991

ББК 63.4

А 72

Редакционная коллегия:

О.С.Гадзяцкая (ответственный секретарь), В.И.Гуляев, Н.Н.Гурина,
А.Н.Кирпичников (зам. ответственного редактора), Ю.А.Краснов,
В.В.Кропоткин, И.Т.Кругликова (ответственный редактор), В.П.Любин,
В.М.Массон, Н.Я.Мерперт, Р.М.Мунчаев, В.В.Седов (зам. ответственного
редактора), Д.Б.Шелов

Рецензенты:

кандидаты исторических наук

А 72 А. М. Акопян, Т. М. Арсеньева
Античный мир и варвары Евразии. - М.: Наука, 1991. - 120 с.: ил.

Сборник написан ведущими специалистами-археологами в области античной истории и скифо-сарматской археологии. В нем даны обзоры новейших концепций ученых по основным вопросам скифской и сарматской истории. Освещаются разные стороны античной культуры и ремесел, землепользования, монетного дела, древних верований и культов. Публикуются новые материалы из раскопок в Северном Причерноморье.

Для археологов.

Научное издание

АНТИЧНЫЙ МИР И ВАРВАРЫ ЕВРАЗИИ

КСИА. Вып. 204

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е.И. Михайлова
Художественный редактор И.Д. Богачев
Технический редактор Т.В. Фараонова

ИБ № 47662

Подписано к печати 15.II.91
Формат 70x100/16. Бумага писчая № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 9.75. Усл.кр.-отт. 10,1 Уч.-изд.л. 10,3
Тираж 2100 экз. Тип.зак. 1639. Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-486, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

А 0504000000-312 00-91 Кн. II

042(02)-91

ISBN 5-02-010018-8

ББК 63.4

© Издательство "Наука", 1991

СТАТЬИ

А. И. Мелюкова

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СКИФОЛОГИИ

В 1980 г. журнал "Народы Азии и Африки" организовал круглый стол, посвященный дискуссионным проблемам отечественной скифологии¹. В итоге проведенная дискуссия показала, сколь далеки советские исследователи от выработки общих позиций по ряду коренных вопросов науки о скифах. Цель настоящей статьи — показать, в каком направлении идут поиски оптимальных решений наиболее важных проблем скифологии после 1980 г.

По-прежнему специалистов в этой области науки волнует проблема происхождения скифов, их культуры и время появления этого народа в Северном Причерноморье. Из трех существующих гипотез о происхождении скифов — так называемой автохтонной, переднеазиатской и центральноазиатской — две первых археологами за прошедшее время специально не разрабатывались. Лишь антропологи привели ряд аргументов в пользу "автохтонной" гипотезы, отрицательно отзываясь о возможности центральноазиатского и среднеазиатского происхождения скифов².

Центральноазиатскую гипотезу происхождения скифов и их культуры, в том виде, в каком ее сформулировал А.И.Тереножкин в 70-х годах, в настоящее время разделяют немногие исследователи. Наиболее близок к взглядам этого ученого Б.Ф.Железчиков, который считает, что смена предскифской культуры на скифскую произошла механически, что скифы — это пришельцы, принесшие с собой культуру в сложившемся виде³. Р.Б.Исмагилов связывает происхождение скифской культуры и этноса с миграцией на запад носителей комплекса типа Чиликтинского кургана, которых он, правда, предположительно считает древнейшими скифами Евразии⁴. Из Центральной Азии предлагает вести генезис культур скифо-сибирского типа Я.И.Шер⁵.

Ученики А.И.Тереножкина отказались от его положения о появлении скифов в степях Северного Причерноморья с готовой культурой не ранее УП в. до н.э. и приблизились к сторонникам "автохтонной" гипотезы, считавшим, что скифы были известны здесь грекам не позднее IX—VIII вв. до н.э. К такому заключению их привело появление новых материалов и более глубокое изучение комплексов и отдельных вещей предскифской и раннескифской поры в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Дело в том, что теперь стало очевидным, что предшествовавшие скифским памятникам черногородовского и новочеркасского типов не одновременны, как полагал А.И.Тереножкин, а либо частично, как думает А.М.Лесков, либо полностью синхронны в пределах IX — начала УП в. до н.э. Если это так, то появилось больше оснований для того, чтобы считать одни из них древнейшими скифскими, а другие киммерийскими. В последнее время исследователи склоняются к мысли о скифской принадлежности памятников черногородовского, а не новочеркасского типа, как предлагает А.М.Лесков⁶. Расхождения между сторонниками этой точки зрения имеются лишь в датировке комплексов черногородовского типа. Так, Н.Л.Членова, первой предположившая их скифскую принадлежность, отнесла черногородовскую и новочеркасские древности к УП в. до н.э., не совсем верно трактуя хронологические построения В.А.Ильинской и Е.Ф.Покровский⁷. В.П.Белозер датирует те и другие в пределах IX — первой половины УП в. до н.э.⁸, тогда как В.И.Клочко и В.Ю.Мурзин считают, что черногородовские памятники несколько старше новочеркасских и не доживают до начала скифского периода⁹. Так же как и В.П.Белозер,

они полагают, что ведущие формы материальной культуры черноморовского облика не имеют генетической связи с предшествовавшими древностями Восточной Европы, а сложились в восточных районах Евразии. Продвинувшиеся в IX в. до н.э. в степи Северного Причерноморья носители культуры черноморовского типа составили первую волну протоскифов, которые постепенно растворились в местной киммерийской среде. Возникновение скифского объединения в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе В.И.Клочко и В.Ю.Мурзин связывают с появлением в начале V в. до н.э. второй волны носителей протоскифской культуры, непрерывное развитие которой, на их взгляд, происходило лишь на востоке Евразии. Отмечая присутствие местного киммерийского компонента в процессе сложения скифского этноса, они отводят основную роль в нем пришлому с востока населению. В пределах V—IV вв. до н.э. В.Ю.Мурзин выделяет четыре этапа в истории Причерноморской Скифии, из которых первый характеризует начало взаимодействия пришлых и местных племен, в последний соответствует окончанию этногенетических процессов внутри кочевой орды¹⁰.

Иначе предлагают решать проблему происхождения скифов и формирования скифского царства М.Н.Погребова и Д.С.Раевский¹¹. В отличие от упомянутых выше исследователей они исходят из хорошо обоснованного положения, что реальное этноисторическое содержание понятия "скифы" у древних авторов не было стабильным, что ранние скифы — носители раннескифского культурного комплекса, предпринимавшие ближневосточные походы, не идентичны тем скифам, о которых повествует Геродот применительно к жившим в Северном Причерноморье. Первоначально ранние скифы обитали в Предкавказье и только частично в период походов, но главным образом после их завершения, они расселились по обширным просторам Восточной Европы. Лишь одна из областей их проникновения, в середине VI в. до н.э. обособившаяся этнически и культурно, сохранила за собой имя этого народа — Скифия, знакомое Геродоту. Древнейший этап истории скифов, соответствующий версии письменных источников о приходе этого народа из Азии, эти исследователи предлагают понимать как одно из звеньев системы перемещений в рамках срубно-андроновского ареала. Выделяя в истории употребления этнонима "скифы", а вместе с тем и в ранней истории этого народа, три этапа, они полагают, что Геродот был знаком лишь с реальностью, которая характеризует последний из них и произвольно проецировал на события предшествующих эпох современное ему содержание понятия "скифы".

Ограниченные рамки обзорной статьи не позволяют произвести анализ новейших точек зрения. Ограничусь заключением, что предложенные построения, безусловно, представляют значительный вклад в разработку сложной проблемы происхождения скифов. Однако пока недостаточно оснований для того, чтобы одна из известных ныне точек зрения могла претендовать на истинность. Это касается и рассмотренных гипотез. В выводах В.И.Клочко и В.Ю.Мурашина представляется преувеличенной роль пришлых с востока кочевников как в предскифское, так и в раннескифское время. В концепции М.Н.Погребовой и Д.С.Раевского смущает перенесение событий начала скифской истории и, в частности, борьбы скифов с киммерийцами, на территорию Предкавказья.

Не менее актуальным и также пока дискуссионным остается вопрос о размещении на современной карте племен, входивших по Геродоту в Скифию и окружавших ее. За последнее десятилетие появилось несколько исследований, позволяющих внести коррективы в существующие этнокарты. Наиболее важными из них ныне представляются работы И.А.Шишовой¹² и А.А.Нейхардт¹³, в которых убедительно доказан условный характер "скифского квадрата" Геродота, о чем в свое время предупреждал Б.Н.Граков. Это значит, что отпадает один из аргументов сторонников расширения пределов Скифии за счет значительной части лесостепи Восточной Европы, помещающих там скифов-пахарей и скифов-земледельцев.

Несколько поколеблен еще один аргумент, используемый сторонниками этой точки зрения. Обычно обилие находок греческого импорта VI—V вв. до н.э. на поселениях и в погребениях лесостепи Среднего Приднепровья рассматривалось как свидетельство выращивания земледельцами Скифии хлеба для продажи в греческие города. Недавно А.Н.Щеглов обратал внимание на то, что выращиваемые в лесостепи сорта пшеницы (полба) не были пригодны для экспорта грекам, что заставляет изменить привычные представления о торговле между упомянутыми партнерами¹⁴. Еще более существенным для опровержения гипотезы о размещении в лесостепи скифов-земледельцев, является предположение В.И.Абаева, высказанное им в 1980 г.¹⁵ о том, что под термином "георгой" в качестве названия скифского племени у Геродота скрывается не греческое слово "земледелец", а переделанное на греческий манер иранское слово, означающее "разводящие скот" или "почитающие скот". Если это так, то следует считать георгой кочевниками или полукочевниками, что позволяет разместить их там, где размещает Геродот, т.е. на обоих берегах Нижнего Днепра, что раньше считалось невозможным в связи с отсутствием в этих местах следов оседлых поселений VI—V вв. до н.э. Замечу, что еще Б.Н.Граков относил скифов-георгой к полукочевникам, так же как каллипидов и алазонов и предположительно скифов-пахарей, помещая последних в отличие от большинства ученых на северной окраине степи между Днепром и Южным Бугом¹⁶. Представление о полукочевом образе жизни каллипидов и алазонов в настоящее время разделяют многие исследователи. Однако скифов-пахарей по-прежнему считают оседлыми земледельцами и помещают в лесостепной зоне правобережной Украины. С каллипидами и алазонами современные ученые предлагают связывать курганные могильники и небольшие стойбища в Нижнем Побужье, а не поселения в этом районе, которые ныне определяют как основанные греками¹⁷. Правда, К.К.Марченко возродил гипотезу М.И.Артамонова, представляя каллипидов выходцами из кочевых и земледельческих племен Скифии, обосновавшихся в греческих колониях Нижнего Побужья¹⁸. Однако мне представляется, что здесь допущено явное насилие над текстом Геродота, где каллипиды выступают как самостоятельное племя, входившее в Скифию.

В недавно вышедшей книге Б.Н.Мозолевский предложил свой вариант этнокарты Скифии, несколько отличающийся от известных ранее¹⁹. Наиболее интересным и важным в ней является то, что автор пытается показать процесс, результатом которого явилось расселение племен, описанное Геродотом. В отличие от своих предшественников он достаточно убедительно обосновал местоположение Герроса-кладбища скифских царей V в. до н.э. на том же месте, где зафиксированы наиболее значительные курганы скифской знати IV в. до н.э. Используя археологический материал, накопившийся к настоящему времени, и сопоставляя его со сведениями Геродота, Б.Н.Мозолевский подтвердил гипотезу тех ученых, которые помещали скифов-кочевников в степной части Нижнего Приднепровья (за Пантикапом—Конкой), скифов царских в Приазовье и степном Крыму, а скифов-георгой на обоих берегах Днепра. Но в отличие от них он трактует георгой по В.И.Абаеву и считает герров частью георгой. Кроме того, исследователь предлагает видеть у скифов царских два социально-политических объединения (одно в Приазовье, второе в степном Крыму), а скифов кочевников определяет как сословие воинов. Отталкиваясь от намеченного распределения племен в степной зоне Северного Причерноморья, Б.Н.Мозолевский дает картину расселения племен в лесостепи, наиболее близкую, но не аналогичную карте Б.Н.Гракова, поддержанную Б.А.Шрамко²⁰. Отличие состоит в размещении скифов-пахарей, которых Б.Н.Мозолевский предлагает помещать там же, где М.И.Артамонов, т.е. в лесостепи Буго-Днестровского междуречья, хотя и не исключает возможности нахождения их на южной окра-

ине Киево-Черкасского региона. Следует заметить, что Б.Н.Мозолевский, а несколько раньше Б.А.Шрамко, возродили и не без оснований, точку зрения Б.Н.Гракова о принадлежности неврам памятников правобережного Среднего Приднепровья и бассейна Ворсклы, категорически отвергнутую В.А.Ильинской, А.И.Тереножниковым и Б.А.Рыбаковым²¹. Будинов и Гелонов оба упомянутых автора помещают на левобережье Среднего Приднепровья, но Б.А.Шрамко отводит им всю территорию между Доном и Днепром, тогда как Б.Н.Мозолевский в бассейне Северского Донца помещает меланхленов. По-разному эти исследователи трактуют Гелонов. Б.Н.Мозолевский видит в них выходцев из окрестностей Ольвии, а Б.А.Шрамко относит Гелонов к числу ираноязычного населения юга Восточной Европы, которые в киммерийскую эпоху жили на Кавказе, и, возможно, входили в киммерийский союз племен, затем были оттеснены в Приазовье, а оттуда под давлением скифов в конце III в. до н.э. переселились на Ворсклу. С их приходом автор связывает основание Бельского городища, известного Геродоту города Гелона²². К сожалению, ни одно из высказанных предположений пока не имеет прочного фундамента. Б.Н.Мозолевский вообще не приводит аргументов для обоснования своей точки зрения. Б.А.Шрамко базируется на скудных данных письменной традиции и логических построениях.

Все еще вызывает споры вопрос об этнической принадлежности населения Нижнего Подонья. До недавних пор вывод И.Б.Брашинского и К.К.Марченко о том, что основу его и, в частности, Елизаветовского городища составляли скифы, казался вполне обоснованным²³. Поколебали эту уверенность работы С.А.Лукьяшко, выявившего группу захоронений VI в. до н.э. на водоразделе рек Дона и Кагальника, близких к погребениям Елизаветовского могильника. Представителей этого населения, а не осевших скифов, он предлагает считать основателями Елизаветовского городища и связывать их с иксибатами-яксаматами, как в свое время полагал К.ф.Смирнов и поддерживавший его Б.Н.Граков²⁴. Отсутствие добротных публикаций вновь открытых С.А.Лукьяшко памятников и детальное сопоставление их с известными на Елизаветовском могильнике не позволяет пока считать спор завершенным.

Появление новых материалов требует пересмотра западной границы Скифии в IV - начале III в. до н.э. Сейчас стало очевидным, что владения скифов в это время не ограничивались бассейном Днестра, как предполагалось ранее, а включали все Днестро-Дунайское междуречье²⁵.

Противоречивость данных письменных источников и трудности с выделением археологических критериев все еще не позволяют безоговорочно принять ни одну из предложенных этнокарт. Но работы последних лет убеждают в правильности распределения основных племен Скифии в степной зоне Северного Причерноморья. Спорным продолжает оставаться лишь вопрос о размещении скифов-пахарей.

Существенные сдвиги произошли в изучении социального строя и экономики степной Скифии. Применение методов формализованного анализа и статистики позволило Е.П.Бунятыну выделить четыре социальных группы среди погребений рядового населения Скифии IV - начала III в. до н.э.²⁶ Б.Н.Мозолевский установил сложную социальную иерархию среди военной аристократии того же времени²⁷. Благодаря этим работам, теперь уже никто не сомневается в существовании раннеклассового общества и государства у скифов в IV - начале III в. до н.э. Относительно более раннего времени еще имеются небольшие расхождения. Так, В.Ю.Мурзин вслед за А.И.Тереножниковым рассматривает скифскую кочевую орду VI-V вв. до н.э. как раннеклассовое объединение²⁸. П.О.Карышковский на основании изучения монет царя Скила, найденных в Никонии, пришел к выводу о том, что в это время скифы находились на самой последней ступени разложения первобытного строя, когда уже достигли значительной-

го развития явления, характерные для классового общества²⁹. Д.С.Раевский, анализируя мифы о происхождении скифов, переданные Геродотом и другими античными авторами, убедительно показал сословно-кастовую структуру скифского объединения, тернарную организацию социальной структуры и характер царской власти в Скифии в VI–IV вв. до н.э.³⁰ Ему же и С.С.Бессоновой принадлежат глубокие исследования, проливающие свет на идеологию, религиозные представления и семантику культурно-мифологических изображений на предметах торевтики из скифских курганов³¹.

Н.А.Гаврилюк внесены существенные дополнения в характеристику экономики степной Скифии конца V – начала III в. до н.э. В значительной степени этому способствовало открытие и изучение поселений в Нижнем Приднепровье, современных Каменскому городищу. Исследовательнице удалось проследить динамику развития структурных составляющих в хозяйстве скифов от архаики до позднескифского периода. При этом она учитывает данные о древнем ландшафте, изменения климата, возможности использования пастбищ при скотоводческом хозяйстве, убедительно обосновывает причины перехода кочевников к оседлому быту кризисом кочевого хозяйства, создавшимся из-за нехватки пастбищ в связи с ростом поголовья скота³². Трудно согласиться с автором лишь в том, что в Скифии вплоть до конца V в. до н.э. не было известно земледелие и что осевшие на землю кочевники применяли мотыжный способ обработки земли. Легенда о царе Колаксае, переданная Геродотом, свидетельствует о том, что древние земледельцы Скифии уже знали и земледелие и плуг.

Поколеблено ныне господствовавшее ранее мнение относительно самостоятельного развития у кочевых скифских племен металлургического производства и исключительной роли греческих колоний и, прежде всего, Ольвии, в изготовлении для них всевозможных изделий из меди и сплавов в VI–V вв. до н.э. Б.А.Шрамко доказал, что вплоть до возникновения Каменского городища основными производителями оружия и других изделий из черных и цветных металлов были ремесленники лесостепных городищ³³. К менее обоснованному, на мой взгляд, выводу пришел С.Я.Ольговский, говоря о более развитом, чем в Ольвии, бронзолитейном ремесле для удовлетворения нужд кочевников в лесостепи³⁴.

Со времен М.И.Ростовцева в науке утвердилось мнение о завоевании или покорении кочевыми скифами оседлых земледельческих племен лесостепи. В последние годы появились работы, в которых предпринята попытка показать независимость этого населения и более высокий, опережающий кочевников, во всяком случае в VI–V вв. до н.э. уровень их социально-экономического развития. Наиболее последовательно отстаивает эту точку зрения Б.А.Шрамко, особенно в отношении жителей левобережья, будинов и переселившихся к ним невров и гелонов. В недавно вышедшей монографии он убедительно обосновал городской уровень Бельского городища – города Гелона, высокий уровень развития ремесла, торговли и общественных отношений с VI в. до н.э., высокий военный потенциал союза племен левобережья, позволяющий защитить себя от притязаний кочевников³⁵. О самостоятельности населения лесостепного днепровского правобережья по отношению к кочевникам степной Скифии в нескольких статьях пишет С.А.Скорый³⁶. Однако, в отличие от Б.А.Шрамко он полагает, что сюда в VI–VI вв. до н.э. проникла с Северного Кавказа какая-то часть скифов-номадов, но не перешла к оседлости, а составила военно-кочевую знать, способствовавшую скифизации местного населения и противостоянию кочевому миру Скифии. Эта интересная концепция не бесспорна, но, на мой взгляд, она ближе к истине, чем распространенная точка зрения о скифах-пахарях на правобережье лесостепи как составной части Скифии.

Из других работ, появившихся за последнее десятилетие, необходимо отметить статьи, посвященные хронологии скифских памятников и отдельных категорий вещей, имеющие большое значение для правильного понимания истории скифов и их соседей. Разработки Л.К.Галаниной³⁷ и В.Г.Петренко³⁸, касающиеся датировки раннескифских памятников Предкавказья, помогают определить время наиболее ранних скифских древностей в Северном Причерноморье³⁹ и других районах Евразии. Важными представляются и труды А.Ю.Алексеева, уточняющие хронологию курганов скифской аристократии⁴⁰.

Представленный обзор не исчерпывает всех исследований по скифской тематике последнего десятилетия. Но и он показывает, что за этот период появилось немало нового в изучении актуальных проблем скифологии. Несмотря на это, пока все еще остаются дискуссионными такие важные вопросы, как происхождение скифов, этногеография Геродотовой Скифии, взаимоотношения кочевников с земледельческим населением лесостепи.

- 1 Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: (Круглый стол) // НАА. 1980. № 5, 6.
- 2 Мартынов А.И., Алексеев В.П. История и палеонтология скифо-сибирского мира. Кемерово, 1986. С.87; К р у ц С.И. О формировании физического типа скифов Северного Причерноморья // Киммерийцы и скифы: Тез. докл. Всесоюз. семинара, посвящ. памяти А.И.Тереножкина. Кировоград, 1987. С.86-88.
- 3 Ж е л е з ч и к о в Б.Ф. К проблеме происхождения культур степных кочевников УП-УІ вв. до н.э. // Там же. С.57, 58.
- 4 И с м а г и л о в Р.Б. Проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып.29. С.42-46.
- 5 Ш е р Я.И. К вопросу о происхождении культур скифо-сибирского типа // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова: Тезисы. Омск, 1987. С.166-168.
- 6 Л е с к о в А.М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1975; О н ж е. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981; О н ж е. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 147-152.
- 7 Ч л е н о в а Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С.31-42.
- 8 Б е л о з е р О.П. Оленные камни в свете проблем предскифского периода Северного Причерноморья // Проблемы археологии степной Евразии: Тезисы. Кемерово, 1987. С.6-8.
- 9 К л о ч к о В.И., М у р з и н В.Ю. О взаимодействии местных и пришлых элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987. С.12-18; О н и ж е. О датировке черняговских и новочеркасских памятников // Киммерийцы и скифы. С.73-75.
- 10 М у р з и н В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. С.104; О н ж е. Узловые моменты этногенеза скифов // Первая Кубан. археол. конф.: Тез. докл. Краснодар, 1989. С.14.
- 11 П о г р е б о в а М.Н., Р а е в с к и й Д.С. К изучению проблемы происхождения скифов и формирования скифской культуры: Докл. на Отделе скифо-сарматской археологии 16. IX 1988. О н и ж е. Этногенез скифов: Проблема согласования письменных и археологических данных // Междунар. симпоз. "Античная Болканистика 6": Тез. докл. М., 1988. С.37, 38.
- 12 Ш и ш о в а И.А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // Летописи и хроники. М., 1981.
- 13 Н е й х а р д т А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. М., 1982.

- 14 Щеглов А.Н. Источники северопричерноморской торговли хлебом в IY в. до н.э. // Десятая авт.-читат. конф. "Вестника древней истории" АН СССР. М., 1987. С.175, 176.
- 15 Дискуссионные проблемы археологии: Обсуждение // НАА. 1980. № 5. С.129, 130.
- 16 Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С.39, 61.
- 17 Отрешко В.М. Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья // СА. 1981. № 1. С.27-40; Гребенников Ю.С., Фридман М.И. О культурной принадлежности и хозяйстве населения ольвийской периферии в У в. до н.э. // Хозяйство и культура доклассового и раннеклассового обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С.43, 44.
- 18 Марченко К.К. Еще раз к вопросу о каллипидах // СА. 1983. № 1. С.67-72.
- 19 Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
- 20 Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи. Киев, 1987. С.163.
- 21 Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979; Тереножкин А.И. Скифский вопрос // Скифы Северного Причерноморья. С.3-12.
- 22 Шрамко Б.А. Указ.соч. С.160.
- 23 Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. С.24-27.
- 24 Лукьяшко С.И. Этнические процессы на нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в VI-IV вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. Азов, 1988. С.65-75.
- 25 Суничук Е.Ф. Скифский могильник Чауш в низовьях Дуная // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1985. С.38-45; Редина Е.Ф. Скифы Днестро-Дунайских степей // Киммерийцы и скифы. С.60-62.
- 26 Бунятян Е.П. Рядовое население степной скифии IV-III вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981; Она же. Методика социальной реконструкции в археологии. Киев, 1985.
- 27 Мозолевский Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. С.197-231; Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Указ.соч. С.194-205.
- 28 Мурзин В.Ю. О военно-политической организации кочевых скифов // Киммерийцы и скифы. С.26-28.
- 29 Карышковский П.О. Монеты скифского царя Скила // Там же. С.66-68.
- 30 Раевский Д.С. Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988.
- 31 Раевский Д.С. Эллинские боги в Скифии? // ВДИ. 1980. № 1; Она же. Модель мира скифской культуры. М., 1985; Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- 32 Гаврилюк Н.А. Этапы экономического развития степной Скифии // Хозяйство и культура... С.33, 34; Она же. Периодизация экономической истории степной Скифии // Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. С.181-184; Она же. Структурное превращение хозяйства степной Скифии // Киммерийцы и скифы. С.44-46.
- 33 Шрамко Б.А. Указ.соч. С.113-121.
- 34 Ольговский С.Я. Бронзолитейное производство в Северном Причерноморье в архаический период // Киммерийцы и скифы. С.34-36.
- 35 Шрамко Б.А. Указ.соч. С.161-166.

- 36 Скорый С.А. Про скифский этнокультурный компонент у населения Правобережной лесостепи в скіфську эпоху // Археологія. 1988. Вып.60. С.47-54; Он же. К этнокультурной истории украинской правобережной лесостепи в скифскую эпоху // Киммерийцы и скифы. С.70-72.
- 37 Галанина Л.К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып.24. С.32-55.
- 38 Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // Там же. Вып.23. С.43-48.
- 39 Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С.17-36.
- 40 Алексеев А.Ю. Курган Цимбала и дата его сооружения // СГЭ. 1982. XXIII. С.33-35; Он же. Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // Там же. 1985. XXVI. С.31-35; Он же. О месте Чертомлыкского кургана в хронологической системе погребений скифской знати IV-III вв. до н.э. // АСГЭ. 1984. Вып.25. С.65-75; Он же. Хронография Скифии второй половины IV в. до н.э. // Там же. 1987. Вып.28. С.47-51; Он же. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н.э. // СА. 1987. № 3. С.28-39.

М.Г. Мошкова

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Сарматская археология переживает период острых дискуссий, которые касаются не только вновь появившихся, еще неразработанных проблем, но и некоторых концепций еще недавно общепринятых. Подобная ситуация объясняется целым рядом причин.

После фундаментальных, обобщающих работ Б.Н.Гракова и К.ф.Смирнова^I прошло несколько десятилетий, которые ознаменовались накоплением не только колоссального массового археологического материала, но и большого числа индивидуальных уникальных находок, особенно на памятниках Нижнего Подонья. При этом проводилась раскопки не только в сравнительно неплохо обследованных районах, но и на территориях ранее слабо изученных (низовье Дона, междуречье Маныча - Сала и бассейны этих рек, Прикубанье, зауральская Башкирия, северо-восток Оренбуржья и т.д.). Многократно увеличился археологический материал, оставленный далекими и близкими, кочевыми и оседлыми соседями савромато-сарматских племен. Наконец, в археологическую науку влилась целая когорта молодых, хорошо подготовленных исследователей, которые уже в силу своей молодости не могли не обратиться к проверке и пересмотру целого ряда положений, принятых в сарматской археологии.

Перечень их достаточно велик, но я остановлюсь только на проблемах самых важных и самых сложных с моей точки зрения: это савромато-сарматская археологическая культура (или культуры) и ее локальные варианты, с которыми связаны вопросы происхождения населения разных регионов и их этнической атрибуции, наконец, периодизация и хронология всей эпохи существования савромато-сарматских древностей.

Памятники, которые принято объединить понятием сарматская археологическая культура (VI в. до н.э. - IV в. н.э.), занимают огромную территорию - первоначально это степи от Дона до Южного Приуралья, а ко II в. до н.э. уже от Дуная до Южного Приуралья^к.

^кВ этой статье затрагиваются проблемы, связанные с историей Азиатской Сарматии, поскольку с момента расселения сарматов на запад, за Дон, вступают в силу много новых факторов и появляется не менее серьезный и спорный узел проблем. Один из основных его вопросов - когда же произошло это расселение и как? В настоящее время существует несколько концепций, которые различаются и по определению времени этого события и по форме его осуществления^с.

В хронологическом срезе сарматская археологическая культура охватывает по Б.Н.Гракову четыре ступени или четыре культуры – савроматскую (блюминфельскую), раннесарматскую (прохоровскую), среднесарматскую (суловскую) и позднесарматскую (шиповскую)*, каждая из которых характеризуется своим специфическим археологическим комплексом. В связи с ситуацией, при которой, во-первых, возникла терминологическая нечеткость, т.е. культура в культуре и, во-вторых, существовала неравнозначность периодов не только в отношении материальной культуры, но территории и этноса, уже в 70-х годах было предложено каждую из четырех ступеней рассматривать как археологическую культуру, а всю совокупность их как "сарматскую этническую общность"⁴.

Однако споры вокруг этого вопроса продолжаются и некоторые исследователи и по сей день каждую из савромато-сарматских культур считают лишь временным этапом. При этом они исходят из постулата, согласно которому признаки преемственности или генетического родства в последовательно выделенных археологических комплексах обязывают объединить их в одну культуру, сохранив первоначальное деление в виде этапов⁵.

Автор этих строк достаточно подробно изложил свою позицию относительно этой дискуссии в одной из публикаций⁶ и продолжает настаивать на том, чтобы рассматривать каждый из выделенных савромато-сарматских археологических комплексов в качестве самостоятельной АК. И соответственно в каждом отдельном случае должны подвергаться исследованию вопросы ее происхождения, ареала, периодизации и локальных вариантов внутри культуры, а также вопросы социального и хозяйственного характера. Единственная корректура, которую я сочла необходимым внести в свои более ранние высказывания по этому вопросу⁷, касается термина, объединяющего все четыре культуры.

Мне представляется, что понятие "савромато-сарматская культурно-историческая общность" вместо "сарматская этническая общность" применительно ко всем "савромато-сарматским" культурам более точно отражает сущность связей внутри этого полиэтничного кочевого массива, существовавшего на колоссальной территории в течение десяти веков.

Однако наши споры не прекратятся до тех пор, пока не будет, наконец, разработана теория АК и не будет принята единая дефиниция этого фундаментального понятия археологической науки. По всей вероятности, чтобы быть общепризнанной дефиниция АК должна быть наиболее генерализованной.

С неразработанностью теории АК и в частности с отсутствием критериев для выделения самостоятельных АК или локальных вариантов внутри единой АК связана еще одна спорная проблема сарматской археологии.

До последнего времени большинство сарматологов придерживалось концепции П.Д.Рау, Б.Н.Гракова и К.Ф.Смирнова о наличии двух локальных вариантов единой савроматской культуры – Волго-Донского и Самаро-Уральского. Однако этническая идентификация обитавшего на этой территории массива кочевых племен разными исследователями решалась по-разному.

М.И.Ростовцев связывал с историческими (геродотовскими) савроматами лишь памятники низовьев Дона и Приазовья. Б.Н.Граков в 20-е годы видел в населении обоих регионов не передвинувшихся на запад часть кочевых скифов. Но позже пол-

* Название "шиповская" сейчас не употребляется, поскольку сами Шиповские курганы относятся, как доказано, к гуннскому времени³.

ностью поддержал концепцию П.Д.Рау и вполне определенно все памятники этих областей отождествил с савроматами⁸, в то время как П.Д.Рау вопрос об этническом составе самаро-уральской группы фактически оставил открытым⁹. Примерно на тех же позициях в 40-е годы стоял К.Ф.Смирнов. Но все эти исследователи подчеркивали своеобразие археологических памятников каждого из двух регионов, считая, что это своеобразие, очевидно, соответствует двум тесно связанным между собой родственным племенным массивом. Более определенно именно К.Ф.Смирнов рассматривал эти области как локальные варианты единой археологической савроматской культуры и подчеркивал большую неоднородность южноуральских памятников по сравнению с Волго-Донскими. Последние он соотносил с геродотовскими савроматами и считал, что не позднее VI в. до н.э. в междуречье Волги-Дона сложился савроматский союз племен. В него помимо "савроматского ядра", переселившегося из низовий Дона, входила целая группа родственных по происхождению или однородных по языку племен, составлявших нечто целое в этническом и политическом отношении. В 60-е годы К.Ф.Смирнов предположил возможность вхождения в южноприуральский союз племен, "части загадочных исседонов, протоавроров и возможно роксоланов"¹⁰. Тем самым утверждалось этническое многообразие в рамках одной археологической культуры. А локальные варианты этой культуры как раз и отражали неидентичность этнического состава населения, оставившего эти памятники.

В 70-х годах Д.А.Мачинский, оперируя письменными источниками¹¹, а затем В.П.Шилов, опираясь главным образом на археологические данные, приходят к выводу о заселении степей южного Приуралья исседонами¹². В общих чертах поддерживал эту позицию и К.Ф.Смирнов¹³, но предложил более дробное деление территории между разными этническими группами племен. Памятники восточных районов он отождествил с исседонами, а западных с дахо-массатетами.

Мне представляется, что независимо от того, с каким этнонимом античных источников мы отождествим население, оставившее нам памятники Южного Приуралья (пока что все привязки не бесспорны), главное заключается в том, что все специалисты сарматологи признают, что в савроматское время на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья существовали два крупных племенных союза, этнически неоднородных. А посему основная дискуссия сосредотачивается вокруг чисто археологической проблемы — покрывает ли савроматская культура в двух ее локальных вариантах оба этнические массива или же на территории Нижнего Поволжья (включая междуречье Волги-Дона и Нижнее Подонье) и Южного Приуралья существовали две разные археологические культуры, другими словами, насколько велика степень различия и сходства между этими двумя группами памятников.

Теоретически возможна такая ситуация, при которой разные этнические группы имеют очень близкие или тождественные формы материальной культуры, включая и духовную сферу (в частности, погребальный обряд). Но также возможна и противоположная ситуация — население одной этнической группы неоднородно по своей материальной и духовной культуре. Поэтому для решения интересующей нас проблемы необходимо оперировать какими-то критериями, различающимися между собой, с одной стороны, археологические культуры и с другой — археологические культуры и локальные варианты культур. К сожалению, общепризнанных разработок и установок по этим вопросам пока еще нет. И каждый исследователь пытается сам выявить наиболее специфические с его точки зрения разделяющие и сближающие признаки сравниваемых археологических комплексов.

Вопрос о существовании двух самостоятельных археологических культур савроматского времени в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье давно поднимался в на-

шей литературе. В последние годы ему была посвящена специальная работа М.А.Очир-Горяевой¹⁴, в которой сравнительному анализу были подвергнуты погребальные комплексы VI–IV вв. до н.э. (222 из Нижнего Поволжья и 104 из Южного Приуралья) по нескольким культурообразующим признакам – погребальному обряду, лепной керамике и оружию. Исследовательница пришла к следующим выводам – погребальный обряд памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья имеет больше различий, чем сходства. То же самое относится к формам оружия и лепной керамики. Особенно ярко различие керамических комплексов двух регионов проявляется, как считает М.А.Очир-Горяева, в существовании круглодонной и богато орнаментированной керамики только в погребениях Южного Приуралья. Различающим признаком служит и отсутствие в Нижнем Поволжье погребений с инвентарем "жриц", куда входят каменные жертвенники, зеркала, раковины с красками, гальки и т.д. Кстати наличие последнего признака только в Южном Приуралье послужило когда-то основанием (П.Д.Рау, Б.Н.Граков, К.Ф.Смирнов) для выделения этого региона в особый локальный вариант савроматской культуры. На основании всех этих различий М.А.Очир-Горяева говорит о наличии двух различных археологических культур – одна существовала в Нижнем Поволжье, другая – в Южном Приуралье. Но ни одна из них, по мнению исследователя, не может быть отождествлена с историческими савроматами, которых, как она пишет, следует видимо, искать, судя по данным письменных источников, "в непосредственной близости к Понту, Меотиде, Танаису". Последний вывод представляется мне далеко не бесспорным¹⁵. Что касается археологической сути основательно аргументированной позиции М.А.Очир-Горяевой, то, на мой взгляд, при исследовании не были учтены два обстоятельства, которые несколько изменили бы картину столь резкого различия между этими двумя регионами.

Во-первых, подавляющее большинство погребений Нижнего Поволжья принадлежит рядовым общинникам, в Южном Приуралье, напротив, очень значительный процент погребений содержат захоронения высшего и среднего военного сословия. Погребальный обряд тех и других, даже в рамках одной культуры во многом различен, особенно в оформлении надмогильных сооружений и внутреннего пространства могилы. Поэтому при анализе погребального обряда необходимо учитывать социальную и имущественную стратификацию общества.

Во-вторых, особенности керамического комплекса Южного Приуралья дают в своей массе памятники северо-восточных, зауральских областей распространения "савроматской культуры". Круглодонные сосуды VI–V вв. до н.э. известны только в Зауралье (в IV в. до н.э. территория их распространения практически охватывает все Южное Приуралье), в тех же районах сосредоточены основные серии с богатой орнаментацией. Эти области всегда выделялись своими южными и северо-восточными связями на фоне достаточно монолитного южноприуральского археологического комплекса.

Наконец, не всегда тождественные формы оружия этих двух регионов связаны с поставками предметов вооружения населению этих областей из разных производственных центров (Южное Приуралье снабжало население зауральской лесостепи и ананьинских производственных центров, Нижнее Поволжье – кавказские также ананьинские центры и возможно население среднедонской лесостепи). Не исключено, что учет

¹⁵ См.: Мозжова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской археологической общности. Науч. докл. представленный... докт. ист. наук. М., 1989. С.21, 22.

всех этих обстоятельств внес бы определенные коррективы в выводы, сделанные М. А. Очир-Горяевой.

Очень важные материалы для решения этой спорной проблемы появились благодаря полевым исследованиям, проводившимся в степном Зауралье¹⁵. Особый интерес вызывают памятники савроматского времени, среди которых была выделена группа захоронений V—VI вв. до н.э.¹⁶ Обряд и особенности инвентаря этой группы имеют самые близкие аналогии в материалах тасмолинской культуры северного и центрального Казахстана, а также в памятниках восточного Приуралья. Выделивший эту группу А. Д. Таиров совершенно справедливо объясняет подобное сходство близостью культур эпохи поздней бронзы этих областей и Зауралья, а также экологической обстановкой на всей этой территории. Последнее обстоятельство предопределило маршруты перекочевок населения степного Зауралья. Они проходили по Тургайской впадине к среднему и нижнему течению Сырдарьи, верховьям Сарысу и Чу, где во время зимовок зауральские кочевники вступали в контакты с населением Центрального Казахстана и Приуралья. Взаимная инфильтрация и создала близость этих комплексов.

Мне представляется, что главную роль в появлении этой близости сыграли все-таки общие этногенетические корни. Носителями этих общих традиций были племена эпохи поздней бронзы, населяющие Зауралье, Центральный Казахстан и Приуралье. Именно для них характерен федоровский археологический комплекс, входивший в качестве компонента или основы в пласт, подстилающий памятники эпохи раннего железного века этих территорий. Поэтому я думаю, что выделенный район Зауралья (включая район г. Магнитогорска и земли к северу и востоку от него) в V—VI вв. до н.э. являлся отдаленной периферией расселения племен тасмолинской культуры. В пользу подобного утверждения говорит весь облик материальной культуры этих памятников (бронзовые черешковые наконечники стрел, ножи без выделенной рукоятки, прямоугольные поясные обоймы, бронзовый кинжал, образцы звериного стиля) и такие специфические черты погребального обряда, как курганы с усами (17 пунктов в Зауралье, Челябинской области и прилегающих районах — сведения собраны А. Д. Таировым), камень в насыпи, северная или северо-западная ориентировка погребенных (Брбовский могильник), характерные для круга сакских культур и в первую очередь для тасмолинской. Все это позволяет, на мой взгляд, все зауральские памятники V—VI вв. до н.э. отсечь от савроматской археологической культуры.

Очень интересен и пока необъясним тот факт, что во всех остальных более западных областях южного Приуралья практически нет памятников V—первой половины VI вв. до н.э. Они появляются здесь лишь во второй половине VI — начале VII вв. до н.э. и тогда резко меняется этнокультурная ситуация и в Зауральских районах. Как считают А. Д. Таиров и А. Г. Гаврилюк, на всей этой территории "в результате установления тесных контактов с племенами скифо-савроматского круга, а возможно и прямого проникновения каких-то их групп начинает активно формироваться самобытная кочевническая культура... Не исключена и непосредственная генетическая связь какой-то части населения Южного Зауралья — Приуралья VI—VII вв. до н.э. с группами племен, локализуемых на западе. Здесь следует особо внимательно отнестись к попытке размещения "отложившихся" скифов на Южном Урале и к вопросу о расселении савроматов на восток от места сложения их первоначального ядра "где-то в степях Меотиды, по берегам Танаиса"¹⁷. Насколько правы в своем последнем предположении исследователи, покажет время. Однако тезис о расселении савроматов на восток вплоть до Южного Приуралья не только не снимает проблему существования одной (в двух локальных вариантах) или двух археологических культур

"савроматского" времени (VI–IV вв. до н.э.), но привносит в нее новые вопросы. Подводя итог всему сказанному, я хотела бы обратить внимание на следующее обстоятельство. Независимо от того, как мы назовем нижеволжский и южноуральский археологические комплексы VI–IV вв. до н.э. – культурами или локальными вариантами – "нижеволжский комплекс на фоне скифских культур, так же как "южноуральский" на фоне сакских будут иметь между собой наибольшую близость. То есть уровень близости этих двух "культур" "савроматского круга" между собой выше, чем каждой из них с окружающими культурами. Обе "савроматские культуры" располагаются на промежуточной территории между Европой и Азией, потому нижеволжские памятники – европейские и несут на себе больше черт, свойственных культурам европейских кочевников, южноуральские памятники – азиатские и более связаны с кругом восточных сакских культур.

Однако оценивая "савроматскую" культуру или варианты с позиций сущности и номенклатуры, мы еще раз столкнулись с ситуацией, когда теоретическая неразработанность этих вопросов и количественных оценок сходства и различия не дают возможности прийти к окончательному решению вопроса. Проблема, как мне представляется, остается пока открытой.

Очень близкий круг вопросов затрагивает и дискуссия, развернувшаяся вокруг интерпретации ранних (VI–V вв. до н.э.) памятников Нижнего Дона и Приазовья¹⁸. Как можно квалифицировать эти памятники, к какой археологической культуре они относятся – савроматской, скифской или меотской? Споры идут много лет, однако вряд ли удастся прийти к полному единогласию, поскольку территория нижнего Дона и Приазовья была контактной зоной, где обитали и скифы, и савроматы и меоты и где происходило смешение всех трех комплексов материальной культуры.

Не менее важной и снова актуальной стала проблема хронологии и периодизации сарматских древностей VI в. до н.э. – IV в.н.э. Если говорить о хронологии, которая является основой основ всех наших построений, то дело обстоит, к сожалению, далеко не безупречно, особенно с точки зрения всестороннего использования и применения методов, существующих для этой процедуры. При любом методе датировок – традиционном с подбором наиболее близких аналогий с соседних и отдаленных территорий (особенно важно при наличии импортных изделий) или с применением статистических приемов (например, выявление определенных типов вещей с повышенной взаимовстречаемостью) начинается исследование о определении типов исследуемых предметов. Однако общепринятой типологии для целого ряда категорий сарматского инвентаря пока не разработано (в частности, для гончарной керамики). В других случаях появление большого количества нового материала и выявление каких-то деталей заставляет пересмотреть уже имеющиеся типологии (например, зеркала, пряжки). Более менее контролируемой и коррелируемой с материалами с соседних территорий является пока только типология бронзовых наконечников стрел и соответственно достаточно точно разработанная дробная хронология времени VI–IV – начала III вв. до н.э. Поэтому одной из самых насущных задач савроматской археологии остается создание типологических и эволюционных рядов различных категорий вещей. При этом, выделяя тип или вариант типа, желательно ввести не только достаточно четкие и определенные качественные, но по возможности и количественные (определенные параметры вещи) критерии. Иначе бывают случаи, когда очень серьезные и добросовестные исследователи одну и ту же вещь относят к разным типам или вариантам и соответственно по-разному датируют (например, фибулу из Авилковского могильника, курган 4, в работах А.А. Амброза¹⁹ и А.С.

Скрипкина²⁰). Разумеется отдельные конкретные исследования в этом направлении конечно проводились и проводятся по сей день²¹.

Исследования по проблеме периодизации сарматских древностей и пересмотр существующих концепций идут по двум направлениям: проверка временных границ между каждой из сарматских культур и раскрытие механизма трансформации археологического комплекса одной культуры в другой.

Самые жаркие споры идут вокруг определения даты конца раннесарматской культуры и соответственно начала среднесарматской. Согласно периодизации Б.Н.Гракова и К.Ф.Смирнова²² раннесарматская культура датировалась IV–II вв. до н.э. Конец II и рубеж II–I вв. до н.э. рассматривался как переходный период, а I в. до н.э. относился уже к среднесарматской культуре. Сейчас появилась новая периодизация, отстаиваемая А.С.Скрипкиным, согласно которой прохоровская (раннесарматская) культура существует до I в. до н.э. включительно, причем именно II–I вв. до н.э. дают классические комплексы этой культуры. Среднесарматская – начинается свое существование с I в. н.э. и основными создателями ее являются аланы²³. Правда, относительно своего последнего тезиса в одной из недавно вышедших статей А.С.Скрипкин высказывается более осторожно. Он пишет, что "новые черты в погребальном обряде и материальной культуре, выявленные археологически (т.е. сложение среднесарматской культуры. – М.М.), и данные письменных источников (о появлении алан. – М.М.) хотя и не совпадают полностью, однако сближаются во времени. По крайней мере утверждение алан происходило на новом археологическом фоне, для которого были присущи черты среднесарматской культуры. Но пока нет убедительной гипотезы об отождествлении каких-либо памятников в степных районах с ранними аланами"²⁴.

В основе предложенной А.С.Скрипкиным концепции лежат два решающих, как он считает, аргумента: 1) нахождение фибул среднелатенской схемы со скрепой в типично прохоровских погребениях, которые на этом основании датируются II–I вв. до н.э., но, главным образом, именно I в. до н.э.; 2) – широкое распространение именно с I в. до н.э. основных погребений под индивидуальными насыпями в широких прямоугольных и квадратных ямах, значительный процент которых содержал диагональные захоронения.

Пока я не могу согласиться с этой концепцией и предложенную аргументацию по целому ряду соображений²⁵ не считаю достаточно убедительной. Мне представляется, что первую половину I в. до н.э., а возможно и самый конец II в. до н.э. следует рассматривать как переходный период, когда идет формирование среднесарматского археологического комплекса и одновременно сохраняются очень многие черты погребального обряда и типы инвентаря, свойственные раннесарматской культуре. Думаю, что разрешению наших споров очень помогут материалы Нижнедонских могильников, исследованных в Мартыновском районе у хут. Новенького и Кировского (раскопки Л.С.Ильюкова и М.А.Власкина), инвентарь которых содержит много импортной кубанской керамики (датировка ее разработана сейчас достаточно надежно И.И.Марченко)²⁶ и других привозных вещей.

К вопросам трансформации одного археологического комплекса в другой непосредственно примыкает еще одна очень важная проблема глобального характера – становление стереотипа форм погребального обряда и погребальный обряд как исторический источник. Тема эта довольно широко разрабатывается всеми археологами и в том числе молодыми сарматологами – В.А.Мышкиным, Э.А.Барбаруновой.

И, наконец, очень интересной и широкой по охвату времени и пространства является проблема взаимоотношений кочевого и окружающего оседлого мира, включающая

в себя и вопросы торговли, и взаимовлияний, и политико-экономических отношений, специфичность археологических комплексов контактных зон и целый ряд других.

Я очень кратко остановилась на наиболее спорных и важных проблемах, за бортом этой статьи осталось еще множество вопросов, над которыми предстоит работать настоящим и будущим поколениям археологов.

- 1 Г р а к о в Б.Н. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. 3; С м и р н о в К.Ф. Савроматы. М., 1964.
- 2 М о ш к о в а М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.162, 163.
- 3 З а с е ц к а я И.П. О хронологии погребений "эпохи переселения народов" Нижнего Поволжья // СА. 1968. № 2.
- 4 М о ш к о в а М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С.5.
- 5 К а м е н е ц к и й И.С. Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С.24; М о ш к о в а М.Г. Понятие "археологическая культура" и савромато-сарматская культурно-историческая общность // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С.93.
- 6 М о ш к о в а М.Г. Понятие "археологическая культура"... С.89-96.
- 7 М о ш к о в а М.Г. Происхождение... С.5.
- 8 Г р а к о в Б.Н. Указ.соч. С.103.
- 9 R a u P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929. S. 59, 60.
- 10 С м и р н о в К.Ф. Указ.соч. С.197.
- 11 М а ч и н с к и й Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных источников // АСГЭ. 1971. Вып.13. С.30-37.
- 12 Ш и л о в В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975. С.139.
- 13 С м и р н о в К.Ф. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С.135.
- 14 О ч и р - Г о р я л е в а М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI-IV вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- 15 П ш е н и ч н ю к А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983; З д а н о в и ч Г.Б., Т а и р о в А.Д. Работы в Челябинской области // АО. 1981 г. М., 1983; Т а и р о в А.Д., Б а т а л о в С.Г. Курганы у с.Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988; Т а и р о в А.Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
- 16 Т а и р о в А.Д. Указ.соч. С.36.
- 17 Т а и р о в А.Д., Г а в р и л ю к А.К. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. С.151, 149.
- 18 Л у к ъ я ш к о С.И. Этнические процессы на нижнем Дону и северо-восточном Приазовье в VI-IV вв. до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории.
- 19 А м б р о з А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САМ. М., 1966. Вып. Д1-30. С.48, 49.
- 20 С к р и п к и н А.С. Фибулы Нижнего Поволжья: (По материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С.106.

- 21 См.: Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971; Мошкова М.Г. Раннесарматские бронзовые пряжки // МИА. 1960. № 78; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101; Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971; Очир - Горяева М.А. Савроматская культура Нижнего Поволжья VI-VII вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988; Засецкая И.П., Марченко И.И. Литые стеклянные канфары из Прикубанья: (Классификация и хронология) // Первая Кубан. археол. конф.: Тез. докл. Краснодар, 1989. Ч.2.
- 22 Граков Б.Н. Указ. соч.; Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Докл. и сообщ. ист. фак. МГУ. 1947. У.
- 23 Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Азиатской Сарматии // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Кемерово, 1987. Ч.2. С.124, 125.
- 24 Скрипкин А.С. Этнические проблемы сарматской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С.101.
- 25 Мошкова М.Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности: Науч. докл., представл. в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. С.37-45.
- 26 Марченко И.И. Сарматы степей правобережья нижней Кубани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.

М.П. Абрамова

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

В ходе археологических работ, проводимых за последние два десятилетия на территории Центрального Предкавказья, получен новый обширный материал, позволивший пересмотреть целый ряд вопросов, связанных с историей и культурой населения, обитавшего здесь в древности в различные хронологические периоды, в первую очередь в скифо-сарматское время. Однако многие вопросы, связанные, в частности, с сарматским периодом, остаются дискуссионными и до сих пор.

К числу наиболее дискуссионных относятся обычно вопросы хронологии и этнической истории древнего населения, обитавшего на той или иной территории. Хронология памятников сарматского времени, открытых на территории Центрального Предкавказья, не вызывает у археологов больших разногласий. В целом применяется та периодизация, которая была предложена еще в начале 60-х годов В.Б.Виноградовым: III-I вв. до н.э. и I-IV вв. н.э.¹ Новые археологические материалы подтвердили правомерность деления северо-кавказских материалов сарматского времени на два периода, что хорошо согласуется и с историческими данными, в частности, со сведениями древних авторов о появлении в I в.н.э. на Северном Кавказе могущественного сарматского племени алан.

Раскопки новых могильников сарматского времени, открытых в Предкавказье, и публикация их материалов позволили выделить более дробные хронологические этапы, в частности в пределах позднего периода (I-IV вв.н.э.): 1) начало II в., 2) первая половина III в. и вторая половина III - IV в. н.э.² К сожалению почти полное отсутствие импорта в погребениях раннего периода (III - I вв. до н.э.) не позволяет на материалах Центрального Предкавказья дать более дробную хронологию для памятников этого времени. По-видимому, большую помощь в решении этой задачи

сможет в дальнейшем оказать та работа по периодизации памятников Прикубанья, которую проделал И.И.Марченко, используя богатый импортный материал, найденный во впускных курганных погребениях Правобережья Нижней Кубани³.

Отмеченная выше периодизация применяется к памятникам сарматского времени разных районов Северного Кавказа. Долгое время она в определенной степени противоречила существующей периодизации культуры сарматских племен (IV–II вв. до н.э., I в. до н.э. – I в. н.э., II–IV вв. н.э.), с которыми у северокавказских племен были постоянные тесные контакты. В последние годы А.С.Скрипкин, основываясь на наличии среднелатенских фибул II–I вв. н.э. в комплексах с материалами прохоровской культуры, которая датировалась ранее IV–II вв. до н.э., считает возможным доводить ее верхнюю границу до рубежа нашей эры⁴, что представляется совершенно справедливым и закономерным. Предлагаемая им новая периодизация памятников сарматской культуры хорошо согласуется с существующей периодизацией северокавказских материалов, в первую очередь материалов Предкавказья. Поскольку на территории Предкавказья ведущую роль играли сарматы, можно говорить о тесном взаимодействии кочевого и оседлого мира и о близости их культур.

К числу наиболее дискуссионных относится проблема этнической истории древнего населения. Применительно к центральным районам Северного Кавказа эта проблема является особенно актуальной, поскольку она связана с решением вопроса об этногенезе осетинского народа. Это, в свою очередь, требует рассмотрения материалов сарматского времени, так как предками осетин являются, по общепризнанному мнению, раннесредневековые аланы, а первое появление кочевников алан на Северном Кавказе засвидетельствовано древними авторами в I в. н.э. Памятниками раннесредневековых алан Северного Кавказа принято считать катакомбные могильники, широко распространившиеся преимущественно в центральных районах Северного Кавказа. Вопрос об истоках этого обряда на Кавказе остается спорным и до сих пор. Наибольшее распространение получила точка зрения о том, что этот обряд был занесен на Северный Кавказ сарматским племенем аланов в I в. н.э. Об этом говорил К.Ф.Смирнов применительно к территории Северо-Западного Кавказа⁵. Более подробно эта точка зрения была рассмотрена Л.Г.Нечаевой, которая считает, что раннесредневековые катакомбы аланской культуры имели свои прототипы на Кавказе и в более раннее – сарматское время. К ним она относила не только катакомбы "Золотого кладбища" в Прикубанье, но и, совершенно справедливо, подкурганные катакомбы Алханкалинского могильника. Все эти памятники сарматского времени были оставлены на Кавказе, по мнению Л.Г.Нечаевой, аланами, передвинувшимися сюда из Средней Азии, в то время, как приписываемая аланам позднесарматская культура должна быть связана, по Л.Г.Нечаевой, с гуннами⁶.

Точка зрения Л.Г.Нечаевой о сармато-аланских истоках катакомбного обряда на Кавказе находила хорошее подтверждение в имевшихся в то время археологических материалах: на Северном Кавказе, за исключением погребений "Золотого кладбища", было известно незначительное число катакомбных погребений и все они датировались не ранее I в. н.э., когда появление алан на Кавказе было засвидетельствовано письменными источниками. Поэтому этот тезис нашел полную поддержку у всех археологов-кавказоведов, занимавшихся аланской культурой Северного Кавказа или сарматской эпохой (В.А.Кузнецов, Т.М.Минаева, Е.П.Алексеева, В.Б.Ковалевская, В.Б.Виноградов и др.).

Особое внимание этому вопросу было уделено К.Ф.Смирновым на состоявшейся в 1971 г. в г.Орджоникидзе конференции, посвященной различным аспектам аланской археологической культуры. В своем докладе К.Ф.Смирнов, говоря об истоках ката-

комбного обряда, отметил широкое распространение обряда катакомбных погребений, что объясняется, по его мнению, не взаимными связями, а близкими идеологическими, религиозными представлениями различных народов, поэтому этот обряд не может рассматриваться в качестве этноплеменного признака⁷. Вместе с тем учитывая факт наибольшего распространения у сарматов катакомб типа П (камера расположена на одной оси со входной ямой, являясь ее продолжением) и господство таких катакомб в курганах "Золотого кладбища" в Прикубанье, К. Ф. Смирнов считал возможным говорить об их генетическом родстве, тогда как катакомбы типа I (камера перпендикулярна к длинной оси входной ямы), наиболее характерные для территории Центрального Предкавказья вообще и аланской культуры, в частности, по мнению К. Ф. Смирнова, не могут быть сопоставимы с сарматскими; истоки их могли восходить к земляным склепам Прикубанья и Боспора⁸.

Открытие в 60-х и 70-х годах на территории Центрального Предкавказья грунтовых могильников сарматского времени с катакомбным обрядом погребения, ранние из которых (Нижне-Джулатский и Чегемский) датируются со II в. до н.э., показало, что катакомбный обряд распространяется на Кавказе не позже II в. до н.э., т.е. задолго до появления там кочевья аланских племен. Существовали разные точки зрения по поводу этнической принадлежности населения, оставившего эти могильники: некоторые археологи отстаивали его аланскую принадлежность⁹, другие приводили доводы, свидетельствующие о смешанном характере населения¹⁰, обитавшего на границе равнин и предгорий, то есть в зоне контакта кочевых и оседлых племен. В настоящее время последняя точка зрения разделяется всеми¹¹.

Спорным продолжает оставаться вопрос об истоках катакомбного обряда на Северном Кавказе. Большинство археологов считает, что появление этого обряда связано с расселением сарматских племен¹², тем более, что в последние годы был открыт целый ряд впускных катакомб в курганных могильниках сарматов Предкавказья. Все они датируются ранним периодом (III-I вв. до н.э.) и относятся к катакомбам типа П, известным и у сарматов. Однако тот факт, что катакомбы (в отличие от подбоев) были вообще мало характерны для погребального обряда сарматов и, кроме того, учитывая широкую распространенность катакомб (земляных склепов) в некрополях Ольвии и Боспора, в первую очередь Азиатского, можно говорить о том, что эта точка зрения не является единственно допустимой. С той же долей вероятности, если не с большей, в качестве очага распространения катакомбного обряда на Северном Кавказе можно рассматривать территорию Азиатского Боспора, связывая его с традициями оседлого эллинизированного населения — синдов и, по-видимому, меотов.

Очень важным и пока еще не достаточно ясным является вопрос о путях сложения культуры оседлого населения Предкавказья II-I вв. до н.э. Учитывая тот факт, что распространившиеся в это время на территории западных районов Центрального Предкавказья грунтовые могильники (Херсонка, Нижний Джулат, Чегем) зафиксированы именно там, где отмечено ранее пребывание скифов (Красное Знамя, Нартан), можно полагать, что в формировании этого населения принимали участие и потомки обитавших здесь ранее скифов. К сожалению предшествующий появлению этих могильников период (V-III вв. до н.э.) представлен археологическими материалами очень плохо и является совсем неразработанным. В то же время материалы именно этого периода могут пролить свет на многие вопросы, связанные со сложением культуры сарматской эпохи. Особенно это относится к территориям Ставропольской возвышенности.

В этой связи представляются очень важными те работы, которые проводит экспедиция Ставропольского краеведческого музея под руководством Н. А. Охонько. В ре-

зультате планомерного изучения поселений Ставропольской возвышенности было выявлено большое число городищ и поселений, относящихся к скифской и сарматской эпохам. Получены очень интересные данные о том, что в IV—III вв. до н.э. на юге Ставропольской возвышенности появляются поселения с круглыми каменными и земляными сооружениями. Рядом с поселениями обнаружены могильники, состоящие из каменных гробниц, сложенных из массивных плит и имевших коридорные входы. На поселениях и могильниках найдены предметы античного импорта¹³.

Эти очень важные и интересные данные свидетельствуют о том, что на территории Ставрополя, в частности Ставропольской возвышенности, обитали в скифо-сарматское время, наряду с кочевыми племенами, и значительные группы оседлого населения. Раскопки такого уникального памятника как Грушевское городище близ Ставрополя показали, что оседлое население здесь обитало с IV по III вв. до н.э. — гибель этого городища в начале III в. связывается с нашествием сарматов¹⁴. Можно поэтому говорить о наличии здесь стабильных групп оседлого населения, начиная со скифского времени и в период после ухода основной массы скифов (V в. до н.э.), по крайней мере, вплоть до расселения сарматов в III в. до н.э.

Исследование этих памятников и рассмотрение их материалов сможет пролить свет на те процессы, которые происходили на территории Центрального Предкавказья в предшествующее расселению сарматов время, и возможно, поможет выявить различные этнические компоненты в составе обитавшего здесь в сарматское время населения. Как представляется, заслуживает особого внимания факт открытия на Ставрополье каменных гробниц IV в. до н.э. с коридорными входами. Наличие в этих могилах античного импорта позволяет высказать предположение о возможном влиянии греческих традиций в распространении таких погребальных сооружений, тем более что присутствие здесь греков в IV—III вв. до н.э. засвидетельствовано материалами Грушевского городища. Не исключена и возможная связь этих погребальных сооружений со входами с распространившимися в Центральном Предкавказье в сарматское время катакомбными погребениями. Однако, для выяснения этого вопроса требуются дальнейшие исследования этих интересных памятников. Необходимо особо отметить, что с изучением территории Ставрополя связано решение многих ключевых проблем археологии Центрального Предкавказья.

Материалы сарматского времени с этой территории имеют большое значение и для решения такой важной проблемы в археологии Северного Кавказа как вопрос о слонении раннесредневековой аланской культуры. Уже теперь ясно, что формирование этой культуры не было вызвано прямым переселением ираноязычных кочевников алан в горные районы Кавказа, поскольку оно представляет собой сложный многоступенчатый процесс постепенного оседания и передвижения ираноязычных группировок населения с территории равнин в предгорья и горы, при этом уже на раннем периоде эти оседлые группы населения были смешанными по своему составу, включая в себя представителей не только ираноязычных кочевников, но и обитавших здесь ранее оседлых племен Предкавказья. Как проходил этот процесс конкретно в разных районах Северного Кавказа и в различные хронологические периоды — вот тот круг вопросов, который требует специального изучения.

Как известно, памятники раннесредневековой аланской культуры делятся на два основных варианта — восточный и западный со своими особенностями в каждом из районов¹⁵. Наличие двух локальных групп памятников (восточной и западной) прослеживается и при рассмотрении материалов сарматского времени. Восточная группа охватывает районы Зетережья, а западная — Кабардино-Пятигорье. В каждой из групп намечаются свои пути формирования локальной культуры¹⁶, которые требуют

еще целого ряда уточнений. Пути трансформации культуры сарматского времени в раннесредневековую культуру на территории Пятигорья не могут быть в настоящее время выяснены из-за крайней ограниченности археологических материалов переходного периода с этой территории. Более перспективным представляется рассмотрение этого процесса на территории восточной группы - в Затеречье. В этом отношении большое значение имеют проводимые с 1985 г. И.А. Аржанцевой и В.Б. Ковалевской раскопки Зилгинского городища в Северной Осетии.

Плохая изученность городищ и поселений центральных районов Северного Кавказа - наиболее слабое место в археологии сарматского и раннесредневекового времени этого региона. Небольшие раскопки, проводившиеся на некоторых раннесредневековых городищах (Нижнедзулатском, Алхан-Калинском и др.)¹⁷, фактически не выявили слоев сарматского времени, поскольку они были перерезаны сооружениями более поздних периодов. Зилгинское городище, расположенное в 1,5 км к северо-западу от г. Беслана, было впервые обследовано В.А. Кузнецовым. Городище имело сложную топографию - оно расположено на семи холмах, окруженных системой рвов. На самом высоком холме размещалась цитадель. К городищу примыкал грунтовой и курганные могильники¹⁸. Последующие раскопки этого городища выявили большое количество керамики, которая может быть датирована II и особенно III-V вв. н.э., судя по предварительной публикации керамических материалов этого памятника¹⁹. Поэтому наличие на Зилгинском городище слоев этого времени не может вызвать никаких возражений. Более спорным представляется прозвучавший в этой публикации тезис о том, что все керамические материалы этого городища датируются в пределах I-IV вв. н.э., тогда как материалов V в. здесь нет²⁰. Керамика этого региона разработана настолько слабо, что отделить керамические формы IV в. от V в., да и от последующего времени не представляется возможным. Как представляется, противоречит рассмотрению этого городища как памятника только сарматского времени и сложная его планировка, находящая аналогии в других раннесредневековых городищах Северного Кавказа. На холме V под культурным слоем были обнаружены катакомбы грунтового могильника, относящиеся к более раннему периоду существования городища²⁰. Поэтому точка зрения В.А. Кузнецова о постепенном освоении территории городища представляется более правильной. Авторы раскопок этого городища считают, что в первой половине I тыс. н.э. городище занимало наибольшую площадь, так как керамические материалы с цитадели синхронны материалам из раскопок холма V²¹. Однако при таком заключении остается неясным, с каким же периодом существования городища следует связать найденные на холме V катакомбы. В целом материалы Зилгинского городища требуют дальнейшего осмысления.

Тем не менее, несомненно, что изучение этого памятника имеет в настоящее время первостепенное значение. Рассмотрение археологических материалов более северных районов Предкавказья показало, что во II-III вв. н.э. происходит отток населения с территории равнин и начала предгорий на юг, в более безопасные районы. Одним из таких районов, находившимся в стороне от основных путей к перевалам, было Затеречье. Раскопки Зилгинского городища, расположенного в южных районах Затеречья и защищенного с севера Терским и Сунженским хребтами, свидетельствуют о появлении здесь в первых веках нашей эры больших групп оседлого населения, погребальными памятниками которых были катакомбные могильники.

Во второй половине III в. и в IV в. в более северных районах, по правобережью Среднего Терека распространяются обширные курганные могильники с катакомбным обрядом погребения (Братское, Октябрьское, Виноградное), которые, по-видимому,

в какой-то период существовали с грунтовыми могильниками более южных районов. Об этом свидетельствует и близость некоторых форм керамики Зилгинского городища и подкурганых катакомб Терека. Открытые в курганах Терека катакомбы содержали богатые захоронения воинской знати, в состав которой, как можно предполагать, вошли и представители аланских племен, кочевавшие к северу от Терека.

Необходимо также отметить, что катакомбы курганных могильников по своему устройству находят ближайшие аналогии в катакомбах раннесредневековой аланской культуры, являясь, скорее всего, их прототипами. Поэтому можно сказать, что материалы Затеречья II-IV вв. н.э. имеют первостепенное значение при рассмотрении вопросов сложения раннесредневековой аланской культуры Северного Кавказа, в первую очередь ее восточного варианта. Именно в этой связи тщательное исследование Зилгинского городища, являющегося в настоящее время ключевым памятником раннеаланской культуры этого региона, имеет первостепенную важность. Изучение материалов этого городища и главное - выявление хронологической последовательности освоения его территории - сможет значительно продвинуть наши знания о путях формирования здесь аланской культуры.

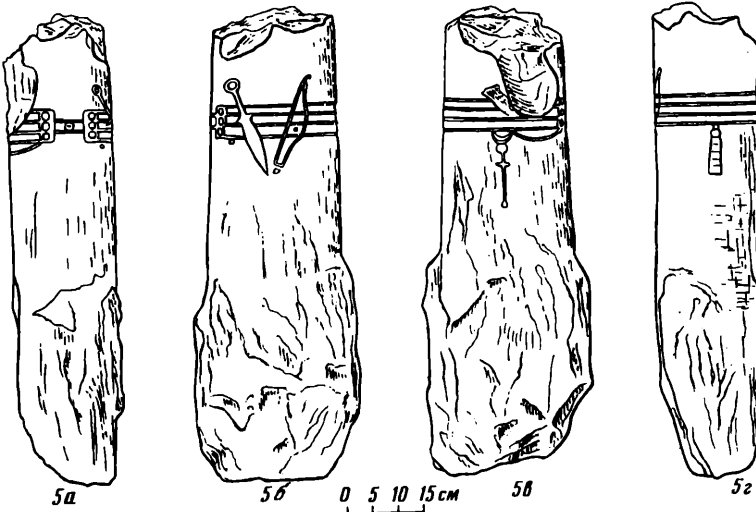
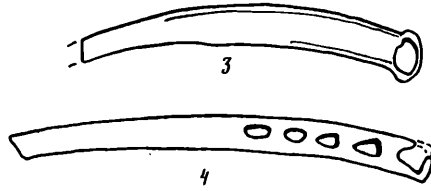
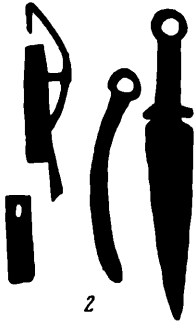
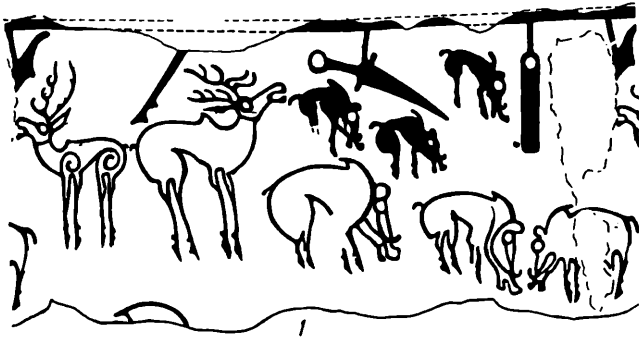
- 1 В и н о г р а д о в В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.
- 2 А б р а м о в а М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972; О н а ж е. Подкумский могильник. М., 1987; О н а ж е. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1989. С.268-281; К е р е ф о в Б.М. Чегемский курган-кладбище // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т.2. С.178-184; О н ж е. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С.53-64.
- 3 М а р ч е н к о И.И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. - III в.н.э.: (По материалам курганных погребений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- 4 С к р и п к и н А.С. Азиатская Сарматия: Проблемы истории и культуры // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. конф. Азов, 1988. С.122.
- 5 С м и р н о в К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1957. С.206-208.
- 6 Н е ч а е в а Л.Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956; О н а ж е. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С.151-159.
- 7 С м и р н о в К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С.75-77.
- 8 Там же. С.78-80.
- 9 В и н о г р а д о в В.Д. [рец-я] // СА. 1975. № 1. С.304-308. - Рец. на кн.: Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972; Б е р е з и н Я.Б., С а в е н к о С.Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.37-44.
- 10 А б р а м о в а М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С.81; К е р е ф о в Б.М. К вопросу о сарматизации племен центральной части Северного Кавказа (I этап) // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. С.67, 68; Г а б у е в Т.А. История племен центральных районов Северного Кавказа в I-III вв. н.э.: (По данным погребального обряда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С.19.
- 11 В и н о г р а д о в В.Б., Б е р е з и н Я.Б. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н.э. - IV в.н.э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С.54, 55.

- 12 Виноградов В.Б., Березин Я.Б. Указ. соч. С.52; Ждановский А.М., Марченко И.И. Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. 1988. С.45-53.
- 13 Охонько Н.А. К вопросу о заселении Ставропольской возвышенности в древности и в средневековье // XIV "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С.45, 46; О н ж е. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // МИСК. Ставрополь, 1988. № 15/16. С.254.
- 14 Найдено А.В. Раскопки на Грушевском городище под Ставрополем // Тез. докл. IV "Крупновских чтений" по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974. С.34-36.
- 15 Чеченов И.М. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тез. докл., посвящ. итогам полевых исследований 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971. С.205, 206; Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // СА. 1973. № 2. С.60 сл.
- 16 Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху. С.272-280.
- 17 Чеченов И.М. Раскопки городища Нижний Джугат в 1966 г. // Учен. зап. КБНИИ. Нальчик, 1967; Виноградов В.Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. // АЭС. Грозный, 1968. Т.2. С.210, 211.
- 18 Кузнецов В.А. Зилгинское городище в Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
- 19 Деопик Д.В. Керамика Центрального Предкавказья в I-IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч.2.
- 20 Аржанцева И.А. Работы Северо-Осетинской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988. С.124, 125.
- 21 Аржанцева И.А., Деопик Д.В. Зилги - городище начала I тысячелетия н.э. на стыке степей и предгорий в Северной Осетии // Учен. зап. Кавказ. ун-та. Сер. Филол. и соц.-науч. науки. М., 1989.

Н.Л.Членова

ЕЩЕ РАЗ О ДАТЕ ОЛЕННОГО КАМНЯ ИЗ АРЖАНА

В 1973 г. при раскопках кургана Аржан в Северной Туве М.П.Грязновым и М.Х.Маннай-оолом был найден обломок нижней части оленного камня цилиндрической формы с выбитыми на нем изображениями: поясом с подвешенными к нему кинжалом, оселком и горитом и фигурами оленей и кабанов, расположенными ниже подвешенных предметов или между ними (рис. I, I). Камень был найден в каменной насыпи кургана, над разграбленной камерой 34-а¹. М.П.Грязнов вначале датировал курган Аржан VП-VI вв. до н.э., но впоследствии, под влиянием археологов Украины, стал датировать его VIII-VII вв. до н.э.², а еще позже, на основании анализов по C¹⁴, произведенных в лаборатории ЛОИА Ю.Н.Марковым "самым началом VIII в. до н.э."³. Наконец, в 1983 г. М.П.Грязнов отнес курган Аржан к "Аржано-черногоровскому типу" скифо-сибирских культур IX-VIII вв. до н.э.⁴ Оленный камень, найденный в этом кургане, М.П.Грязнов "по аналогии с монгольскими камнями" датировал эпохой поздней бронзы, XII-IX вв. до н.э.⁵, т.е. предполагал вторичное использование этого оленного камня в качестве строительного материала кургана. Мнение о дате XII-IX вв. до н.э. для оленных камней, по крайней мере восточных, и в том числе для аржанского камня, разделяют Я.А.Шер, В.Н.Корпусова и В.П.Белозор⁶. В то же время сам М.П.Грязнов уже в 1975 г. изменил свое мнение о соотношении кургана Аржан и олен-

Р и с. 1. Изображения на оленем камне из Аржана и датирующие параллели им

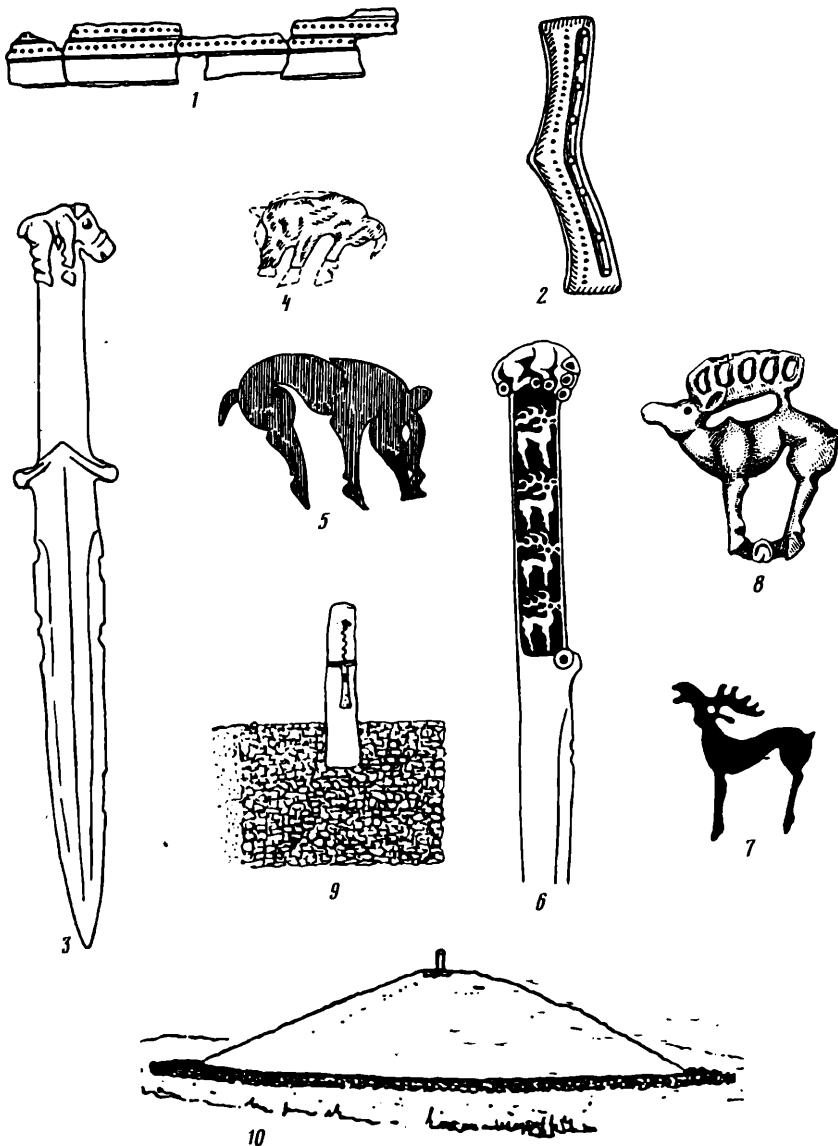
1 - изображения на камне из Аржана, развертка (по М.П.Грязнову); 2 - изображения на оленем камне из Ушкийн Увера, Монголия (по В.В.Волкову); 3, 4 - бронзовые ножи из Закаменского клада, Забайкалье (по Е.А.Хамзиной); 5 а-г - олений камень из с. Целинной, Крым (по В.Н.Корпусовой и В.П.Белозору)

1-4 - разные масштабы

ного камня, написав, что "обломок оленнего камня в Аржане - первый случай привязки оленных камней к погребальным комплексам" и что к аржанскому этапу (т.е. к УШ-УП вв. до н.э.) относятся почти все оленные камни Тувы⁷. Также и А.Д.Грач "не исключал реальной возможности синхронности оленнего камня (из Аржана. - Н.Ч.) и курганного комплекса"⁸. Однако, ни М.П.Грязнов, ни А.Д.Грач не приводили фактически никаких аргументов в пользу датировки оленнего камня из Аржана. Этой задаче посвящена интересная статья А.А.Ковалева, который датировал оленный камень из Аржана на основании изображенного на нем кинжала с кольцевым навершьем. К сожалению, наряду с наиболее типологически близкими аржанскому изображению предтагарскими кинжалами А.А.Ковалев приводит и кинжалы карасукского типа с грибовидными и зооморфными навершьями и поздние кинжалы из комплексов Тувы, Монголии и Средней Азии У-Ш вв. и даже П-І вв. до н.э. Несмотря на все это, А.А.Ковалев сумел прийти к правильному выводу о синхронности кургана Аржан и найденного на нем оленнего камня⁹.

Путь А.А.Ковалева - датировка изображений на аржанском камне реалиями - правилен, и я его продолжу. Для датировки аржанского камня могут быть использованы все изображения на нем: кинжал, горит, оселок, фигуры кабанов и оленей. Только аналоги должны быть точными. Так, аржанское изображение кинжала с кольцевым навершьем и перекрестьем-шипами ближе всего напоминает предтагарские кинжалы УШ-УП, скорее УП в. до н.э.¹⁰ Напомню, что дата эта получена путем сравнения группы предтагарских кинжалов с карасукскими и тагарскими кинжалами и с навершьями предтагарских ножей. Кроме того, можно сравнить изображение на оленном камне из Аржана с изображениями на других оленных камнях Евразии, как восточных, так и западных. Так, кинжал с аржанского камня очень похож на некоторые кинжалы с монгольских оленных камней; вместе с одним из них из Ушкийн, Увера¹¹ изображены также оселок и колчан (как на аржанском камне) и дуговидно изогнутый нож с овальным кольцом (рис.І, 2). Этот же нож весьма похож на ножи группы І4 по Н.Л.Членовой¹², дата которых УШ-УП вв. до н.э.¹³ Несколько таких ножей найдено в Закаменском кладе в Западном Забайкалье¹⁴, они найдены вместе с тагарским ножом УП-УІ вв. до н.э. (рис.І, 4). Кроме того, кинжал аржанского камня находит аналог и на западе, а именно, он очень похож на кинжал с оленнего камня у с.Целинное близ г.Джанкоя в Крыму; на том же камне изображены лук и оселок, а во впускном погребении 3 в этом кургане (к которому, видимо, и относился оленный камень) найден реальный оселок и железный клинок кинжала, который авторы публикации называют "восточноевропейской разновидностью карасукских кинжалов"¹⁵. Это неверно, так как восточноевропейские карасукские кинжалы все бронзовые и без срединной жилки¹⁶. Может быть, джанкойский кинжал был кабардино-пятигорского, или киммерийского типа, но об этом трудно судить, поскольку перекрестье и ручка не сохранились. Во всяком случае инвентарь джанкойского погребения (оселок, кинжал) вполне соответствуют изображениям на оленном камне с этого кургана (оселок, кинжал) (рис.І, 5 а-г).

Итак, кинжал джанкойского оленнего камня по деталям формы - кольцевое навершие, перекрестье-шипы - очень похож на кинжал с аржанского камня и предтагарские кинжалы УШ-УП, скорее УП в. до н.э. На обоих камнях, аржанском и джанкойском, изображены также оселки. Ношение оселков на поясе и положение их в могилу с покойником более всего характерно для архаической скифской и предскифской эпохи, УШ-УІ вв. до н.э.; они изображались почти на всех оленных камнях, западных и восточных¹⁸. Из киммерийских оленных камней, где изображен оселок, инвентарем курганов и изображениями на самих камнях датированы четыре: белогра-

Р и с. 2. Датированные параллели оленям камням (1-8) и положение камня на кургане Белоградца (9, 10)

1, 2 - могильник Тли, Юго-Осетия (по Б.В.Техову);
 3 - курган Аржан, камера I (по М.П.Грязнову); 4 -
 Гуляй-Город, кург. 38, Украина (по В.А.Ильинской);
 5 - Чиликты, кург. 5, Восточный Казахстан (по С.С.
 Черникову); 6, 7 - с.Туран, Тува (по Н.Л.Членовой);
 8 - Уйгарак, кург. I, Приаралье (по О.А.Вишневской);
 9, 10 - курган Белоградца, Болгария (10 - вид кургана
 и камня на нем; 9 - деталь: камень, врытый в насыпь
 из булыжника); 9, 10 - по Г.Тончевой

1-4, 6-8 - бронза; 5 - золото, 9 - камень; 10 -
 кург. 1-10 - разные масштабы

децкий, зубовский, устьлабинский и гумаровский. Все эти камни и погребения под ними относятся к УП в. до н.э.¹⁹ Наконец, пояс джанкойского изваяния — широкий, с продольными полосами, такой же, как пояс оленных камней из Ольвии, Белоградца, окрестностей Армавира. Из них хорошую дату по инвентарю погребения дает, как уже сказано, камень из Белоградца, а пояс на армави́рском оленном камне имеет очень близкие к джанкойской пряжки — прямоугольные, соединенные тонким стержнем или ремешком (рис. 1, 5а)²⁰. Уже приходилось сравнивать эти пояса и пряжки с реальными кобанскими бронзовыми поясами с продольными ребрами и с кобанскими бронзовыми пряжками в хороших комплексах УП—УІ вв. до н.э. могильника на Тли (рис. 2, 1, 2)²¹.

Таким образом, изваяние из Джанкоя должно датироваться УП в. до н.э. (а не ІХ в. до н.э., как его датируют авторы публикации). Перекрестная датировка кинжала на оленном камне из Аржана (изображениями кинжалов на восточном и западном оленных камнях) дает скорее УП, чем УШ—УП вв. до н.э.

Изображения на аржанском камне шести кабанов с подчеркнутыми клыками, острым горбом на спине и глазами—кружочками, стоящих "на цыпочках" (на пуантах), находят точнейшую параллель в самом кургане Аржан: это зооморфное навершье кинжала из камеры I (рис. 2, 3)²²; ноги кабана спускаются на ручку кинжала. Такие навершья—фигурки кабанов, ноги которых спускаются на ручку кинжала или ножа, известны в тагарской культуре в УІ в. до н.э.²³ Бляшка—кабан "на цыпочках" известна в хорошем комплексе середины — второй половины УІ в. до н.э. на Украине (курган № 38 у с. Гуляй—Город)²⁴, но есть подобные изображения и УП в. до н.э. (Чиликты, курган 5 в Восточном Казахстане)²⁵ (рис. 2, 5).

Олени, стоящие "на цыпочках" (группа П "скифских" оленей по Н.Л. Членовой) — широко распространены, они известны на ручках татарских ножей и ножа из Тувы УІ в. до н.э.²⁶; на оборотной стороне одного из тагарских ножей изображены кабаны "на цыпочках". Известны и олени с Кавказа в этой позе: на поясе из Душети УІ в. до н.э. и на сосудах из Нальчика и Ставропольского кургана УП в. до н.э.²⁷ Более поздняя вариация этих изображений, уже со следами кобанской стилизации известна на сосуде из кургана 4 могильника Нартан в Кабардино—Балкарии автор публикации В.М. Батчаев считает возможным отнести этот курган даже к У в. до н.э.²⁸ Наконец, подпружная пряжка в виде оленя "на цыпочках" известна из кургана 4І могильника Уйгарак в низовьях Сыр—Дарьи, который по стремевидным удилам с выпуклыми зубчиками ("строгие удила") должен датироваться УП в. до н.э. (автор публикации О.А. Вишневецкая датирует этот курган УІ в. до н.э.)²⁹.

Поскольку аржанский оленный камень представляет собой своеобразный закрытый комплекс (все изображения нанесены на нем одновременно) для его датировки можно построить график по И.С. Каменецкому, Б.И. Маршаку и Я.А. Шеру³⁰ (рис. 3).

Как видно по этому графику, аржанский оленный камень датируется скорее УП, чем УІ в. до н.э.; УШ в. до н.э. совсем невероятен, не говоря уже о ХП—ІХ вв. до н.э. — первоначальной дате М.П. Грязнова.

Нам известно в Европе и на Кавказе достоверно пять оленных камней, врытых над погребениями УП в. до н.э. в курганах Белоградец, Целинное (Джанкой), Усть—Лабинская, Зубовский хутор и Гумарово³¹. Так, в кургане Белоградец (Северо—Восточная Болгария), как установлено раскопками Г.Тончевой, оленный камень был установлен на кургане, в центре его он был вставлен в постамент, сложенный из камней и почти целиком скрытый курганной насыпью (рис. 2, 2)³². В кургане у ст. Усть—Лабинской камень сохранил свое первоначальное положение: он был врыт в насыпь из камня—голыша, которым была завалена впускная могила и, как

Р и с. 3. Хронологический график
 а - изображение кин-
 жала; б - изображение
 горита; в - изображение
 оселка; г₁-г₆ - изобра-
 жения кабанов; д₁-д₂ -
 изображение оленей

В. В. до н. э.												
VI												
VII	а	б	в	г ₁	г ₂	г ₃	г ₄	г ₅	г ₆	д ₁	д ₂	
VIII												

показывает профиль этого кургана, сохранившийся в отчете Н.И.Веселовского, находилась под курганной насыпью (очевидно, досыпанной в более позднее время, как свидетельствуют поздние вещи из этого кургана)³³. Очевидно, так же были первоначально установлены оленный камень из Зубовского хутора и из Джанкоя³⁴. Наконец, оленный камень из Гумарово был разломан в процессе добычи камня из кургана I местными жителями, верхняя часть камня была доставлена в Оренбургский музей, а нижняя часть осталась в кургане и была извлечена при раскопках Р.Б.Исмагиловым Гумаровского могильника в 1980 г.³⁵ Все пять перечисленных оленных камней были надгробными памятниками. По всей очевидности, и оленный камень из Аржана был надгробным памятником и был врыт первоначально над одним из погребений, следовательно, синхронен кургану Аржан.

Для обоснования датировки кургана Аржан VII в. до н.э. требуется больше аргументов, и они будут приведены в специальной статье.

- 1 Грязнов М.П., Маннай - оол М.Х. Третий год раскопок кургана Аржан // АО. 1973 г. М., 1974. С.195; Грязнов М.П. Аржан. Л., 1980. С.39, 41.
- 2 Грязнов М.П., Маннай - оол М.Х. Курганы Аржан - могила "царя" раннескифского времени // Учен. зап. ТНУИЯЛИ. Кызыл, 1973. Вып.16.
- 3 Грязнов М.П. Указ.соч. С.54.
- 4 Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С.16, 17.
- 5 Грязнов М.П., Маннай - оол М.Х. Третий год раскопок... С.195.
- 6 Шер Я.А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С.341-342; Корпусов В.Н., Белозер В.П. Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. 1980. № 2.
- 7 Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. X., 1975.
- 8 Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С.27, 28.
- 9 Ковалев А.А. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С.97.
- 10 Членова Н.Л. Карасукские кинжалы, М., 1976. Табл.2, 5-7.
- 11 Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. Табл.75, 1.
- 12 Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. 1972. № 182. Табл.7, 21, 22.
- 13 Там же. С.124.

- 14 Хамзина Е.А. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981. С.42. Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди на юге Восточной Сибири. Новосибирск, 1981. Табл. 4.
- 15 Корпусова В.Н., Белозер В.П. Могила... С.240, 241. Рис.5.
- 16 Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. Табл.9.
- 17 Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984. С.84.
- 18 Там же. С.18. Табл.1.
- 19 Савинов Д.Г., Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С.82; Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям // *Thracia, Serdicae*. 1975. I; Она же. О фракийцах нынешних Украины, Молдовы, Добруджи и Северо-Восточной Болгарии в XI-VI вв. до н.э. // *Studia Thracica*. София, 1975. I. Табл. V, 4,6; VI, 4,5; VII, 4. С.45; Топчева Г. *Nicropolis tumulaire pres du village Belogrades du VIIe s.av. n.e.* // *Thracia, Serdicae*. 1980. 5. Pl. X, XII. P.25-34; Членова Н.Л. Оленные камни... С.30-56; Исмагилов Р.Б. Каменная стена и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. С.89.
- 20 Членова Н.Л. Оленные камни... С.14. Рис.5; Корпусова В.Н., Белозер В.П. Могила... С.241. Рис.5.
- 21 Членова Н.Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху // *Studia Thracica*. София, 1975. I. С.86; Техов Б.В. Тийский могильник: (Комплексы второй половины VII-VI вв. до н.э.). Тбилиси, 1985. Т.3. Рис.104, 8,16; 108, 16,17; 159, 8,16; Воронцов Ю.Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С.201.
- 22 Грязнов М.П. Аржан. Рис.11,3; 29,2.
- 23 Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. Табл.28, 12,12а; 32, 5,6. С.172. Табл.1. Раздел "Кинжалы", №10. Раздел "Ножи", №23. С.153. №6.
- 24 Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. Киев, 1975. С.58. Табл. II, 23.
- 25 Черников С.С. Загадка золотого кургана. М., 1965. С.37. Табл.ХУП. С.38; Табл. ХУИ; Членова Н.Л. Скифский олень // МИА. 1962. №115. Табл.32, 4.
- 26 Членова Н.Л. Скифский олень. С.187, 202. Табл. IV, 6, 6-А; Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып.2. С.225. Рис.3, 7.
- 27 Членова Н.Л. Скифский олень. С.188. Табл. IV, 1,3.
- 28 Батчаева В.М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т.2. Табл. 17. С.50-52.
- 29 Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в V-VI вв. до н.э. М., 1973. С.116, Табл.ХIV, 7.
- 30 Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников. М., 1975. С.96. Рис.29.
- 31 Членова Н.Л. Оленные камни. С.8-10, 50. Рис.20,1.
- 32 Топчева Г. *Op. cit.* P. 10,11. Pl.IV,4; Тончева Г. Монументални скулптурни паметници от къснобронзовата и от ранножелязната епоха в България // *Thracia, Serdicae*. 1984. VI. С. 93.
- 33 Членова Н.Л. Оленные камни. С.8, 50. Рис.20,1.
- 34 Там же. С.13.
- 35 Исмагилов Р.Б. Указ.соч. С.89.

В данной работе речь пойдет о проблеме датировки ранних греческих апойкии на северном побережье Черного моря. Автор отдает себе отчет в том, что историко-археологическая база для решения этого вопроса довольно скудна. Наиболее ранние слои городов Причерноморья изучены весьма неполно. Исследователи уже предпринимали попытки определить даты возникновения не только какой-либо одной греческой апойкии, но и ряда первопоселений¹. В целом, хронологические рамки основания самых ранних поселений справедливо ограничиваются первой половиной VI в. до н.э.² (за исключением Березани, возникновение которой, на наш взгляд, нужно относить вслед за Л.В.Копейкиной и другими исследователями, примерно к середине V в.)³.

Для решения поставленной задачи необходимо обратиться к наиболее ранней керамике, происходящей из северопричерноморских городов. Хорошо известно, что в слоях первой половины VI в. в количественном отношении заметно преобладает разнообразная ионийская керамика. К ее классификации, и соответственно датировке неоднократно обращались различные исследователи⁴. Однако этот вопрос еще далек от своего окончательного решения.

Основная масса восточногреческой керамики первой половины VI в. производилась в городах Северной Ионии⁵. Необходимо отметить также, что в своем большинстве она обнаружена прежде всего в колониальных центрах Средиземноморья и Причерноморья⁶. Основные ее категории таковы:

1. Амфоры, ойнохои, кратеры обычно покрывались светлым ангобом, по которому лаком наносилось изображение животных (в первую очередь козлов), дополнительный орнамент в виде розетт, волут, концентрических кругов и т.д., горизонтальных полос. Рисунок выполнялся в технике пропущенных линий, а также в смешанной и чернофигурной технике⁷. В соответствии с классификацией Р.Кука эта ионийская керамика первой половины VI в. принадлежит самому позднему, завершающему этапу его "стиля диких козлов"⁸. Этот стиль прекращает свое существование, по его мнению, примерно в 70-х годах столетия⁹. Специально укажем на класс Левицкого и Токры, кат.580 (около 580-560 гг.), к которым относится большое количество рассматриваемой керамики, происходящей из Северного Причерноморья¹⁰.

2. Килики. Ионийские килики обычно делят на две группы - с прямым краем (*bowls*) и отогнутым венчиком (*oups*). Датировки второй группы киликов (будем называть их чашами) можно считать более или менее разработанными. В результате усилий Ж.Валле, Ф.Вилляра, Дж.Ханфманна, Дж.Бордмана, Дж.Хейеса и других специалистов предложены классификации этого типа посуды¹¹. Ионийские чаши существовали в течение длительного времени (вплоть до третьей четверти VI в.). Ф.Вилляр и Ж.Валле разделили их на пять типов: А1 и А2 (соответственно 640/30-600 и 620-600 гг.), В1, В2 и В3 (соответственно 620-580, 580-540, 560/50-530 гг.)¹². Нас будут интересовать в дальнейшем прежде всего три последних типа, относящихся к VI в. Сложнее обстоит дело с датировками ионийских киликов с прямым краем. Они производились, как и чаши, в ряде городов Восточной Греции. Наиболее ранние из них, украшенные геометрическим узором в виде ромбов, палочного орнамента и изображением птиц¹³, относятся к V в. и началу VI в. Концом V в. - началом VI в. датируются наиболее ранние килики с розетками¹⁴. Их производство прекращается, по всей видимости, около середины VI в.¹⁵ Килики "с гла-

зами", со стилизованным изображением цветка лотоса с крупными точками по обеим сторонам, а также часто с венком лучей вокруг ножки, производились в первой половине VI в.¹⁶ Г. Плаут склонна относить килики с лотосом к первой трети VI в.¹⁷ Прочие ионийские килики, не несущие на себе никаких изображений, кроме горизонтальных полос лака, продолжали существовать и после середины VI в.

3. Тарелки. В первой половине VI в. были широко распространены ионийские тарелки на высокой ножке и на поддоне. Часто они украшались цветками лотоса, полосами лака. По краю обычно идет полоса меандра¹⁸.

4. Кубки. Гораздо меньшее распространение в греческих городах Северного Причерноморья имела хиосская расписная керамика. Она в основном представлена кубками. Общепринята классификация этих кубков, предложенная Дж. Бордманом¹⁹. Кубки с изображением животных и человеческих фигур он делит на две группы. Первая (**animal style chalices**) с изображением козлов, львов, быков, сфинксов и иногда человеческих фигур датируется примерно первой четвертью VI в. Вторая группа (**simple figure chalices**) несет на себе изображение фигуры сфинкса или льва на одной из сторон. Она прекращает свое существование примерно около середины VI в.²⁰ Чернофигурные хиосские кубки относятся ко второй четверти столетия²¹.

Кроме ионийской, начиная с середины VI в., широкое распространение по всей античной ойкумене получает аттическая керамика. Эта картина характерна и для Северного Причерноморья. Но импорт из Аттики проникает сюда и в первой половине века. Он невелик по объему и представлен амфорами, кратерами, киликами и реже другими типами керамики (они принадлежат мастерам Горгоны, Комастов, Сиана, Софилу, Лиду и др.)²².

Коринфская расписная керамика уступает по количеству прочим категориям импортной керамики, поступавшей в Причерноморье. Часть ее относится к первой половине VI в. (раннекоринфский и среднекоринфский стили).

Эти группы керамики дают базу для уточнения датировок основания ранних греческих поселений Северного Причерноморья. Амфоры, всегда присутствующие в ранних слоях, не имеют достаточно узких датировок. Интерес представляют, пожалуй, только амфоры с белой облицовкой. Возможно, что их производство прекращается где-то около середины VI в., хотя некоторые исследователи относят эту границу к несколько более позднему времени²³.

Еще один вопрос, на котором следует остановиться. При определении даты возникновения того или иного архаического поселения обычно является такая ситуация при которой наиболее ранние обломки керамики представлены небольшим количеством образцов. Это характерно, в частности, для Березани, Ольвии, Гермонассы, Феодосии и некоторых других апойкии. Естественно, что исследователь, работающий с этим материалом, должен решить вопрос о том, принимать ли в расчет эти немногочисленные, а часто и единичные фрагменты керамики, или объяснить их присутствие некоей случайностью (например, тем, что данный сосуд был семейной реликвией, привезенной из метрополии). Проблема сколь важная, столь и сложная. С нашей точки зрения, принцип должен заключаться в том, что в расчет при определении даты основания поселения должны приниматься все ранние археологические материалы, даже если они и единичны. По-видимому, здесь неуместен количественный подход. Можно полагать, что наиболее ранних вещей и не должно быть много. В самом деле, первая группа переселенцев, решивших обосноваться в каком-либо данном месте, вряд ли могла быть большой. Трудно себе представить, что они отправлялись в далекое и весьма трудно плавание в чужие земли, нагруженные хрупкой столовой по-

судой. Вспомним в связи с этим, например, историю выведения апойкии с Феры в Киренаику, рассказанную Геродотом (IV, 150–158); переселенцам удалось закрепить-ся на месте их будущей родины только после тяжелых и длительных испытаний. Добавим к этому еще и следующее: во-первых, архаические слои большинства поселений наиболее труднодоступны для археолога; во-вторых, эти слои отнюдь не являются мощными, а скорее эфемерными.

В этих условиях трудно ожидать, что наиболее ранняя керамика будет многочисленной. Но, конечно же, в каждом конкретном случае нужен индивидуальный подход. Если, например, самая ранняя керамика из Березани (несколько десятков фрагментов) справедливо дает основание Л.В.Копейкиной датировать появление поселения третьей четвертью VI в., согласовав тем самым археологический материал с данными письменной традиции, то, вероятно, несколько иначе обстоит дело с Ольвией. Здесь архаическая керамика не выходит за пределы VI в., за исключением одного черепка, датирующегося третьей четвертью VI в.²⁴ Однако его присутствие можно, как кажется, объяснить наличием находящегося неподалеку более раннего и тесно связанного с Ольвией Березанского поселения.

Перейдем теперь к рассмотрению материалов из ранних апойкии Северного Причерноморья.

Ольвия. К сожалению, архаическая керамика Ольвии не опубликована систематически. Время основания города разными исследователями определяется по-разному — от рубежа VI–VII вв. до середины VI в.²⁵ Опубликованная ранняя керамика дает, на наш взгляд, основание относить появление поселения ко времени не раньше конца первой четверти VI в. и, по всей видимости, не позже начала второй его четверти²⁶ (закрытые сосуды позднего этапа "стиля диких козлов", тарелки на поддоне с меандром по краю, ионийские килики и чаши, хиосские расписные кубки с белой облицовкой и т.д.).

Пантикапей. Попытки датировать появление греческого поселения на горе Митридат концом VI в., по всей видимости, должны быть оставлены²⁷. Ранняя керамика в целом относится ко второй четверти VI в.²⁸ Наиболее древние ее образцы [закрытые сосуды с изображением козлов класса Левицкого и Токры, кат.580, хиосские расписные кубки с белой облицовкой, некоторые типы ионийских киликов (в частности, с лотосом, венком лучей вокруг ножки) и чаш] позволяют более или менее уверенно относить основание поселения примерно к рубежу первой и второй четвертей VI в.

Нимфей. Основание этой апойкии произошло во второй четверти VI в.²⁹, возможно, не позднее 60-х годов³⁰.

Феодосия. К сожалению, это городище не подвергается систематическому исследованию, поэтому вопрос о времени основания апойкии пока не может быть решен окончательно. Тем не менее, есть возможность датировать это событие первой половиной VI в.³¹ Более того, с определенной долей вероятности можно несколько уточнить датировку, опираясь на находку фрагмента аттической вазы, которая относится ко времени около 570 г.: не позже 70–60-х годов столетия³².

Мирмекий. Закрытые сосуды позднего этапа "стиля диких козлов", ионийские килики с розетками и палочным орнаментом и чаши (тип B2), тарелки на поддоне с меандром по краю, фрагмент "тирренской" амфоры позволяют ограничить время выведения апойкии примерно 580–560 гг.³³

Тиритака. Сходный с мирмекийским керамический материал³⁴ дает основание датировать появление поселения этим же временем.

Кефы. Во время раскопок последних лет обнаружены следующие типы архаической керамики: амфоры, ойнохои, кратеры позднего этапа "стиля диких козлов" (класс Левецкого и Токры, кат.580), ионийские килики с розеттами, стилизованными цветками лотоса и венком лучей вокруг ножки, палочным орнаментом, ионийские чаши (типы В1 и В2), тарелки на высокой ножке и на поддоне с меандром по краю, хиосские кубки (*animal* и *simple figure styles*), горло и фрагменты стенок "тирренской" амфоры (575-550 гг.), аттические килики с Комастами и типа Сиана (575-550 гг.), фрагмент леканы из мастерской *Polos painter* (около 590-570 гг.)³⁵ и др.³⁶ Эта керамика датирует возникновение поселения 80-70-ми годами VI в.

Гермонасса. Датировка наиболее ранней керамики, опубликованной И.Б.Зеест³⁷, несколько *удревнена*³⁸. Наиболее ранние образцы посуды (закрытые сосуды позднего этапа "стиля диких козлов") (580-560 гг.), ионийские килики с розеттами, фрагменты коринфской пиксиды (начало VI в.), аттической ойнохои мастера Горгоны (атрибуция И. А. Сидоровой; не позднее 580 г.)³⁹ дают возможность полагать, что Гермонасса была основана примерно в 80-70-х годах.

Тузлинский некрополь. Некрополь, принадлежавший, по всей видимости, затопленному морем поселению, дал керамику (амфоры позднего этапа "стиля диких козлов", ионийские чаши типа В2), которая датирует возникновение этого поселения 580-560-ми годами⁴⁰.

Помимо перечисленных, имеется еще ряд поселений, древнейшие образцы керамики которых позволяют поставить вопрос об их раннем происхождении (первая половина VI в.)⁴¹. К сожалению, эта керамика пока, по тем или иным причинам, не опубликована (иногда за исключением отдельных фрагментов, имеющих широкую дату). В этот список ранних поселений предположительно можно внести: Херсонес [ионийские расписные закрытые сосуды, покрытые ангобом, что характерно для этой керамики в первой половине VI в., крышка леканы с изображением львов или пантер и птиц (вторая четверть VI в.), ионийские килики, в том числе с росписью внутри белой и красной краской]⁴², Патрей (ранний тип хиосских амфор с белой облицовкой)⁴³, Никоний⁴⁴, Тиру⁴⁵, Торик⁴⁶, а также Диоскуриаду, Фасис и Пичвнари⁴⁷ в Восточном Причерноморье. Нужно думать, что данный список неполон (Таганрогское и некоторые другие поселения, в частности, на Украине⁴⁸), и надеяться, что со временем он увеличится.

Итак, в результате нашего краткого анализа мы имеем более или менее серьезные основания для уточнения времени возникновения ряда ранних апойкии на территории Северного Причерноморья: оно приходится примерно на 580-550-е годы. Как видим, они были выведены в течение достаточно короткого отрезка времени. Безусловно, это было связано с событиями, происходившими в метрополии.

1 К о п е й к и н а Л.В. Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса // ПІКСВП. Тбилисі, 1979. С.107 сл.; В и н о - г р а д о в Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т.1. С.367 сл.; Я й л е н к о В.П. Архаическая Греция // Там же. С.138 сл.; В о а р д м а н J. *The Greeks overseas*. L., 1980. P. 250 ff.

2 Все даты в данной работе - до н.э.

3 К о п е й к и н а Л.В. Указ.соч. С.106, III.

4 S c h i e r i n g W. *Werkstätten orientalisierenden Keramik auf Rhodos*. B., 191; K a r d a r a Ch. *Rhodiake angeiographia*. Athena, 1963; W a l t e r - K a r u d i E. *Samische Gefasse des 6. Jahrhunderts v. Chr.* Bonn, 1973; C o o k R. *Greek painted pottery*. L., 1966; С к у д н о в а В.М. Родосская керамика с о-ва Березани // СА. 1960. № 2. С.153 сл.

- 5 Dupont P. Classification et détermination de provenance des céramiques grecques orientales archaïques d'Istros: Rapp. préliminaire // Dacia. Buc., 1983. Vol. 27. P. 39 sqq.
- 6 Соок R. [Rec.] // Gnomon... München, 1965. Bd. 37, H. 5. S. 506. - Rec. ad op: Ch.Kardava. Rhodiaké angeographia. Athena, 1963.
- 7 Копейкина Л.В. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н.э. и вопросы локализации некоторых ее групп // ВДИ. 1970. № I.
- 8 Соок R. Greek painted pottery. P. 118 ff.
- 9 Соок R. Rec. P. 506.
- 10 Alexandre scu P. La céramique de Grèce de l'Est dans les cités pontiques // Les céramique de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. P.; Naples, 1978. P. 55.
- 11 Villard F., Vallet G. Lampes du VIIe siècle et chronologie des coupes ioniennes // Mélanges d'archéologie et d'histoire. P., 1955. T. 67. P. 7 sqq.; Hanfmann G.M. On some eastern greek wares found at Tarsus // The Aegean and the Near East. Locust Valley, 1956. P. 165 ff.; Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra, 1963-1965; The archaic deposits I. Oxford, 1966. P. 111 ff.; Ploug G. Sukas II. The Aegean, Corinthian and Eastern greek pottery and terracottas. Copenhagen, 1973. P. 27 ff.
- 12 Villard F., Vallet G. Op. cit. P. 29.
Дж. Хейес несколько удревяняет время появления типа B2 (тип IX Токры), относя его примерно к 600 г. (Boardman J., Hayes J. Op. cit. P. 113).
- 13 Копейкина Л.В. Родосско-ионийская керамика VII в. до н.э. с о-ва Березань и ее значение для изучения раннего этапа существования поселения // Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С.32, рис.26а.
- 14 Alexandre scu P. La céramique d'époque archaïque et classique VIIe et IVe s. Histria IV, Buc., 1978. Pl. 21, cat. 211, 218, 225;
Копейкина Л.В. Родосско-ионийская керамика... С.32, рис.26б.
- 15 Boardman J. Excavations in Chios 1952-1955. Greek Emporio. Oxford, 1967. P. 170; Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикалея // МИА. 1962. № 103. С.114. Отметим, что одним из признаков раннего происхождения килика является, по всей видимости, факт расписывания его изнутри белыми горизонтальными полосами, по каждой из которых проведена полоса красной краски (см., например: Alexandre scu P. Histria IV. Pl. 21, cat. 218b). Эта деталь характерна для киликов с птицами. См.: Boardman J. Excavations in Chios... P.133; Шалагинова О.И. Расписные родосско-ионийские килики архаического времени из Березанского поселения // Археология. 1980. № 33. С.24.
- 16 Valtar-Karudi E. Op. cit. Taf. 125, Kat. 1024, 1025; Priese E.R. Pottery of Naucratis // JHS. L., 1924. Vol. 44, pt 2. P. 187. Fig. 9, 11.
- 17 Ploug G. Op. cit. P. 42.
- 18 Ibid. P. 57, Pl. XV, 288, 296, 297, 301-305.
- 19 Boardman J. Excavations on Chios... P. 119 f, 156 ff, 172 f.; см. также: Скуднова В.М. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани // СА. 1957. № 4. С.128 сл.
- 20 Boardman J. Excavations in Chios... P. 157-158.
Датировки Дж.Бордмана и В.М.Скудновой (Хиосские кубки. С.131) в целом совпадают.
- 21 Boardman J. Excavations in Chios... P. 158.
- 22 Dimitrius S., Alexandre scu P. L'importation de la céramique attique dans les colonies du Pont-Euxin avant les guerres médiques // RA. P., 1973. № 1. P. 23 sqq.

- 23 К о п е й к и н а Л.В. Расписная керамика архаического времени из античных поселений Нижнего Побужья и Поднепровья как источник для изучения торговых и культурных связей // АСИЭ. Л., 1986. Вып.27. С.39; Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est // La Parola del Passato. Napoli, 1982. Vol. 37. P. 196.
- 24 К о п е й к и н а Л.В. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // ХКАМ. М., 1976. С.137, рис.4.
- 25 Там же. С.139; В и н о г р а д о в Ю.Г. Указ.соч. С.367; К р ы ж и ц к и й С.Д.; О т р е ш к о В.М. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С.8.
- 26 К о п е й к и н а Л.В. Некоторые итоги... С.133 сл., рис.2; 5-8; Л е в и Е. Материалы Ольвийского теменоса: (Общая характеристика) // Ольвия: Теменос и агора. Л., 1964. С.157. сл.; рис.29.
- 27 Б л а в а т с к и й В.Д. Пантикапей. М., 1964. С.15. сл.; N o o n a n Th.S. The crogins of the Greek colony at Panticapaeum // AJA. 1973. Vol. 77. P.80; В и н о г р а д о в Ю.Г. Указ.соч. С.368.
- 28 С и д о р о в а Н.А. Указ.соч. С.94 сл. Рис.1-8; О н а ж е. Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959-1969) // СГМИИ. М., 1984. Вып.7. С.71 сл., рис.1.
- 29 Х у д я к М.М. Из истории Нимфея VI-III вв. до н.э. Л., 1962. С.61.
- 30 С к у д н о в а В.М. Фрагменты чернофигурного кратера мастерской Лидоса из Нимфея // СГЭ. 1956. Вып.9. 45 сл.; Х у д я к М.М. Указ.соч. Табл.4, 5.
- 31 З е е с т И.Б. Раскопки Феодосии // КСИИМК. 1953. Вып.51. С.146.
- 32 Ш т е р н Э.Р. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906. Табл.2,1; В е а з - л е у J.D. The development of Attic black-figure. Los Angeles; L., 1951. P. 40, Pl. 13,3.
- 33 Ш м и д т Р.В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города // МИА. 1952. № 25. С.224 сл., рис.1,1; 2,2; 8,1, 12,1.
- 34 Там же. Рис.1,4-9; 2,1,3; 8, 1.
- 35 В е а з л е у J.D. Attic black-figure vase-painters. Oxford, 1956. P. 43 ff. Дж.Бордман (См.: В о р д м а н G. Athenian black-figure vases. L., 1974. P.19) дает несколько иную датировку - около 575-565 гг.
- 36 Н и к о л а е в а Э.Я. Фрагмент архаического сосуда из Кеп // История и культура античного мира. М., 1977. С.150 сл., рис.1-3.
- 37 З е е с т И.Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 4. С.86. Рис.3-4.
- 38 В и н о г р а д о в Ю.В. Указ.соч. С.370, сн.21.
- 39 С и д о р о в а Н.А. Архаическая керамика из раскопок Гермонассы // СГМИИ. М., 1987. Вып.8. С.110, рис.2; 3; 6б; 7б.
- 40 С о р о к и н а Н.П. Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 8 сл., табл.1; 5; 6,1; 8,1.
- 41 К их числу определенно относится Ягорлыцкое поселение, которое появляется в первой половине VI в., а не в последней трети VII в., как думает В.В.Рубан. См.: Керамика Ягорлыцкого поселения из собрания Херсонского музея // СА. 1983. № 1. С.289.
- 42 Доклад Ю.Г.Виноградова и М.И.Золотарева "Древнейший Херсонес", прочитанный на V Международном симпозиуме по древней истории Причерноморья в Вани (Груз.ССР) в сентябре 1987 г. Датировку самой ранней ионийской керамики, предложенную авторами (последняя четверть VI в.), на наш взгляд, необходимо удревить - вторая четверть VI в.
- 43 З е е с т И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С.70.

- 44 С е к е р с к а я Н.М. Архаическая керамика из Никония // МАСП. Одесса, 1976. Вып.8. С.89, рис.2,9,14.
- 45 К л е й м а н И.Б. Стратиграфия культурного слоя городища Тиры-Белгорода // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979. С.75.
- 46 О н а й к о Н.А. Архаический Торик: Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. С.66 сл.
- 47 Л о р д к и п а н и д з е Г.А. Греко-колхские взаимоотношения в VI-IV вв. до н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С.35 сл.; М и к е л а д з е Т.К. Некоторые итоги раскопок поселений VI-V вв. до н.э. в районе устья р.Риони (Фасис) // КСИА. 1977. Вып.151. С.18 сл.; Ш а м б а Г.К. Предварительные итоги работ на Эшерском городище // КСИА. 1977. Вып.151. С.24.
- 48 К о п е й к и н а Л.В. Расписная керамика... С.32 сл.

А.А.Масленников, И.М.Безрученко

ЗЕМЕЛЬНЫЕ НАДЕЛЫ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Еще сравнительно недавно наши сведения относительно античного землепользования в Восточном Крыму были весьма ограничены. Практически они исчерпывались упоминанием стен каких-то участков в районе Чурубашского озера, где был собран подъемный материал от IУ-III вв. до н.э. до первых веков нашей эры и даже средневековья¹. Слабо заметные "сетки" земляных валообразных границ "клеров" выявлены возле Михайловского поселения². И.Т.Кругликова пишет о следах древней планировки полей по крайней мере в пяти местах полуострова³, а вблизи села Октябрьское ею были частично раскопаны каменные ограды одного из клеров, по-видимому, граждан Пантикапея⁴. Предположение о сплошном размежевании на клеры земель на Таманском полуострове высказано Я.М.Паромовым на основании изучения аэрофотосъемки⁵.

К сожалению, из-за интенсивной распашки земель Керченского полуострова, мест, сохранивших в относительной нетронутости свой вид в течение последних двух с половиной-полутора тысяч лет, осталось очень мало. Такие участки обнаружены в ряде районов побережья Азовского моря. Это относительно ровные, каменистые плоскогорья, либо неширокие, покатые к морю долины, ограниченные с боков невысокими скалистыми кряжами. Они неудобны, либо нерентабельны при современном земледелии и используются отчасти лишь под пастбища. Здесь отчетливо сохранились земляные валообразные насыпи, а кое-где и примитивные загородки из поставленных на ребро, или собранных в грубые "стены" камней.

В долинах такие валы, как правило, тянутся параллельно берегу моря. На плато, на первый взгляд, господствует это же направление, но при более внимательном рассмотрении, особенно при косом освещении отчетливо выявляются перпендикулярные им валы, а также, что особенно важно, внутри них - меньшие по размерам и длине насыпи.

Наиболее четкие из них зафиксированы нами на юго-восточном побережье мыса Казантип, на просторанстве между селами Золотое и так наз. Генеральской бухтой, и особенно на плато к западу от г.Мысыр (западнее Чокракского озера).

Насколько нам известно, исследование этих сооружений никем не проводилось⁶. Между тем, нет нужды говорить, сколь важно изучение подобных объектов. От них в немалой степени зависит решение вопроса о характере, вернее, формах землепользования на Боспоре, поскольку письменная традиция на этот счет очень ограничена. Почти все, что обычно пишут об общинной, полисной, храмовой или царской собственности на землю по большей части умозрительно и слабо подкреплено источниками.

Правда, об определении границ общинных владений говорить не приходится. Вряд ли они сооружались специально. Скорее всего, здесь брались в расчет естественные, природные особенности рельефа: овраги, ручьи, скалы и возвышенности. Иное дело — клеры горожан или участки мелких землевладельцев.

Впрочем, и при обнаружении следов межевания археолог стоит перед очень непростой задачей их датировок. Шурфовка, как показывает опыт И.Т.Кругликовой и наш собственный, позволяет отчасти выявить характер этих стен или валов, но далеко не всегда решает вопрос о назначении и времени использования участков.

В юго-западной части плато Мысыр нами был выбран для исследования участок площадью приблизительно 22–25 га, относительно ровный, с визуальной хорошей сохранностью валобразных насыпей. Тщательная топосъемка позволила обнаружить первоначально слабо или вообще незаметные детали рельефа (рис. I).

С севера выбранная площадь ограничивалась современной дорогой, с юга — естественным склоном плато и также дорогой. Местами в направлении приблизительно юг-север пространство размежевания прерывалось невысокими каменистыми возвышенностями и холмами. Помимо хорошо видимых, довольно протяженных, "основных" валов длиной до нескольких сотен метров и высотой 0,5–0,8 м существовало много более мелких насыпей. Они короче и ниже (0,15–0,3 м).

Ориентация почти всех валов — север-юг или восток-запад. Лишь там, где этому мешал рельеф, она имела отклонения.

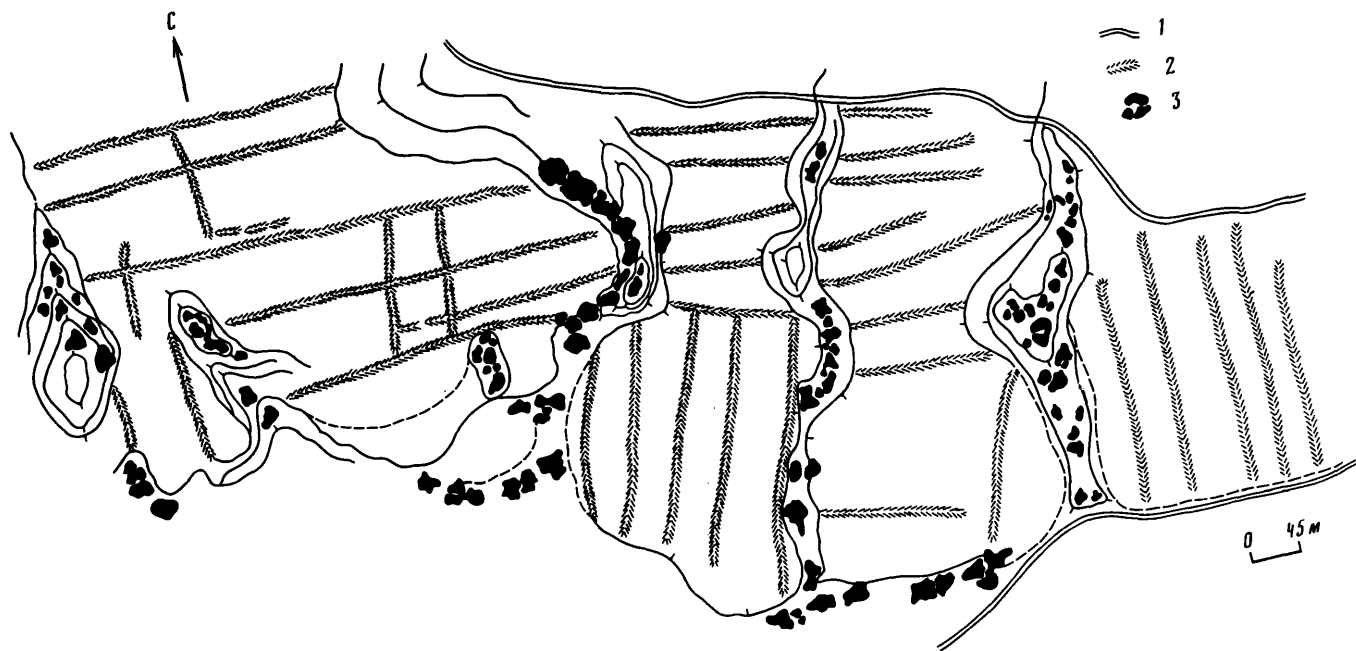
При кажущейся бессистемности можно постепенно выявить повторяющиеся черты, величины и детали, которые, будучи не абсолютно тождественными, все же близки или сопоставимы. Так, "основные" валы как бы ограничивают пространство, внутри которого, как правило, параллельно им идут другие, меньшие валы. Некоторые из них видны не на всем протяжении, другие можно лишь предположить по аналогиям. Валы не пересекаются между собой, малые примыкают к основным валам, что свидетельствует об их подчиненном, внутреннем предназначении. Их число всегда или почти всегда равно трем. Таким образом, один участок делился на четыре части. Границы его либо "основные валы", либо скалистые холмы, овраги и склоны. Ввиду этих особенностей рельефа, контуры больших участков далеко не всегда геометрически правильные, а площади не абсолютно одинаковы.

На обследованной территории существовало, по-видимому, не менее шести полных участков. Их примерные площади (перечисляем в направлении с запада на восток): 2,8; 2,85; 2,8; 2,88; 3; 2,9 га. Таким образом, средние размеры площади 2,85 или даже 3 га. При этом в зависимости от рельефа одни участки были вытянуты с востока на запад, другие — с севера на юг. Принимая во внимание, что из всей площади плато приблизительно в 500 га было размежевано не менее трех четвертей или даже несколько больше (т.е. 350–400 га), общее количество наделов было равно 120–140.

Все они, как уже отмечалось, делились вдоль "меньшими" валами на четыре примерно равные по площади части. Ширина этих полей там, где рельеф был свободным и ровным, колебалась от 25 до 60 м. Но преобладало расстояние в 35 м. Замеры проводились между вершинами валов.

Некоторые наделы делились как бы параллельно в ряд, другие — по два участка симметрично. Как правило, если длина поля была короче средней величины, то возрастала его ширина. Площадь таким образом оставалась неизменной. На ровных пространствах наделы располагались в длину с севера на юг, на склонах — ближе к морю — в перпендикулярном направлении.

Судя по данным магниторазведки, археологическим разрезам и случайным повреждениям (дороги), большие валы состояли в основном из довольно беспорядочного на-

Р и с. 1. Схема валов на исследованном участке на плато Мьсьр

1 - современные дороги; 2 - древние валы; 3 - выходы материковой скалы

вала камней и грунта. Иногда сооружалось что-то вроде примитивной стены-изгороди из поставленных в один-два ряда, не всегда впритык больших, плоских камней. Во внутренних валах камня употреблялось значительно меньше.

До недавнего времени для датировки валов не было никаких данных, кроме находок отдельных фрагментов амфор вблизи валов, в их насыпи и на полях. В основном это обломки эллинистических амфор, но попадаются и обломки первых веков нашей эры. Оказалось, что эллинистическая керамика связана с остатками сильно распавшегося селища IV-III вв. до н.э., располагавшегося в центральной части плато, ближе к южному склону. Площадь селища была не менее 10 га. Мощность культурного слоя достигала 0,5-0,8 м. Два обстоятельства обратили на себя внимание еще до раскопок. Первое - обилие амфорных фрагментов на поверхности земли, к тому же заметно окатанных и слабая насыщенность ими самого слоя, особенно на глубине до 0,3 м. Ниже и, конечно, в хозяйственных ямах, она возрастает. Объяснение этому может быть лишь одно: территория селища долгое время распахивалась, в результате чего предметы из верхнего слоя были перемещены к поверхности.

Второе - описанные вали проходили по площади селища. На раскопе, выбранном с учетом именно этого обстоятельства, отчетливо сохранились остатки каменной постройки конца IV-III вв. до н.э., перекрытые одним из таких "основных" валов. При этом часть камней строения использовалась в его насыпи. Таким образом, совершенно очевидно, что размежевание плато происходило после прекращения жизни на селище, но насколько позже? В позднейшее время, в конце XIX - начале XX вв. здесь не было возделываемых, сплошных площадей. Под распашку и тогда и сейчас использовались менее каменистые земли к югу от плато. Отмечены здесь и следы раннесредневековых (V-IX вв. н.э.) поселений, однако они маломощны и серьезных оснований увязывать их с рассматриваемой размежевкой нет. Иное дело - эпоха первых веков нашей эры. От этого времени на побережье плато сохранилось четыре поселения. Одно из них - "Полянка" гибнет в последней трети I в. до н.э., три других - "Зеленый мыс", "Сиреневая бухта" и Генеральское-восточное существуют скорее всего до начала VI в. до н.э. Особенно интенсивно жизнь в них протекала с рубежа нашей эры по III в. Наиболее подходящи по местоположению два первых поселения, а Генеральское-восточное расположено уже у северо-западного края плато.

Это поселения с линейным принципом планировки, очень емкой застройкой однотипными в своей массе, небольшими, одно-двухэтажными домами. Они хорошо изучены, главным образом, по раскопкам И.Т.Кругликовой у деревни Семеновки⁸. Возникнув, по-видимому, в конце III в. до н.э., во второй половине I в. до н.э. они капитально перестраиваются, приобретая тот характерный облик, который сохранялся без значительных перемен до III или даже до VI вв. н.э. Площадь поселения "Сиреневая бухта", как минимум 0,55 га - "Зеленого мыса" - 0,58 га, Генеральского-восточного - около 1 га.

Учитывая близость их расположения и наличие на полях находок обломков керамической тары первых веков нашей эры, правомернее связать всю систему наделов на плато именно с этими поселениями.

Итак, на плато Мысыр и в ряде других мест побережья, вблизи поселений первых веков нашей эры существовали земельные надель, участки или "клеры", отмеченные земляными валами.

Напомним, что площадь огороженных участков в районе Чурубашского озера не ясна, а у села Октябрьского надел равен 4,5-5 га⁹. Вторичные надель у села Михайловского со следами внутреннего размежевания имели площадь 10,2 га¹⁰.

Существует обширная литература о клерах Херсонеса Таврического. Размеры участков здесь со временем менялись, да и не на всей территории хоры они были одинаковыми. Наделы херсонесской хоры это клеры граждан¹¹, поля подпрямоугольной формы, окруженные дорогами. Наличие древних дорог на плато Мысыр допускаем, но они пока не выявлены. Скорее всего, подходы к относительно небольшим участкам шли по непригодной для обработки территории: краем плато, каменистым возвышенностям. Форма полей на плато далеко не строго прямоугольная.

На многих херсонесских наделах имелись усадьбы, на плато их нет, ведь поселения здесь расположены рядом.

При всем разнообразии размеров площадей наделов херсонеситов от 3 до 60 га¹² они все же значительно крупнее обнаруженных в Приазовье.

На херсонесской хоре размежевание земельных наделов относится к IV в. до н.э. Впрочем А.Н.Щеглов упоминает о том, что территория вблизи поселений первых веков нашей эры в юго-западном Крыму разделена на мелкие участки неправильной формы, но сведения эти очень неконкретны¹³.

Каждый надел херсонеситов дробился на большое число (до 96) отдельных полей многоцелевого назначения — пашни, виноградники, плантаж, садовые посадки, что касается плато Мысыр, то пока еще рано говорить о конкретном использовании участков, чем они засеивались, почему делились на четыре части. Однако некоторые предположения все же возможны. Упомянем наблюдения, свидетельствующие о долговременной вспашке под зерновые, что подтверждается находками палеоботаников (колосья выродившейся пшеницы). Возможно, при дальнейшем изучении удастся выявить следы еще более дробного членения площадей, следы ямок для деревьев и т.д.

Не ясно пока, какая единица измерения использовалась здесь древними землемерами. Напомним, что относительно херсонесской хоры это был плетр или египетский фут¹⁴, соотношение между которыми равно: 1 к 100², т.е. площадь одного плетра — 1225 кв.м. На наделах Гераклеяского полуострова наибольшее распространение получили поля размером в 2,25; 4,5; 9; 36; 72 плетра¹⁵, причем на ближней хоре поля были меньше.

Применительно к рассматриваемым участкам это бы составило площадь около 22,5–24 плетра, а отдельного поля — в среднем 5, 5–6 плетра. Прямого совпадения с херсонесской хорой, таким образом, нет. Делать при этом какие-либо выводы преждевременно, тем более, что это хронологически разные памятники. Согласно В.Д.Блаватскому, кроме того, на Боспоре использовался плетр иной площади: 950 кв.м¹⁶. В таком случае каждый участок на Мысырском плато был равен 30 плетрам, а поля соответственно 7,5 плетрам.

Много это или мало и каковы вообще экономические и "демографические" возможности таких участков, если конечно допустить, что они использовались целиком под пашню, а внутренние валы служили границами полей под культуры и отчасти конденсаторами влаги?

По подсчетам В.Д.Блаватского, основанным на привлечении данных и рекомендаций древнеримских агрономов, на семью из пяти человек требовалось в год 1350 л зерна или в среднем по 250 кг на одного человека¹⁷. Согласно Страбону (Strab., VII, 4,6), с одного га Крымской земли (на Боспоре) собирали примерно 1000 л, т.е. 800 кг зерна. Если допустить, что урожайность и в первые века нашей эры оставалась неизменной, то с одного участка на плато можно было собрать не менее 2500 л или 2000 кг условного зерна. При двупольной системе эти цифры сокращаются вдвое. Таким образом, только на питание средней семьи, хорошо фиксируемой

археологически по материалам некрополей первых веков нашей эры, потребуется 1250 кг зерна – весь урожайный сбор. Конечно, норма потребления хлеба жителями богатого рыбой побережья, скорее всего, была меньшей, но все равно, часть зерна надо было сохранить на посев следующего года, часть – на корм скоту и т.п. Следовательно, от предположения о двуполье придется отказаться. Вероятнее всего, деление участка на четыре части было вызвано чередованием посадки различных культур: пшеницы, проса, ячменя, овса или различных сортов злаков: озимых и яровых¹⁸.

Количество условного зерна, необходимого для посева, следуя норме Плиния для пшеницы, составляло бы в нашем случае 350 кг. Долю кормового зерна определить еще сложнее ибо мы не знаем точно ни состава, ни численности среднего стада одной семьи. Представим минимальное его количество в 400 кг¹⁹. В итоге будем иметь следующую сумму: $350 + 400 + 1250 = 2000$ кг, что соответствует всему урожаю.

Данные подсчеты свидетельствуют, что площадь выделенных участков предельна, но реальна для существования одной семьи. Они предполагают отсутствие излишков зерна, по крайней мере сколь-либо значительного. Факт этот весьма примечателен, поскольку получается, что здешние землевладельцы не были производителями товарного зерна.

Это, с одной стороны, вполне согласуется с общим состоянием Боспорской экономики в рассматриваемое время, которая не характеризуется хлебным экспортом. С другой – подразумевает какие-то иные источники денежных доходов у местного населения. О том же, что такие источники были, говорят как многочисленные предметы, свидетельствующие о торговле (краснолаковая посуда, стеклянные изделия, амфоры, бусы, фибулы и т.п.), находимые при раскопках поселений и некрополей, так и очень частые находки монет. Вообще, товарно-денежные отношения в первые века нашей эры были достаточно сильно развиты на территории хоры Европейского Боспора²⁰.

Источником получения денег или товаров мог быть лов ценных пород рыб, некоторые промыслы, отчасти животноводство, собственно все то, что составляло основу боспорского экспорта в это время²¹.

Можно допустить и еще один источник денежных поступлений: небольшие, регулярные выплаты боспорских правителей военным поселенцам. Не исключено, что именно с ними мы имеем дело на примере большого, состоявшего более чем из 1200 монет клада с поселения "Полянка"²² и клада III в. н.э. из поселения Семеновка²³.

В принципе, как сами площади участков, так и указанное количество зерна, необходимое на нужды одной семьи, вполне согласуются с нормами затрат рабочей силы в сельском хозяйстве для античных государств Северного Причерноморья. По расчетам В.Д.Блаватского для обработки клера в 3 га ориентировочно требовалось два работника²⁴. Из этого следует, что участки на Мысырском плато вполне могли обрабатываться силами одной семьи без использования рабского труда. Характер домостроительства поселений, интерьер домов подтверждают, что они предназначались для жилья небольшой группы людей и размещения очень малого количества скота.

Этот момент интересен и в другом отношении. По вычислениям И.Т.Кругликовой, на почти раскопанном полностью поселении Семеновское, таких домов на одну семью имелось около 45²⁵. Учитывая площадь этого поселения в 0,5 га, можно предположить, что и на однотипных с ним поселениях "Зеленый мыс" и "Сиреневая бухта" существовало одновременно не менее 100–120 домов, т.е. жило столько же семей. С учетом же поселения Генеральское-восточное эта цифра увеличивается вдвое.

Таким образом, получается, что на побережье плато Мысыр в первые века нашей эры проживало по крайней мере 200 семей. (Напомним, поселение "Полянка" было

разрушено еще в конце I в. до н.э.). Но именно такое же число наделов (120-150) и имелось на плато!

Это разительное совпадение (особенно, если брать в расчет два поселения) явно не случайно и убедительно доказывает как предложенную датировку наделов, так и их принадлежность мелким землевладельцам, составлявшим основу населения приморских поселков-крепостей.

О скромном достатке их обитателей, отсутствии имущественной дифференциации, единообразии жилищ, находок и захоронений неоднократно писалось ранее. Делались предположения и об их статусе как военных поселенцев. В последнее время мы развивали эту точку зрения совместно с С.Ю.Сапрыкиным²⁶.

Теперь как будто бы получено археологическое подтверждение не только наличия на Боспоре формы условного, мелкого землевладения, ведущего свою традицию еще с эпохи эллинизма²⁷, но и, видимо, соответствующего социального положения этих землевладельцев.

Надел в 3 га можно квалифицировать как мелкий крестьянский: в римской практике близкий к нему участок в 10 югеров считался очень небольшим, с которого едва можно было прокормить семью²⁸. Скорее всего, боспорские участки не могли принадлежать всадникам, вряд ли можно постулировать для их владельцев и выполнение функций тяжелых пехотинцев. По аттическим нормам Солонова законодательства средний крестьянин, выступавший в роли гоплита, имел доход в 200 медимнов, а его участок определяется исследователями по-разному: от 4-6 га у В.Н.Андреева²⁹ до 12 га у Ч.Старра³⁰. Думается, что в рассуждениях В.Н.Андреева есть некоторые противоречия. Определяя величину надела афинского пентакосиомедимна, он говорит о 20-25 га как о норме³¹. Нелишне вспомнить, что в Херсонесе Таврическом стандартный надел именно 26 га³². Если сохранить для участков пентакосиомедимнов и зевгитов ту же пропорцию, что и в их доходах (500:200), то это даст при наделе пентакосиомедимна в 20 га участок зевгита в 8 га, а при наделе пентакосиомедимна в 25 га - около 10 га. Если же считать участок пентакосиомедимна в 30 га, как это делает Ч.Старр, то надел зевгита составил бы в таком случае 12 га. Представляется, что Ч.Старр ближе к истине, чем В.Н.Андреев. Даже если учесть, что урожайность на Боспоре была выше, чем в Аттике, а пропорции Солонова законодательства относятся к гораздо более ранней эпохе, чем та, о которой мы пишем, разница в величинах наделов от 8-12 до 3 га не позволяет определить держателей наделов Азовского побережья иначе, как мелких крестьян и легких пехотинцев.

Исходя из уже высказанных нами предположений, урожай с такого участка составлял не менее 2500 литров зерна. Доход афинского зевгита равнялся 10500 литрам ячменя, т.е. в условиях Азовского побережья при прочих равных условиях, надел тяжелого пехотинца должен был бы составлять не менее 12 га.

Надел боспорских поселенцев позволял прокормить семью, не оставляя излишков. Мужчина при этом потреблял около 446 л зерна в год³³. Интересно, что норма илота, выполнявшего функцию легкого пехотинца в армии Лакедеона в V в. до н.э., составляла 430 л зерна в год - близкую нашей норме (Plut. Lyc., 12). Необходимость известного числа легких пехотинцев в этом районе становится понятной, если учесть, с каким противником боспорским правителям приходилось иметь дело: кочевниками. Тяжелый пехотинец вряд ли был здесь полезен. При защите крепостей главным оружием становятся лук, праща, метательные копья и дротики, использовавшиеся как раз легкой пехотой. В полевой службе главную роль в специфических условиях Восточного Крыма при столкновениях с кочевниками играли такие

виды боевой деятельности, как несение дозоров, боевое охранение, разведка и засады. То есть, опять-таки, главную роль при отсутствии достаточного количества кавалерии, играла легкая пехота. Особо подчеркнем в этой связи, что почти все дошедшие до нас источники первых веков нашей эры (римские авторы, памятники живописи и скульптуры) овидетельствуют именно о легковооруженной боспорской пехоте³⁴. И еще один немаловажный аспект. Борьба с кочевниками требует постоянного напряжения и немалых усилий. И наличие у военных поселенцев небольших и мало дифференцированных участков как нельзя лучше отвечало этому условию: ведение хозяйства не отнимало слишком много времени и оставляло его для несения воинской службы. Вполне возможно, что боспорские правители учитывали это обстоятельство, наделяя своих поселенцев небольшими наделами. Конечно, в военном отношении гораздо выгоднее просто за плату содержать постоянные гарнизоны, когда солдаты ничем не отвлекаются от несения воинской службы, но за это надо было бы платить довольно большие суммы. Для оплаты круглогодичной службы 150 солдат, как в нашем случае, приходилось бы выплачивать 36000 драхм или 6 талантов (при минимальной дневной плате в 4 обола человеку). При урожае с участка в 50 медимнов и при цене пшеницы в 5 драхм за медимн, годовой доход одной семьи составил бы 250 драхм, а для 150 семей – 37500. Почти полное совпадение цифр, возможно, и случайно, но экономические выгоды положения, когда заботу о содержании дальних гарнизонов государство с себя снимает, нам кажутся очевидными.

Итак, начиная со второй половины I в. до н.э. в районе Крымского Приазовья (а скорее всего, на всем полуострове) возникают или перестраиваются укрепленные поселения, обитатели которых были скорее всего этнически неоднородны, но в достаточной степени эллинизованы. На условии военно-сторожевой службы боспорским царям им выдавались в собственность или в пользование (скорее всего второе – перешло со временем в первое) небольшие участки земли, достаточные лишь для нужд одной семьи. Вероятно, как воины пехотинцы, они получали более или менее регулярно какое-то денежное вознаграждение. Не исключено, что помимо чисто военных, это население несло и хозяйственные повинности (строительство укреплений, например, "стены Асандра", работа на царских землях, лов рыбы в путину и т.п.).

При относительно небольшом достатке оно было лично свободным, относительно социально однородным и время от времени пополнялось новыми, в том числе и иноэтничными группами. Среди прочих черт можно отметить в его среде господство античных традиций и скорее всего греческого языка (в его боспорском диалекте), а также развитие товарно-денежных отношений.

¹ Г а й д у к о в и ч В.Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове // ВДИ. 1940. № 3/4. С.317.

² П е т е р с Б.Г. Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С.119.

³ К р у г л и к о в а И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С.54.

⁴ Там же. С.55.

⁵ П а р о м о в Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова // КСИА. 1986. Вып.188. С.72.

⁶ Некоторые соображения относительно валов на побережье были высказаны нами еще в 1980 г. См.: М а с л е н н и к о в А.А. О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI-I вв. до н.э. // СА. 1980. № I. С.13.

- 7 Все три поселения относятся к типу 3, второго вида, вариант 2 и 3. См.: Масленников А.А. Типология сельских поселений Боспора // СА. 1988. № 2.
- 8 Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. М., 1970. С. 4 сл.
- 9 Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С.55.
- 10 Петерс Б.Г. Указ.соч. С.119.
- 11 Николаенко Г.М. Межевание полей херсонесской хоры // КСИА. 1985. Вып.182. С.11, 15.
- 12 Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С.37.
- 13 Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С.102.
- 14 Блаватский В.Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961. С.33; О н ж е. Земледелие... С.57 сл; Н и к о л а е н к о Г.М. Указ.соч. С.14.
- 15 Николаенко Г.М. Указ.соч. С.13.
- 16 Блаватский В.Д. Античная археология... С.33.
- 17 Блаватский В.Д. Земледелие... С.174.
- 18 Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С.181-184.
- 19 Блаватский В.Д. Земледелие... С.174, 175.
- 20 Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С.230.
- 21 Ролуб., IV. 38, 4-5.
- 22 См.: Голенко В.К., Масленников А.А. Два монетных клада с поселения Полянка // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении: Тез. докл. Л., 1987. С.51, 52.
- 23 Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С.230; О н а ж е. Монеты из поселения у дер. Семеновка // НЭ. 1963. № 4, С.108.
- 24 Блаватский В.Д. Земледелие... С.162.
- 25 Кругликова И.Т. Раскопки поселения у дер. Семеновки... С.71.
- 26 Масленников А.А. О типологии боспорских поселений...; С а п р ы - к и н С.Ю., М а с л е н н и к о в А.А. Хора Боспора в эпоху Митридата VI Евпатора и его ближайших преемников // Кlio. Berlin, 1991.
- 27 Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С.225; Б и к е р м а н Э. Государство Селевкидов. М., 1985. С.74 сл.
- 28 Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С.24.
- 29 Андреев В.Н. Аграрные отношения в Аттике в V-IV вв. до н.э. // Античная Греция. М., 1983. Т.1. С.268.
- 30 S t a r g Ch. The economic and social growth of Early Greece, 800-500 B.C. N.Y., 1977. P. 97.
- 31 Андреев В.Н. Указ.соч. С.269, 270.
- 32 Кругликова И.Т. Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове // КСИА. 1981. Вып.168. С.14.
- 33 Блаватский В.Д. Земледелие... С.174.
- 34 Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С.146, 147.

О КУЛЬТЕ ЖЕНСКОГО БОЖЕСТВА В ТАНАИСЕ

О Танаисе Страбон пишет: "При впадении реки в озеро лежит одноименный город, основанный эллинами, владеющими Боспором... он был общим эмпорием для азиатских и европейских nomадов и для приплывавших по озеру из Боспора". Лежащий вдали от эллинских городов Боспора, Танаис оказался единственным античным городом среди обширных степей, населенных варварскими племенами. Греки — боспорцы, основавшие Танаис в первой половине III в. до н.э., в отличие от греков, прибывших к северным берегам Черного моря в период великой колонизации, сами уже более трех веков провели в тесном окружении варварских племен и до известной степени подверглись культурному воздействию этого окружения. Область Нижнего Дона и Приазовья, где лежал город Танаис, была местом обитания и передвижения различных этнических групп (меотов, скифов, сарматов) и местом смешения различных этнических культур. Все это определило характер культуры Танаиса, как культуры в полном смысле слова синкретической. Археологические исследования Танаиса и его окружения раскрыли глубокое своеобразие культурного облика этого города. Первые века нашей эры, когда Танаис переживал возрождение после племоновского разгрома, особенно II и первая половина III в. н.э. были временем его наивысшего расцвета и экономического процветания. Но это был также и период наиболее интенсивной сарматизации Танаиса. Это отразилось и в погребальных обрядах, и в антропологическом типе, во всей материальной культуре горожан, в составе их личных имен, в языковых особенностях греческих надписей Танаиса.

Источники по религиозной жизни Танаиса первого периода его существования III — I вв. до н.э. не сохранились. Греческие надписи — посвящения богам и надписи фiasов — охватывают период с I до середины III в. н.э. Из них две надписи, посвященные греческим богам — Зевсу, Аресу и Афродите 193 г. и Аполлону (год неизвестен), свидетельствовать о культе этих богов олимпийского пантеона у танаисцев не могут, поскольку установлены они присланными в Танаис царскими легатами, не говоря уже о религиозном синкретизме на Боспоре в эту эпоху и о том, что имена эллинских богов часто налагались на местные культовые представления и образы.

Самая ранняя надпись Танаиса первой половины I в. н.э. посвящена "Богу высочайшему внемящему". С почитанием этого же божества связаны и все дошедшие до нас надписи танаисских фiasов. Культ этого безымянного бога, почитавшегося с эпитетами "высочайший", "вседержитель", "великий", "справедливый", "внемяющий", "благословенный", "гремящий" был распространен на Боспоре — в Пантикапее, в Китее и особенно в Горгиппии. В Танаисе этот бог почитался как "Бог высочайший внемяющий". Культ этого бога был глубоко синкретическим, но в Танаисе в основе его лежало по-видимому, почитание верховного божества североиранских племен. Первые находки надписей фiasов "бога высочайшего" сделаны П.М.Леонтьевым в 1853 г. С тех пор их накопилось несколько десятков, но о почитании других божеств в Танаисе, кроме этого верховного мужского божества, до недавнего времени мы ничего не знали.

В то же время, как отмечал еще М.И.Ростовцев, на обширных пространствах не только всего Причерноморья, но и Малой Азии и стран Ближнего и Среднего Востока, со времен глубокой древности повсюду был распространен культ "великой богини", игравшей главную роль в религиозных представлениях населявших эти страны народов, у которых этот культ был первоначальным и главным. В связи с разви-

Р и с. I. Фронтон стелы с надписью 229 г.

тием городов и городской жизни, торговых отношений и демографических перемещений древний культ великого женского божества обогащался новыми чертами, развивался, сливался с религиозными представлениями и культурами различных народов, принимал локальные особенности и выступал под различными наименованиями. Так, иранская Анаит слилась с сирийской Астартой, семитические и иранские женские божества сливались с греческими Артемидой и Афродитой. На Таманском полуострове, на Кубани, на всем пространстве расселения меотских племен засвидетельствован культ верховного женского божества, почитавшегося в ряде популярных святилищ, где он слился с культурами Афродиты Урании и Афродиты Апатуры и с семитической Астартой. Но в Танаисе до недавнего времени о почитании женского божества ничего не было известно.

И только в 1965 г. при раскопках западной оборонительной стены была найдена стела с надписью 229 г. н.э. о строительных работах, в тимпане фронтона которой помещено погрудное изображение женщины впрямь (рис. I). У нее широко лицо, полная шея, на голове калаф, на который накинута покрывало, спускающееся на плечи. Волосы причесаны гладко на прямой пробор и убраны под покрывало. На женщине хитон, собранный на груди в складки. И лицо и детали костюма передают местный этнический тип. Трактовка изображения суммарная и жесткая. Складки одежды показаны врезками. Изображение протомы божества во фронтоне стелы известно в пантикапейских надгробиях и в надписях фиасов. Однако рядом с надписью о строительных работах совершенно непонятно его положение. Между тем внимательный осмотр стелы показал, что строительная надпись начертана при повторном использовании стелы. От первоначальной выскобленной надписи сохранились отчетливые следы отдельных букв. Из этого можно сделать вывод, что стела с изображением богини была предназначена для иных целей. Скорее всего, на ней была вырезана надпись фиаса почитавших богиню.

Этот памятник, 25 лет тому назад найденный и давно опубликованный, о котором я здесь позволила себе напомнить, имеет большое значение, как первый и по-

Р и с. 2. Фрагмент плиты с рельефом из Новочеркасского музея

ка единственный опубликованный документ, свидетельствующий, что почитание верховного женского божества не чуждо танаисцам. Между тем уже много лет тому назад был найден в Танаисе другой памятник, относящийся к культу женского божества и пока не опубликованный, если не считать его схематической зарисовки с неточным описанием и истолкованием в книге М.М.Кобылиной. Речь идет о хранящемся в Новочеркасске в Музее истории донского казачества фрагменте небольшой плиты с рельефом, изображающим сидящую в кресле женщину (рис.2). Плита эта была обнаружена мною в коллекции Музея еще в 1950 г. Об обстоятельствах ее находки точных сведений не сохранилось. Известно только, что она найдена на раскопках Танаиса в руинах жилого помещения. Плита изготовлена из серого известняка. Сохранилась только левая ее часть. Высота обломка 19,5 см, толщина плиты 6 см, наибольшая сохранившаяся ширина 10 см. В углублении с плоской рамкой изваян рельеф: в кресле, слегка повернутом вправо, сидит женщина, изображенная впрямь. Контур спинки кресла изображен на фоне углубления врезанным рисунком. Женщина одета в длинный хитон; на голове у нее калаф. Длинное покрывало, накинутое на голову, покрывает плечи и опускается за спину, конец его спереди перекинут через колени. Руки женщины, согнутые в локтях, прижаты к груди и в каждой руке она держит по рыбе. Лицо женщины обито. Трактовка изображений суммарная, складки одежды переданы врезами. Фрагмент сохранил, безусловно, только часть композиции, что было изображено на утраченной части плиты, ввиду отсут-

ствия аналогий решить невозможно. Можно предположить, что это были фигуры других представителей танаисского пантеона или адоранты.

Сохранившееся изображение передает нам образ Великой богини, почитавшейся в Танаисе, культ которой вел свое происхождение с древнейших времен и имел глубокие местные корни. Образ ее, как его передают рельефы Танаиса, сложился в процессе длительного культурного развития и воспринял влияние древних религиозных традиций стран Востока – Сирии и доэроастрийского Ирана. Атрибут богини – рыбы напоминает образ богини Деркето, почитавшейся в Сирии и Месопотамии, где в ее святилище был пруд с посвященными богине священными рыбами. Об этом подробно рассказывает Лукиан. В пантеоне танаитов эта богиня почиталась как божество воды, влаги, покровительница животворных сил природы рядом с "богом высочайшим", "вседержителем". Культ богини был хтоническим. О почитании женского божества жителями Танаиса упоминает Фотий, который, ссылаясь на Ямвлиха, рассказывает об острове в Месопотамии и находившемся там святилище. Фотий пишет: "Ямвлих говорит как бы в виде эпизода, о святилище Афродиты и об установлении, чтобы женщины, посещавшие его, всенародно возвещали виденные ими в храме сны. Здесь же он (т.е. Ямвлих) подробно рассказывает о Фавнухе, Фарсирисе и Танаисе, от которого названа река Танаис, и что Мистерии Афродиты у жителей местности и страны Танаиса, это мистерии Танаиса и Фарсириса".

Ямвлих, эллинизированный сириец, автор эротического романа *Vaβυλωνιακή* второй половины II в. н.э. То, что здесь, согласно Фотию, рассказывает Ямвлих, о происхождении названия реки Танаис и о том, что справлявшиеся танаисцами мистерии Афродиты в действительности были мистериями Танаиса и Фарсириса, содержит, по-видимому, немало путаницы, прежде всего потому, что празднование в честь мужского божества Танаиса справлялось синодом под покровительством "бога высочайшего", как свидетельствует изображение этого божества на стеле с надписью 104 г. н.э. "справлявших день Танаиса". Поэтому следует думать, скорее, что празднование дня Танаиса проходило в городе независимо от мистерий женского божества. Богиню танаисцев сириец Ямвлих называет Афродитой, но это далеко не значит, что так ее называли и сами танаисцы. Местное ее имя осталось неизвестным.

Возникает вопрос, почему такое древнее и великое божество, как богиня мать, богиня животворных сил природы, оставила нам так мало следов своего почитания в Танаисе в сравнении с ее мужским паредром – "богом высочайшим". В то время как культ богини был так широко распространен на Боспоре, особенно на азиатской его стороне, культ "бога высочайшего" играл там значительно меньшую роль, чем в Танаисе, так как этот бог почитался наряду с другими божествами, эллинскими. Следует объяснить это, вероятно, тем, что в области Нижнего Дона культ великой богини ведет свое происхождение от проживавших издревле в этих местах племен местов. По мере ассимиляции их североиранскими племенами, скифами, сарматами, особенно в последний полтора-два столетия жизни Танаиса, когда город был окончательно сарматизован, культ "великой богини" в значительной степени был оттеснен культом великого мужского божества, почитавшегося сарматами.

До недавнего времени о местном производстве стекла на территории Боспорского царства можно было говорить лишь предположительно. Остатки стекольного производства археологически зафиксированы лишь в Фанагории в виде шлака и отходов, сброшенных в мусорную яму¹, а также кусков невыработанной стеклянной массы². Первая мастерская стеклодувов была открыта во время работы Ильичевской экспедиции ИА АН СССР в 1983 г. и продолжает исследоваться до сего времени. Она находится в крепости, отождествляемой с Трапезунтой Йордана³ и датируется Юстиниановским временем. За пределами Боспора мастерские известны на городище Алма-Кермен⁴ и в Танаисе⁵, у села Комарово⁶ и в Херсонесе⁷. Очень коротко остановимся на их характеристике.

Со времени первого появления мастерских стеклоделов в Северном Причерноморье они были связаны с римскими гарнизонами⁸, при которых находились ремесленники — банавсы, работавшие при высоких температурах — металлурги, кузнецы, гончары, стеклоделы.

Н.З.Кунина и Н.П.Сорокина на основании изучения стеклянных бальзамариев Боспора предположили существование стеклоделия на его территории уже со второй половины I в. н.э., скорее всего, в Пантикапее. Мастера, по их мнению, подражали сирийским и египетским образцам⁹. Уже во II в. производство стекла было освоено на огромной территории римской империи и даже за рубежом римского лимеса.

Ко II—III вв. относятся мастерские стеклоделов на городище Алма-Кермен и в Танаисе. Ассортимент товаров и состав сырья этих мастерских совпадают. Обе мастерские работали в традициях столичной римской школы. В Фанагории, где обнаружены остатки производства стекла III в., мастера придерживались традиций провинциально-римской школы.

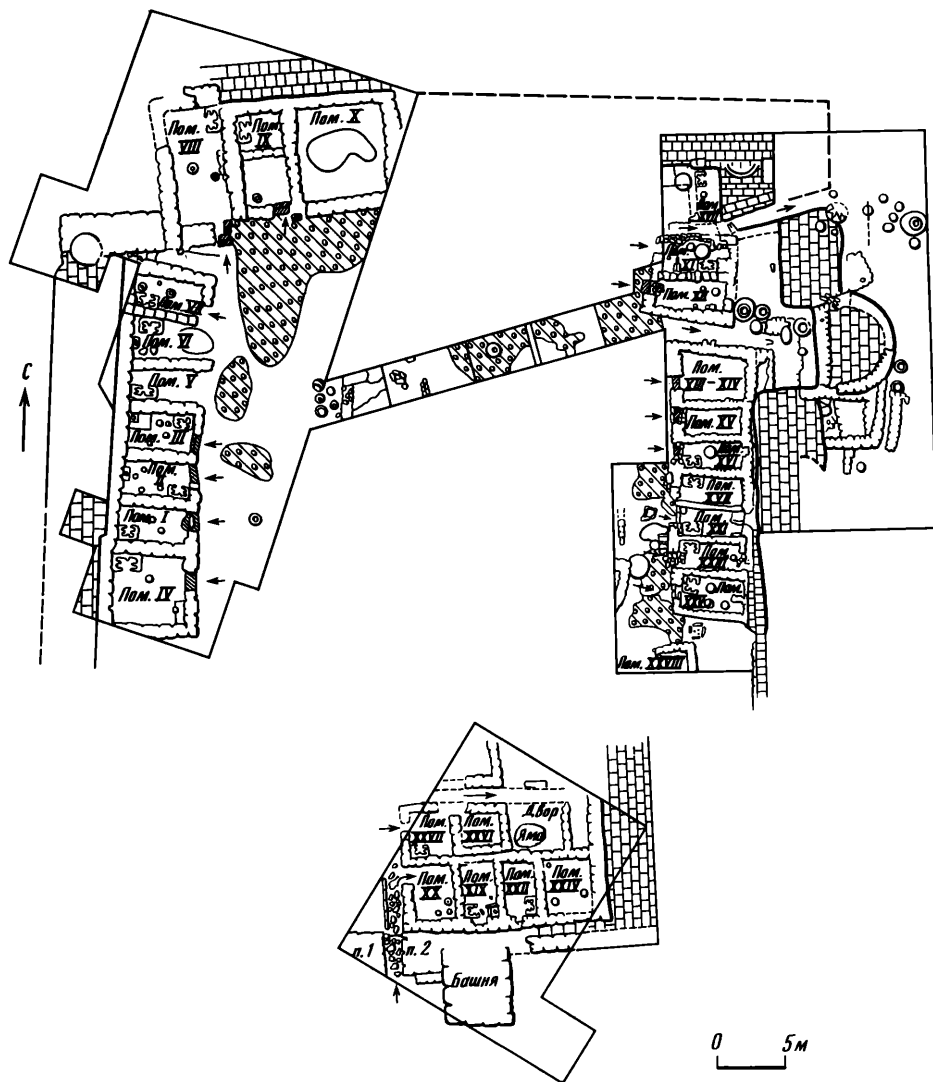
III—IV вв. датируется мастерская по производству стекла у села Комарово Черновицкой области. Эту мастерскую отличает широкая номенклатура изделий. Ю.Л.Шапова не без оснований предложила более определенную дату — третью четверть III в., когда Дунай стал границей Империи (275—277 гг.).

IV—V вв. — время существования мастерских в Херсонесе. Одну из них, перекрытую базиликой VI в., мы предлагаем передатировать на конец V — начало VI в., ибо сопутствующий материал относится ко времени не ранее V — начала VI в. (амфоры, красный лак и т.д.).

В Гермонассе также, несомненно, была своя мастерская. Сопоставляя стекло Тамани, Пантикапее и Херсонеса с восточносредиземноморским, Н.П.Сорокина выяснила, что и состав, и цвет стекла, а также набор посуды этих районов очень близки и предположила вывоз стеклянных изделий из Сирии или Палестины¹⁰.

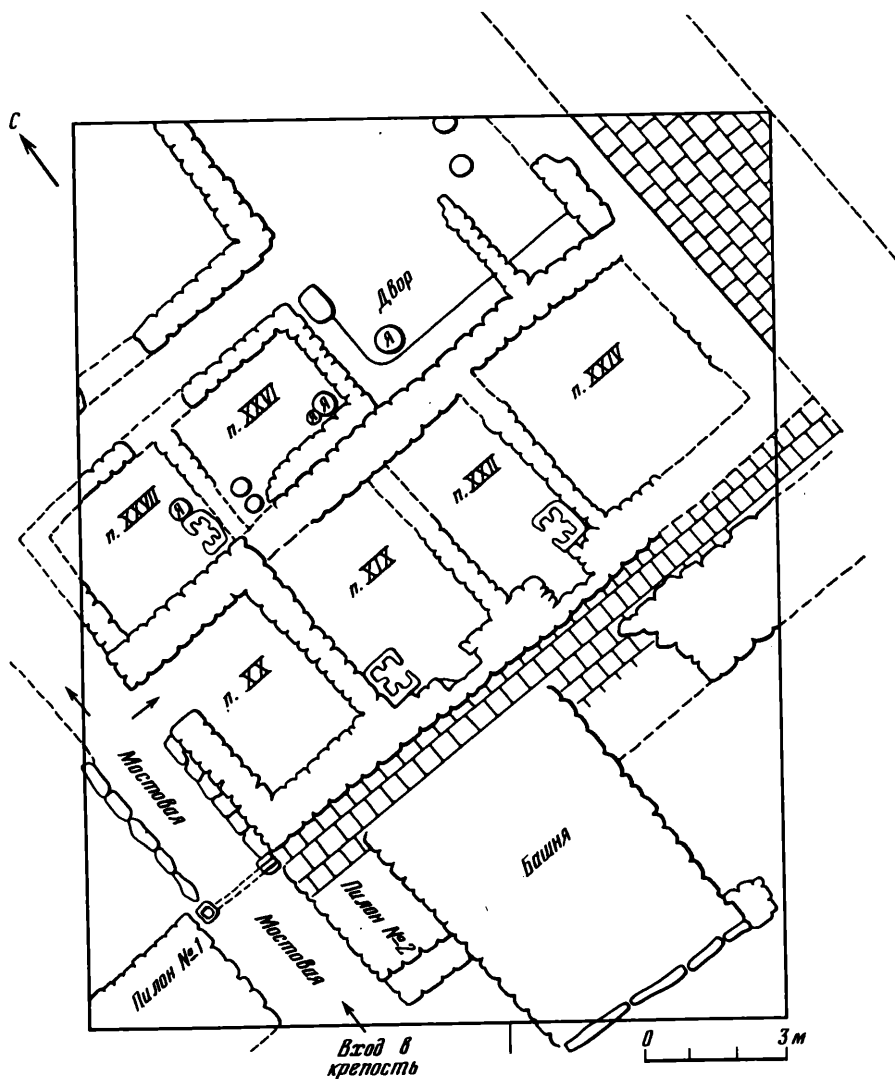
Однако, сравнивая стекло Гермонассы с изделиями публикуемой мастерской из крепости у поселка Ильич, учитывая количество и качество того и другого, а также историческую ситуацию VI в., мы приходим к выводу именно о местном производстве стекла Гермонассы VI в. в традициях сирийских мастеров, которые, вероятно, и работали здесь в это время.

Все перечисленные мастерские сохранились весьма фрагментарно. В лучшем случае — это остатки печей, шлаки и бракованные изделия (Алма-Кермен). В остальных — брак, сырье и обломки изделий (Комарово), сброс из разрушенной мастерской брака, хальмозы и готовой продукции (Херсонес), шлак, льячка, форма для отливки фиал, битое стекло (Танаис).

Р и с. I. Общий план крепости

Лишь мастерская, открытая на Ильичевском городище, сохранилась почти полностью. Она занимает весь юго-западный угол крепости (рис. I, 2). Восточная и южная стены ее примыкают к оборонительной сырцово-кирпичной стене, они врезаны в нее и составляют единый монолит. Ширина этих стен без учета оборонительной — 1 м. Они сложены в панцирной системе с забутовкой из мелких камней и глины. Фасовые камни тщательно подогнаны. К южной стене примыкают четыре помещения разных размеров и назначения. Угловое помещение XXIV отделяется от соседнего XXII неширокой стенкой перегородки, высота которой достигает полутора метров. К западу от помещения XXII расположено основное помещение мастерской XIX. Замыкает комплекс помещение XX, имеющее выход непосредственно на мостовую у ворот, ведущих в крепость с южной стороны. Северная стена всех четырех помещений сохра-

Р и с.2. План мастерской

нилась неравномерно: лучше всего - в крайних помещениях (XX - стена 2I и XXIV - стена 34), где высота ее достигает 0,70 м при ширине 0,80-0,90 м. К северу от этой неравномерно сохранившейся стены, напротив помещения XXII, обнаружен внутренний двор, мощеный камнем, и помещение XXVI к западу от него, ограниченное стенами 26,40,42,28. От западной стены 42 сохранилось лишь несколько камней в центральной ее части. Стена эта служила одновременно и восточной стеной углового помещения XXVII, которое, как и помещение XX, выходит на мостовую, ведущую от ворот внутрь крепости (рис.2). К сожалению, северо-западный угол помещения уходит в нераскопанную площадь раскопа, однако размеры его восстанавливаются легко.

Двор разделен на две неравные половины стеной 39. Каменное мощение двора, стена 39 и яма для сбора воды во дворе относятся к последнему строительному пе-

риоду комплекса, вероятно, к VI в. Одновременна им и стена 26, возведенная при перестройке здания, когда северные стены помещений XIX и XXII были выбраны почти до основания. Двор и многие стены мастерской были использованы в VI в., а помещение XXIII было засыпано и снивелировано вместе с заполнением.

Здание мастерской общей площадью 140 кв.м занимает около 5% всей площади крепости. Полезная площадь комплекса распределяется следующим образом: помещение XX - комната привратника, мастерская для починки керамики и лавка для продажи изделий - 10,8 кв.м; помещение XIX - основное рабочее место, где находились две печи (для фриттования и варки стекла), сырье, инструменты и готовые изделия, в том числе два целых сосуда, не прошедшие отжига - 17 кв.м; помещение XXII с печью для закаливания продукции - 12 кв.м; помещение XXIV - жилое - 15,2 кв.м; помещение XXVI неизвестного назначения - 13 кв.м; жилое помещение XXIII - 13,5 кв.м. Первоначальная площадь двора - около 30 кв.м. Стекловаренные печи мастерской отличаются от обычных домашних печей для выпечки хлеба и приготовления пищи лишь деталями: наличием отверстий в стенках и муфт для нагнетания воздуха при помощи мехов (помещение XIX) (рис.3а); отверстий в плите перекрытия с заглушками, изготовленными из ножек разновременных, от VI в. до н.э. по VI в.н.э., амфор, а также каменной заглушки из свода печи (помещение XIX). Весь пол помещения XIX был заполнен тонким белым песком, высыпавшимся из разрушенного каменного ящика, который находился у западной стены к северу от печи. В оградке из сырцовых кирпичей были сложены запасы костей, частично обгоревших в пожаре. Вдоль восточной стены на керамических плитах лежали толстые слои камки - высушенных морских водорослей - зола, которых применялась наравне с золой папоротника в качестве составляющей для шихты.

Помещение было сплошь забито находками. Наряду с предметами домашнего обихода - посудой (рис.3в), пряслицами, светильниками, железными уникальными гребнями и т.д., здесь найдены предметы конской упряжки - железные удила, пряжки, наконечники ремней из орнаментированной кости, обломки костяных накладок от колчана и т.п. Наибольший интерес вызывают, несомненно, орудия труда, стеклоделов, их инструменты. Это, во-первых, крупная ручная мельница для размолва песка. Затем железная пила для приготовления нужных дров, деревянная лопаточка, железные щипцы с каплей расплавленного стекла (рис.3б), глиняные печные подставки "рогатые кирпичи" для поддержания понтии, каменные гладкие плитки, на которых при помощи специальных "утюжков" разглаживалось оконное стекло, бронзовые пинцеты для обработки края сосудов, сосуды, в которых варилось стекло, и амфора для воды, в которую обмакивались деревянные лопаточки и другой инструмент.

Ассортимент производимых товаров довольно разнообразен: оконное стекло, четырехугольное и круглое, рюмки, лампы, кувшинчики, колбы, чаши, тарелки, бусы.

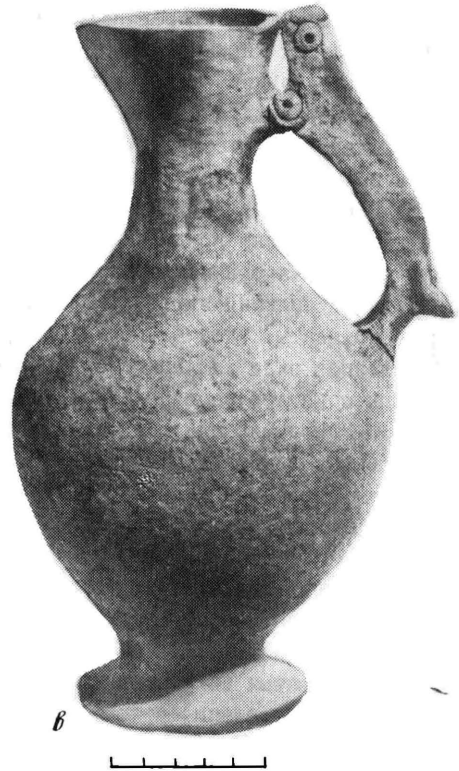
В свете новых данных об истории Северного Причерноморья конца IV-V вв. и о стеклоделии этого времени, в частности, в связи с пересмотром дат амфор и краснолаковой посуды¹¹, следует пересмотреть и датировку некоторых стеклянных изделий позднеантичного и раннесредневекового времени. Так, например, тип А рюмкообразных сосудов, отнесенных Н.П.Сорокиной к IV-V вв., как и тип Б, являются преобладающими в слое и в помещениях второй половины VI в. на Ильичевском городище. Дата этого закрытого комплекса не вызывает сомнений. Помимо того, Д.Б.Харден, на которого ссылается Н.П.Сорокина, датирует эти сосуды IV в. и позднее¹². А.Салдерн в Сардах¹³ относит их к VI - началу VII в. Юдит Херрин да-

а

б

в

Р и с. 3. Ильичевское городище

**а -печь стеклодува; б - щипцы с расплавленным стеклом;
в - лепной кувшин из помещения XIX мастерской**

тирует сосуды, включающие типы А-В Гермонассы, также концом IV – началом V в.¹⁴ В херсонесских цистернах даже по дате Г.Д.Белова они относятся к IV – первой половине VI в.¹⁵, в Восточном Причерноморье они также датируются VI в.¹⁶ Следовательно, надо передатировать сами соответствующие слои гермонассы, как и многих других памятников "послегуннской" эпохи. В Тиритаке, с которой началась эта ошибочная датировка слоев V–VI вв., эту работу можно считать завершённой¹⁷. Ведется она и в Крыму, как западном, так и восточном, завершена в Цибилиуме и других памятниках Восточного Причерноморья и на Ильичевском городище¹⁸.

К.М.Скалон предполагает боспорское производство колб в V–VI вв. и наличие мастерской для их производства в Пантикапее¹⁹.

Раскопки мастерской стеклодува у пос.Ильич позволили решить ряд спорных вопросов, как общего характера, так и частных. Например, считается, что ассортимент сосудов IV–V вв. меньше, чем II–III вв., а сосудов VI–VII вв. – значительно меньше, чем IV–V вв. (В.В.Кропоткин, Н.П.Сорокина, К.М.Скалон и др.). Так, К.М.Скалон считает, что в VI–VII вв. производились, главным образом, сосуды колбовидной формы – свидетельство массового местного производства и сокращения торговых связей. Однако среди сосудов, обнаруженных в крепости у пос.Ильич, Гермонассе, Сардах, на Кифере, в Цибилиуме и т.д. преобладают для этого времени рюмкообразные сосуды, а колб найдено лишь несколько экземпляров. Зато весь ассортимент, перечисленный К.М.Скалон для IV–V вв., широко представлен в слоях VI в.

Совершенно очевидно, что производство стекла в Северном Причерноморье идет непрерывно с I по VII вв. н.э. Ассортимент производимой продукции достаточно широк – сосуды разнообразных форм, оконное стекло (прямоугольное и круглое), бусы. Рынком сбыта служила, вероятно, ближайшая округа, так как мастерских было, по-видимому, достаточно много. В.Д.Блаватский в статье "Боспорское царство в позднеантичное время" писал: "Византии, видимо, были нужны только некоторые опорные пункты на северо-востоке Понта, а не все бывшее Боспорское государство"²⁰. В таких-то опорных пунктах и были, вероятно, расположены мастерские типа Ильичевской. А поскольку стали экспортироваться сами мастера, экспорт товаров, естественно, уменьшился.

На новом месте мастера устраивали мастерские, приспособив для нужд своего производства печи металлургов, гончаров, а то и простые домашние печи. Вероятно, поэтому и не открыты печи стеклоделов в Гермонассе. В слое V–VI вв. там было обнаружено круглое оконное стекло диаметром 22 см, точно такое же, как на Ильичевке. Н.П.Сорокина отмечает, что результаты спектрального анализа этого стекла идентичны результатам анализа стекла из Пантикапея III–IV вв. Приводя известные находки оконного стекла из базилики V–VI вв. Тиритаки, Мангуна и окрестностей Пловдива, она считает, что "оконное стекло применялось в эпоху раннего средневековья исключительно в базиликальной архитектуре, а его использование в жилищном строительстве вызывает сомнение"²¹. Материалы Ильичевского городища показывают, что даже казармы федератов имели окна, застекленные как прямоугольным, так и круглым стеклом.

Приезжие стеклоделы пользовались традиционным сырьем, своими рецептами, сохраняя связь с метрополией, куда иногда возвращались, закончив срок службы.

- 1 Долгоруков В.С. Исследования береговой части Фанагории в 1971-1972 гг. // КСИА. 1975. Вып.143. С.55, 56.
- 2 Шапова Ю.Л. Мастерская по производству стекла у с.Комарово (III-IV вв.) // СА. 1978. № 13. С.230-242.
- 3 Николаева Э.Я. Поселение у д.Ильич // КСИА. 1981. Вып.168. С.88-92; Она же. Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- 4 Высоцкая Т.Н. Поздние скифы в Крыму. Киев, 1972. С.136-145.
- 5 Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М. Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 2. С.176-188.
- 6 Смішко М.Ю. Поселення III-IV ст. н.е. із слідами скляного виробництва біля с.Комарів Червонової області // МДАПВ. Київ, 1959. Вып.2. С.21; Шапова Ю.Л. Указ.соч.
- 7 Белов Г.Д. Стеклоделательная мастерская в Херсоне // КСИА. 1969. Вып.116. С.80-84; Она же. Стеклоделие в Херсонесе // СА. 1965. № 3. С.237-239.
- 8 Все (за исключением одного) пункты стеклоделия совпадают с пунктами римского или византийского лimesа. См. карту М.Ставарской, приведенную в работе Ю.Л.Шаповой "Очерки истории древнего стеклоделия" (М., 1983. С.136).
- 9 Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стекланные бальзамарии Боспора // ТГЗ. Л., 1972. Вып.13. С.145-172.
- 10 Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. Рис.7, 1-10.
- 11 Сазанов А.В. Амфоры ранневизантийского Боспора // Актуальные проблемы историко-археологических исследований на Украине: Тез. докл. Киев, 1987; Она же. Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С.128, 129.
- 12 H a r d e n D.B. Roman glass from Karanis. Ann Arbor, 1936. P. IX. Fig.732, 739, 741.
- 13 S a l d e r n A. v o n. Glass from Sardis // AYA. 1962. Vol. 66, N 1. P. 9, Fig. 10-a, c-f.
- 14 H e r r i n J., K y t h e r a J. Excavation and studied. L., 1972. P. 43. Fig. 60, 27-29; Fig. 61, 362, 376.
- 15 Белов Г.Д. и др. Материалы по археологии юго-западного Крыма (Херсонес, Мангуп) // МИА. 1953. № 34. С.21,22,82,191 и т.д.
- 16 Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985. С.98 и др.
- 17 Сазанов А.В., Иваченко Ю.Ф. Исследование Тиритак в 1983-1985 гг. и проблемы истории позднеантичного Боспора // Задачи советской археологии в свете решений XXVI съезда КПСС: Тез. докл. М., 1987. С.223.
- 18 Чхеидзе Л. Стекланные изделия из Цихидзири-Бобоквати // Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1978. Т.7. С.114; Она же. Стекланные изделия из Вашнарского городища // Там же. Тбилиси, 1975. Т.5. С.65, 66; Лекинадзе В.А. Раннесредневековые памятники Вашнари // СА. 1972. № 3. С.309; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Указ.соч. и др.
Чтобы восстановить истинное положение вещей, нужно, вероятно, переиздать с исправлениями монографию И.Б.Зеест "Керамическая тара Боспора", в которой даны неверные даты некоторых типов амфор, а также издать каталог позднеантичной краснолаковой керамики, для которого накоплено сейчас большое количество хорошо датированных комплексов. См.: Арсеньева Т.М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV - начала V в. н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168. С.43-47; Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // Там же. 1978. Вып.156. С.110-113; Сазанов А.В. Краснолаковая керамика Боспора ранневизантийского времени: Докл. на чтениях памяти В.Д.Блаватского. М., 1987; Беляев С.А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV-VI вв. // АМКСП. С.31 и др.

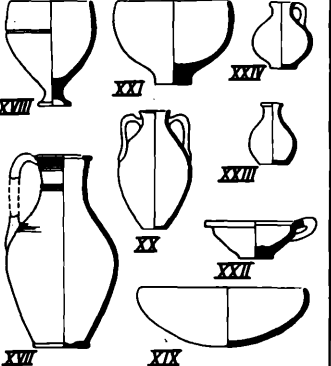
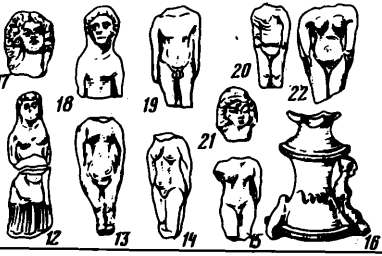
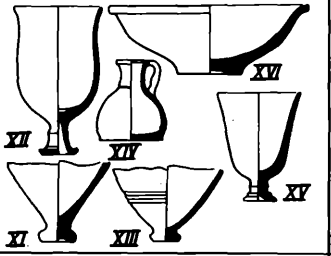

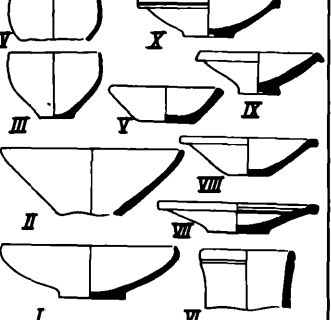
- 19 С к а л о н К.М. О некоторых формах стеклянной посуды позднеантичного и ранне-средневекового Боспора // СГЭ. Л., 1973. XXXУП. С.50-53.
- 20 Б л а в а т с к и й В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С.256.
- 21 С о р о к и н а Н.П. Указ.соч. С.159.

В. А. Мешкерис

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ КОРОПЛАСТИКИ БАКТРИИ - ТОХАРИСТАНА

Цель настоящей статьи представить терракоты Бактрии-Тохаристана в поступательном процессе поэтапного развития художественной культуры данного региона. Поставленная задача дает возможность с одной стороны - определить место бактрийских терракот в схеме исторической периодизации доарабского искусства этого региона, с другой - выявить динамику ранних, зрелых и позднекушанских тенденций в этой области художественного творчества. Вопрос о хронологической периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана пока еще находится на стадии накопления стратиграфических данных и разработки самостоятельных колонок в исследовании отдельных городищ и локальных областей (Халчаяна¹, Саксанохура², Явана³, Дальверзинтепе⁴, Старого Термеза⁵ и ряда городищ Северного Тохаристана⁶). Несмотря на локальную дробность созданных хронологических колонок и критику исследований эталонных памятников (Халчаян и Дальверзинтепе)⁷, а также спорность различных точек зрения на кушанскую хронологию⁸, стратиграфически датированные терракоты до сих пор имеют решающее значение в периодизации коропластики Бактрии-Тохаристана. В этом отношении очень важны специальные работы, посвященные терракотам: Г.А.Пугаченковой⁹, Т.И.Земаль¹⁰, В.А.Завьялова и И.К.Абдуллаева¹¹ и А.В.Седова¹², а также, по мере того как делались открытия, публикации археологически датированных находок вместе с материалом из стратифицированных слоев¹³. Однако в основу этих работ были взяты локальные и выборочные принципы характеристики материала. Поэтому одной из конкретных задач, поставленных в настоящей работе, было выявить, по возможности, в полном объеме все терракоты, обнаруженные (вместе с сопутствующим материалом - керамикой и монетами) на разных уровнях стратиграфических горизонтов.

В построении хронологической колонки (рис. I) использовались данные стратиграфических шурфов и разрезов, позволяющие расчленить терракоты на отдельные хронологические комплексы в устойчивых сочетаниях. Выборка этих комплексов осуществлена на основе изучения материалов стратиграфически датированных слоев Ай-Ханум¹⁴, Кей-қобад-шах, Халчаяна, Дальверзинтепе, Зартепе, Кампыртепе, Тепай-шах и шурфов Старого Термеза¹⁵. Следует, однако, отметить, что в определении этапов смены исторических стилей метод аналогий, дающий возможность установить семантико-стилистические и иконографические параллели, не менее важен, чем стратиграфический метод. На современном уровне исследования коропластика Бактрии-Тохаристана может быть подразделена на четыре хронологические группы, отражающие следующие стили: докушанский, раннекушанский архаической фазы (III в. до н.э.) и развитый кушанский, позднекушанский классической фазы (I в. н.э. - V в. н.э.). Архаическая фаза становления бактрийской пластики представлена айханумским¹⁶ и халчаянским комплексами¹⁷, включающими восточноэллинстические образцы, генетически связанные с древнейшим искусством Передней Азии и уникальные предметы скифского круга (рис. I, I-22). К раннему типу терракот на основании аналогий был также отнесен редкий ритон амлашевского типа¹⁸. Однако наиболее характерны для

Комплексы	Основные эконографические типы	Керамика	Монеты	Фазы	Стиль
Зоргеринский (II-V в. н. э.)			Кушано-сасанидские (I, K, L, M)	Классическая фаза (самобытная, бактрийско-тохаристанская)	Статуарные эталоны позднекушанского стиля Й И З
Дальберзинский (кон. I в. н. э. - III в. н. э.)			Кушанские монеты (E, J, Z, U)		Статуарные эталоны развитого кушанского стиля Ж Е Д
Халмалинский (кон. II до н. э. - сер. I в. н. э.)			Монеты последних греко-бактрийских и раннекушанских правителей (D, G, O)	Архаическая фаза (восточно-эллинистическая)	Статуарные эталоны раннекушанского стиля юечийской эпохи Г В
Айханумский (III-II вв. до н. э.)			Селевкийские, греко-бактрийские (A, B)		Образцы пластики докушанского стиля Б А

Р и с. I. Хронологическая колонка малой пластики Бактрии-Тохаристана

Айханумский комплекс: 1, 4, 6-10 - изделия из кости; 2 - медальон (оттиск матрицы - Айханум); 3, 5 - костяные статуэтки богинь (Халчаян, Старый Термез); II - терракотовая статуэтка богини (Кампыртепе). I-X - формы сосудов айханумского типа (Старый Термез); а - тетрадрахмы Евкратиды, Агофола, серия монет Селевкидов, Евкратиды I (клад Айханум); б - монеты Антиоха I, Евтидема, Евкратиды, Гелиокла (Кампыртепе)

А - переднеазиатские по стилю с использованием античных и древневосточных традиций (1-5, 7-II); Б - скифский звериный стиль (6)

Халчаянский комплекс: 12, 13, 16, 18, 19, 20 - образцы коропластики (Халчаян); 14 - статуэтка богини (Старый Термез); 15, 17 - образцы коропластики (Дальверзинтепе); 21 - женская головка (Кампыртепе); 22 - статуэтки богини (Бараттепе); в, г, д - монеты Деметрия, варварского Гелиокла, Сотер Мегас XI-XVI - основные формы сосудов (Халчаян, Старый Термез) Кадфиз I; В - близкие по стилю к статуэткам группы А (Айханумский комплекс) (13-15, 18-22); Г - пещийский мотив (16); 12, 17, 21 - эллинистические типы

Дальверзинский комплекс: 23 - статуэтки Будды (Старый Термез); 24-26, 28, 29, 31 - статуэтки богинь и музыкантов; 35 - лицевая маска Будды или бодисатвы (Дальверзинтепе); 27, 30 - статуэтки женского божества (Баксанохур); 32 - терракотовый медальон (Халчаян, дворец); 33 - мужская статуэтка (Бараттепе); 34 - статуэтка Будды (Каратепе); 36 - ледяная фигурка обезьяны-барабанщицы (Гиссар). XVII-XXIY - формы сосудов (Дальверзинтепе), е, ж, з, и - монеты Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки, Васудевы; Д - династические мотивы (32, 33); Е - буддийские мотивы (23, 34, 35); Ж - бактрийские (самобитные) мотивы (24-31)

Зартепинский комплекс: 37-43, 47 - антропоморфная и зооморфная терракота позднекушанского времени (Зартепе); 44 - плитка с изображением воина (Дальверзинтепе); 46 - статуэтка Будды (Ак-журган); XXV-XXXI Зартепинская керамика: й, к, л, м - монеты Пероза I, Хормизда I, Варахрана I, Варахрана II; 3 - бактрийские (самобитные) мотивы (41, 43, 44); И - индо-буддийские мотивы (37, 38, 42, 45, 46); й - образцы анималистической пластики (39, 40, 47)

архаической фазы статуэтки обнаженных богинь, наподобие тех, которые повсюду в Передней Азии встречаются в ахеменидских, селевкидских и раннепарфянских слоях¹⁹. Что касается Средней Азии, то ранняя датировка статуэток архаических обнаженных бактрийских богинь до сих пор вызывает сомнение, так как они обнаружены в единственном экземпляре, либо в кушанских слоях²⁰, либо в "ранних" слоях, датировка которых по мнению ряда археологов якобы недостаточно аргументирована²¹. В качестве доказательства, отрицающего существование ранней фазы бактрийской пластики до последнего времени приводился довод о том, что в Ай-Ханум не обнаружены терракоты²². Однако результаты раскопок Ай-Ханум свидетельствуют о существовании в греко-бактрийский период искусства малых форм из кости, терракоты, в котором Г.П.Франкфор различает древневосточный и эллинистические стили²³. Факт обнаружения костяных и терракотовых изделий в Ай-Ханум, Тахти-Сангин, Кампыртепе, Старом Термезе в греко-бактрийских слоях²⁴ подтверждает существование докушанской стадии в пластическом искусстве Бактрии, которая может быть датирована III-II в. до н.э. Выявленный материал вместе с греко-бактрийской керамикой, в которой одной из ведущих форм являются характерные полусферические чаши айханумского типа с отогнутым наружу клювовидным венчиком и кубками округлой формы (рис. I, VII-X)²⁵, сопровождаемой греко-бактрийскими монетами, позволяет сделать заключение о характере изначальной стадии изобразительного искусства. В этот период в местной пластике использовались эталоны передневосточного эллинизма, где "нагая иконография" трансформировалась в стилистике "закона фронтальности"²⁶. Наряду со статуэтками обнаженных богинь встречены схематизированные статуэтки, основанные на геометризации силуэтного абриса (рис. I, 7-10)²⁷, а также на восприятии эллинистических традиций реализма в изображении местных богинь, как это мы видим, в изготовлении серебряной статуэтки II в. до н.э. из Тахти-Сангина²⁸. Что касается датировки трапециевидных статуэ-

ток Саксанохура (Ш-П в. до н.э.)²⁹, то она пока остается спорной, так как подобные статуэтки судя по находкам в Мирзакултепе³⁰ и Дальверзинтепе³¹, появились несколько позже в раннекушанское время, датируемое по монетам варварского Гелиокла, Сотера Мегаса между I в. до н.э. и I в.н.э.³² К тому же в определении датировки саксанохурских статуэток следует иметь в виду то обстоятельство, что если в ранней пластике архаической фазы господствует реалистическая тенденция, то линейный прием, сочетающийся с минимальной объемностью, характерен для плоскостного стиля коропластики кушанской эпохи.

Следующий, вежжийско-кушанский период (П в. до н.э. - I в. н.э.), представленный комплексом, именуемым археологами халчаянским (рис. I, 12-22), характеризуется изменением набора форм сосудов - появлением колоколовидных и рюмкообразных бокалов (рис. I, XI-XU)³³, утверждением устойчивой иконографии обнаженных богинь, фронтально стоящих с протянутыми по бокам руками, архаической трактовкой в такой же канонической позе идолоподобного "Аполлона", а также изготовлением различных штампованных статуэток (эллинизированных, самобытных трапецевидного силуэта) и, наконец, лепных, примитивно передающих облик степняков сако-вежжийской среды. Можно предположить, что к концу раннекушанского периода наряду с перечисленными сюжетами существовали буддийские образы (статуэтки Будды в Старом Термезе обнаружены в слое с тетрадрахмой Гелиокла). Весь этот комплекс, состоящий из перечисленного набора керамики и терракот, датированный на основании монетных находок раннекушанским временем полностью или частично, выявленный на Халчаяне³⁴, Чим-Кургане³⁵, Дальверзинтепе³⁶, Айртаме³⁷, Старом Термезе³⁸, Мирзакултепе³⁹, Тахти-Сангине⁴⁰, Кампыртепе⁴¹ - отражает халчаянский этап бактрийской культуры⁴². Тенденция к омоложению халчаянского комплекса на основе передатировки монет Герая⁴³, как показали приведенные аргументы в работах Е. А. Давидович⁴⁴ и Г. А. Пугаченковой⁴⁵, не представляется плодотворной. Таким образом датировка монет вежжийских правителей Бактрии-Гелиокла, Сотера Мегаса - в большом количестве найденных на Халчаяне, равно как и монет Герая, обнаруженных на других городищах, иконографически близких к халчаянской скульптуре, может быть определена пределами - от рубежа П-I в. до н.э. до I в. н.э.⁴⁶ Это дает основание подвергнуть сомнению позднюю датировку архаических терракот "великокушанским этапом"⁴⁷. Будучи вотивными культовыми предметами ранние терракоты могли веками существовать наряду с более поздними кушанскими статуэтками. Факты единичных находок существенно не изменили схему периодизации исторических стилей, основанную на фиксации смены и сосуществовании художественных идей различных эпох.

Айханумский и халчаянский комплексы (рис. I, 1-22) отражают, несомненно, ранний бактрийский вариант передневозосточного эллинизма.

Самый многочисленный и разнообразный - дальверзинский комплекс (рис. I, 23-36; рис. 2, 1, 2, 4, 5, 6), приходится на великокушанский этап (I-IV в. н.э.). Стиль этой эпохи представлен основной массой терракот однотипных серий, классификация которых разрабатывается с учетом функциональных и семантических признаков⁴⁸. Самые многочисленные популярные статуэтки местной бактрийской богини в сидячей позе зафиксированы вместе с монетами Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки. Изображения богини Ардохшо, сидящей на троне, на реверсе монеты Васудевы П, подтверждают династийный характер местной богини. Разнообразны статуэтки богинь с различными культовыми атрибутами, облаченных в эллинизированные и самобытные одежды: в хитон и гиматий, складчатую тунику, строгое платье трапецевидного силуэта. Схематизированный вариант либо уплощенных, либо обычно примитивных

Р и с. 2. Образцы коропластики кушанской и раннесредневековой эпохи

1 - терракотовый бюстик местной богини из Джаркургана КИ 1622-2; 2, 6 - статуэтка богини с инвенстатуарным кольцом, сидящая богиня на троне (Зартепе); 3, 4 - маска Киртимукси, адорантка (Хайрабадтепе) (ТМ); 5 - статуэтка богини из Саксанохура (ИИАЭ ТаджССР)

статуэток отличается орнаментальной трактовкой. Особую роль представляют индо-буддийские типы (Будды, Боддисатвы, Джайны и кушанские донаторы)⁴⁹. Статуарные типы дополняются скульптурно оформленной керамикой (фигурные ручки, налпы). В этот период наблюдается стабилизация бокалов с колоколовидным туловом, появление высоких кубков на сплошной ножке, а также широкое распространение чаш и одноручных и двуручных кувшинов (рис.1, ХУП-XXIU)⁵⁰. Систематизация терракот кушанской Бактрии выявила следующие четыре стилистические тенденции: местные, бактрийские, династийно-кушанские, эллинистические и индийские. Они представляли собой своеобразные слагаемые регионального стиля.

Зартепинский комплекс (рис.1, 37-47; рис.2,3) охватывающий позднекушанский и сасанидский периоды с IV по V в. н.э., представляет собой резко измененный набор керамики, отличающийся специфическим декором: исчезают бокалы и кубки, появляются небольшие кувшинчики, поверхности сосудов украшаются штампами и налпами, сетчатым орнаментом (рис.1, XXV-XXX). Характерны фигурные зооморфные ручки и подставки (рис.1, 39,47), роговые ритоны, увенчанные головкой козла (рис.1, XXXI). В терракотах наблюдается совмещение позднеэллинистических традиций с местным этнографизмом, экспрессивной трактовкой и сюжетной повествовательностью мифологических сцен. Терракоты зартепинского и кабадианского типов представляют предметы разного функционального назначения: крупные уникальные статуэтки экспрессивной трактовки⁵¹, плитки с мифологическими сюжетами⁵², налпы на керамике, передающие облик чужеземных персонажей эллинистического и сасанидского происхождения (Старый Термез⁵³, Актепе П⁵⁴, Яван), зооморфные ритоны и подставки сосудов (Зартепе⁵⁵) - характеризуют новый средневековый этап в развитии терракотовой пластики. В этот период продолжают традиции пластики кушанской Бактрии: изготавливаются статуэтки местной богини в сидячей позе, статуэтки Будды в образе проповедника, стоящего или сидящего по-азиатски с подвернутыми ногами. Резкое сокращение численности терракот свидетельствует о периоде угасания массового коропластического производства в Тохаристане. Датировка комплекса подтверждается находками кушанско-сасанидских монет.

Предлагаемая хронологическая колонка археологических комплексов наглядно отражает художественные тенденции, характерные для развития искусства Бактрии-Тохаристана на протяжении целого тысячелетия (с III в. до н.э. по VI-VIII вв. н.э.) - от освоения переднеазиатских и эллинистических традиций к выработке собственных неповторимых канонов, из суммы которых был создан бактрийско-кушанский стиль, который сменился новым стилем раннего средневековья, основанным на разрушении канонов и потере традиций массового производства терракот, характерного для предыдущей эпохи и утверждении новых гуманистических принципов в трактовке индивидуализированных образов уникальных произведений коропластики.

¹ П у г а ч е н к о в а Г.А. Халчаян: К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966. С.219-232.

² Л и т в и н с к и й Б.А., М у х и т д и н о в Х.Ю. Античное городище Саксанохур // СА. 1969. № 2; М у х и т д и н о в Х.Ю. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Душанбе, 1973; О н ж е. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксанохура // СА. 1973. № 5; О н ж е. Терракоты Саксанохура // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1975. Т.2. С.378-382; О н ж е. Саксанохурские материалы для формовки мужских статуэток // Материальная культура Таджикистана. Душанбе, 1987. Вып.4. С.91-115.

³ Ю р к е в и ч Э.Я. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии // СА. 1965. № 4. С.157-167; З е й м а л ь Т.И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969;

- О н а ж е. Позднекушанские слои в Южном Таджикистане // Центральная Азия в кушанскую эпоху. С.267-269; З е й м а л ь Т.И., С е д о в А.В. Яванское городище // Древности Таджикистана. Душанбе, 1985. С.136-139, 336-277; С е д о в А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987. С.78-79.
- 4 Н е к р а с о в а Е.Г., П у г а ч е н к о в а Г.А. Керамика Дальверзинтепе // Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С.143-161; И с х а к о в а Е.А., И с х а к о в М.Х. Терракоты Дальверзинтепе // Там же. С.161-164; В ы з г о Т.С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе // Там же. С.165-171; Р о у г а т с h e n k o v a G. Les trésors de Dalversine tépe. Leningrad, 1978.
- 5 К о з л о в с к и й Е.А., Н е к р а с о в а В.А. Стратиграфический шурф на цитадели Старого Термеза // Бактрийские древности. Л., 1979; П и д а е в Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда: Античность, раннее средневековье: Материалы сов.-фр. коллоквиума. Ташкент, 1987. С.87-98.
- 6 З е й м а л ь Т.И. Терракоты Северного Тохаристана: (Вопросы археологической периодизации) // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф. посвящ. десятилетию Южно-Тадж. археол. экспедиции. М., 1983. С.42-44.
- 7 Л и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Тепаи-Шах // Культура и связи в кушанской Бактрии. М., 1988. С.28-38.
- 8 Анализ нумизматического материала и стратиграфических данных раскопок позволил в настоящее время ряду ученых прийти к заключению, что дата правления Канишки не может быть позднее П в. н.э. В.М.Массон. Кушанские поселения и кушанская археология // БД. Л., 1976. С.11; О н ж е. Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: Вопросы периодизации и хронологии // ОНУз. 1981. № 4. С.33; О н ж е. Северная Бактрия // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С.257; К о ш е л е н к о Г.А. Ch.Auge. R.Curiel et S.Le Rider. Terrasses sacrées de Bard-é Méchandre et Masjid-i-Solaiman. Les trouvailles monétaires. P., 1979. (Mémoires de la Délégation archéologique en Iran; T. XLIV). Mission de Susiane sous la direction de R.C.Ghirshman// ВДИ. 1984. № 1. С.191-195. П у г а ч е н к о в а Г.А. К неутраченным дискуссиям: Варварский Гелион, Герай, Сотер Мегас // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. С.107; М а с с о н В.М. Взаимодействие разноуровневых традиций в городской культуре Бактрии и Согда // Там же. С.75.
- 9 П у г а ч е н к о в а Г.А. Об одной группе ледных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии. М., 1963. С.248-252; О н а ж е. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967. С.176-185.
- 10 З е й м а л ь Т.И. Терракоты Северного Тохаристана. С.42-44.
- 11 З а в ь я л о в В.А. Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепе // КСИА. 1981. Вып.167. С.65-69; А б д у л л а е в К.А. Коропластика Бактрии-Тохаристана в античную и раннесредневековую эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985; А б д у л л а е в К.А., З а в ь я л о в В.А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. 1985. № 4. С.202-212.
- 12 С е д о в А.В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике // Культура и искусство Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С.68-79.
- 13 К р у г л и к о в а И.Т., С а р и а н и д и В.И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. 1971. № 4. С.165; П у г а ч е н к о в а Г.А. Новые данные в художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С.78-129; К р у г л и к о в а И.Т. Дильбержин. М., 1974. Ч.1. С.36, рис.26; К р у г л и к о в а И.Т., П у г а ч е н к о в а Г.А. М., 1977. Ч.2. С.37, рис.32; З а в ь я л о в В.А. Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975-1976 гг // СА. 1979. № 3. С.141-159; Л и т в и н с к и й Б.А., С е д о в А.В. Тепаи-Шах. С.22-27; А б д у л л а е в К.А., З а в ь я л о в В.А. Буддийские мотивы в городской культуре позднекушанского времени: (По материалам Зартепе) // ВДИ. 1985. № 4. С.111-121; К р у г л и к о в а И.Т. Дильбержин. Храм Диоскуров. М., 1986. С.81, рис.77; С е д о в А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. С.76-107.

- 14 **F r a n c f o r t** Н.Р. Fouilles d'Ai-Khanoum III: Le saotuaire du temple à niches indentées 2. Les trauvailles - MDAFA. P., 1984. Т. 27. P. 39. Pl. XVI.
- 15 **М а с с о н** В.М. Северная Бактрия. С.254-255. См. приведенную литературу. После выхода в свет этого тома важные исследования были продолжены в этом направлении. См.: **П и д а е в** Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.87-98; **С е д о в** А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. С.78-114.
- 16 **F r a n c f o r t** Н.-Р. Op. cit. P. 39. Pl.СXVI.
- 17 **М а с с о н** В.М. Северная Бактрия. С.255, 297. Табл.СIX.
- 18 **М е ш к е р и с** В.А. Три новых памятника коропластики Бактрии (переднеазиатские параллели) // КСИА. 1985. Вып.182. С.63-86.
- 19 **V a n I n g e n** W. Figurines from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor; L., 1939. Vol. 45. Pl. II, 10, 11. P.61-65; **Z i e g l e r** Ch. Die Terrakotten von Warka: Ausgrabungen der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. B., 1962. Bd. 6. Taf. 17, 257. S.76, 165.
- 20 **З е й м а л ь** Т.И. Терракоты Северного Таджикистана. С.43; **С а в ч у к** С.А. Предметы малого искусства из Кампыртепе // ОНУз. 1984. № 7. С.40, рис.1,2. Статуэтки ранней иконографии обнаружены в соседнем Соде на городище Ер-курган, в позднекушанском слое Ш-IV в.н.э. См.: **В о р о б ь е в а** С.Н. Терракотовая статуэтка на городище Ер-курган // ОНУз. 1989. № 3. С.51-53.
- 21 **Л и т в и н с к и й** Б.А., **С е д о в** А.В. Тепаи-шах. С.32.
- 22 **М а с с о н** В.М. Северная Бактрия. С.266.
- 23 **F r a n c f o r t** Н.-Р. Op. cit. P. 39, 40. Pl. XVI. N 10, 11, 14.
- 24 **Л и т в и н с к и й** Б.А., **П и ч и к я н** И.Р. Ножны Акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. С.195-212; **П и ч и к я н** И.Р. Александр-Теракл: (Грекобактрийский портрет великого полководца) // СА. 1983. № 1. С.80-89; **С а в ч у к** С.А. Предметы малого искусства из Кампыртепе. С.39-41; **П и д а е в** Ш.Р. Костяная статуэтка с городища Старого Термеза // ОНУз. 1986. № 6. С.40-42; **О н ж е**. Стратиграфия городища Старого Термеза. С.89.
- 25 **С е д о в** А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи // СА. 1984. № 3. С.171-178; **П и д а е в** Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.88-89.
- 26 **К о ш е л е н к о** Г.А. О фронтальности в парфянском искусстве // Историко-археологический сборник. М., 1962. С.135-146.
- 27 **F r a n c f o r t** Н.-Р. Op. cit. Pl. VI, N 45.
- 28 **У з я н о в** С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине // Центральная Азия, новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С.290-297, ил.3 на с.366.
- 29 **М у х и т д и н о в** Х.Ю. Терракоты Саксанохура... С.11, 14, 15.
- 30 **П и д а е в** Ш.Р. Кушанская терракота из Мирзакултепа // ОНУз. 1975. № 8. С.59-63, рис.1,2.
- 31 **Р о у г а т с х е н к о в а** Г. Op. cit. P. 50, fig. 34.
- 32 **Р т в е л а д з е** Э.В., **Л и т в и н с к и й** Б.А., **С е д о в** А.В. Тепаи-шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983 // ВДИ. 1985. № 4. С.186; **П у г а ч е н к о в а** Г.А. К неутихающим дискуссиям. С.107.
- 33 **М а н д е л ь ш т а м** А.М. Кочевники на пути в Индию. М., 1966. С.156; **П у г а ч е н к о в а** Г.А., **Халчаян**. С.40, рис.17; **Н е к р а с о в а** Е.Г., **П у г а ч е н к о в а** Г.А. Указ.соч. С.146, рис.101.
- 34 **П у г а ч е н к о в а** Г.А. Халчаян. С.218, 221, рис.102-104.
- 35 **Б а б а е в** А.Д. Коропластика Чим-кургона (Северный Таджикистан) // СА. 1982. № 4. С.232-235; **О н ж е**. Саки, юэджи и Северная Бактрия // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С.198, рис.1.

- 36 П у г а ч е н к о в а Г.А., Р т в е л а д з е Э.В. Указ.соч. С.43, рис.1.
- 37 Т у р г у н о в Б.А. Айртамский могильник // ОНУз. 1968. № 8. Рис.1; О н ж е. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. С.66, рис.13, 14.
- 38 П и д а е в Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.89-91, рис.3,4.
- 39 П и д а е в Ш. Мирзакултепе раннекушанского времени в Северной Бактрии // БД. Л., 1976. С.68-75.
- 40 К е р з у м А.П. Тахти-Сангин: Керамика алтарно-башенного сооружения // Учен. зап. Комис. по изуч. памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюз. ассоц. востоковедов: Археол. источники. М., 1989. С.197.
- 41 С а в ч у к С.А., М а л ь к е е в а А.А. Терракотовые статуэтки музмантов из Кампыртепе // ОНУз. 1969. № 5. С.34-37, рис.1-3.
- 42 М а с с о н В.М. Северная Бактрия. С.255, 256.
- 43 З е й м а л ь Е.Р. Монетные находки 1972 г. из Шарртузского района // Литвинский Б.А., Седов А. Тепан-шах. С.29 и сл.; О н ж е. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С.157.
- 44 Д а в и д о в и ч Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца "Герая" // ВДИ. 1976. № 4.
- 45 П у г а ч е н к о в а Г.А. К неутрачивающим дискуссиям. С.98-107.
- 46 Там же. С.107.
- 47 З е й м а л ь Т.И. Терракоты Северного Тохаристана. С.43.
- 48 И с х а к о в а Е.А., И с х а к о в М.Х. Указ.соч. С.161; А б д у л л а е в К. Указ.соч. С.7-10.
- 49 М е ш к е р и с В.А. Отражение индийского культового синкретизма в коропластике Бактрии-Тохаристана // МАИКЦА. 1985. Вып.11. С.19-30.
- 50 М а с с о н В.М. Северная Бактрия. С.256.
- 51 П у г а ч е н к о в а Г.А. Халчаян. С.226, рис.106,2.
- 52 Р о у г а т с х е н к о в а G. Op. cit. S. 52, 53, 74.
- 53 П и д а е в Ш. Стратиграфия городища Старого Термеза... С.93, 94, рис.6.
- 54 Древности Таджикистана. С.139, 408.
- 55 А б д у л л а е в К., З а в ь я л о в В.Л. Сосуды на зооморфных подставках....

ПУБЛИКАЦИИ

Н.В.Головачева, К.К.Марченко, Е.Я.Рогов, С.Л.Соловьев

АНТИЧНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ КОЗЫРКА 12

(классический период)

Поселение Козырка 12*, исследовавшееся Нижнебугской античной экспедицией ЛОИА АН СССР в 1985–1988 гг., расположено в 10 км к северу от Ольвийского городища на высоком мысу, образованном древней балкой и берегом Бугского лимана. В результате абразии берега значительная часть поселения, очевидно, утрачена, и нет возможности восстановить его первоначальные размеры. Сохранившийся участок поселения по площади составляет не более 0,5 га. Мощность культурных напластований с почвенным слоем колеблется в пределах 0,6–1,0 м.

Вскрытая раскопками площадь около 2140 кв.м охватывает всю доступную для исследования территорию памятника. Поселение за время своего существования пережило три хронологических периода: позднеархаический – вторая половина VI – первая треть V в. до н.э., классический – конец V – середина IV в. до н.э. и раннеэллинистический – вторая половина IV – первая треть III в. до н.э.

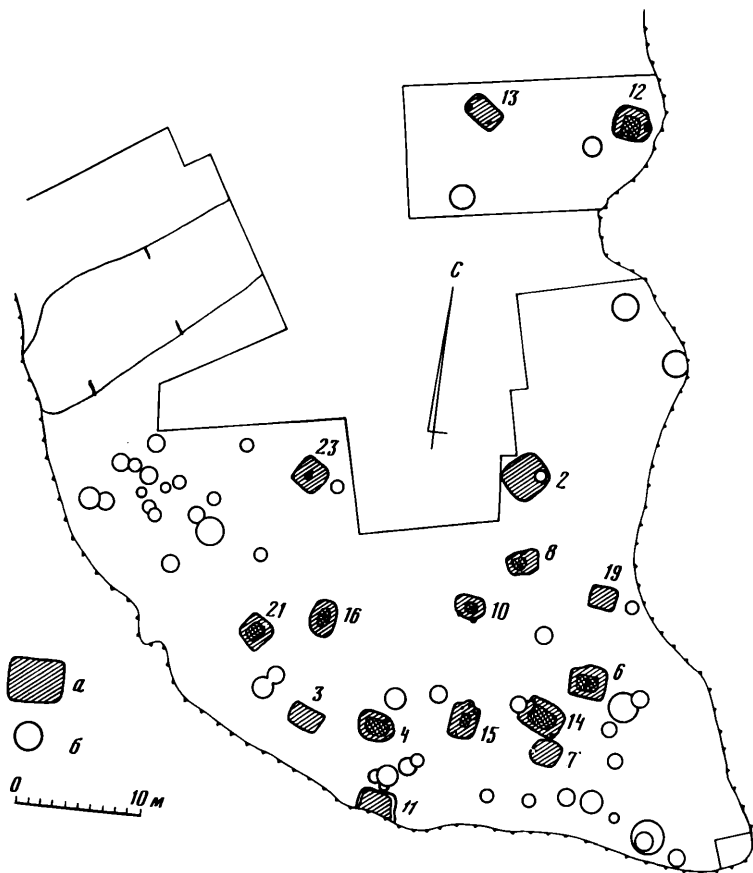
К классическому периоду относится наибольшее количество остатков жизнедеятельности, в том числе 16 строительных комплексов и не менее 50 хозяйственных ям. Этот период характеризуется сооружением исключительно заглубленных в землю построек – так называемых землянок и полуземлянок.

Основное количество такого рода сооружений (14 ед.) сосредоточено в южной, мысовой части поселения (рис.1). Можно предположить, что в рассматриваемое время здесь возник целый куст строительных и хозяйственных комплексов. Расположение последних на местности, однако, не позволяет ныне выделять в структуре этого куста отдельные хозяйства. Есть некоторые основания предполагать, что большая часть землянок и полуземлянок (7,6,14,15,4,3 и 19,8,10,16,21) располагалась все же в два ряда по линии северо-восток – юго-запад. В северной и западной частях памятника подобной плотности и предполагаемой регламентации не наблюдается. Большая часть землянок и полуземлянок поселения имели небольшие размеры. Площадь 10 комплексов колебалась в пределах 4–6 кв.м, два комплекса были площадью 8 кв.м. Наименьшим в нашей выборке оказался строительный комплекс 13, имеющий площадь всего 3,0 кв.м (рис.2,1), а наибольшим – строительный комплекс 2 площадью около 12,0 кв.м (рис.2,12). Размеры построек не зависели от степени их заглубленности в грунт. Как принято в литературе, по степени заглубленности мы выделяем два варианта жилищ – полуземлянки и землянки. К числу первых, заглубленных в материк на 0,25–0,6 м, относятся комплексы 2,3,12,13,15,21,23 (рис.2, 12, 4, 3, 1, 7, 8, 10). В эту же группу мы включаем и строительные комплексы 8, 10, и 16 (рис.2, 14, 6, 2; 3,3), которые были впущены в культурный слой поселения и доведены только до материка: полы этих построек находились на его уровне. К землянкам причислены семь комплексов, заглубленных в материк на 0,6–1,15 м – №№ 4,6,7,11,14,16,19 (рис.2,5,13,11,9; 3,2,4,5,1,6).

Большая часть землянок и полуземлянок имела ориентировку приблизительно по линии северо-запад – юго-восток, однако, это направление не было строго обязательным для всех построек.

Стены котлованов сооружений в тех случаях, когда это можно было установить достоверно, были ровные, не оплывшие. Остатков обмазки стен не обнаружено.

* На карте "Памятники Ольвийской хоры" пос.Козырка 12 стоит под № 133^I.

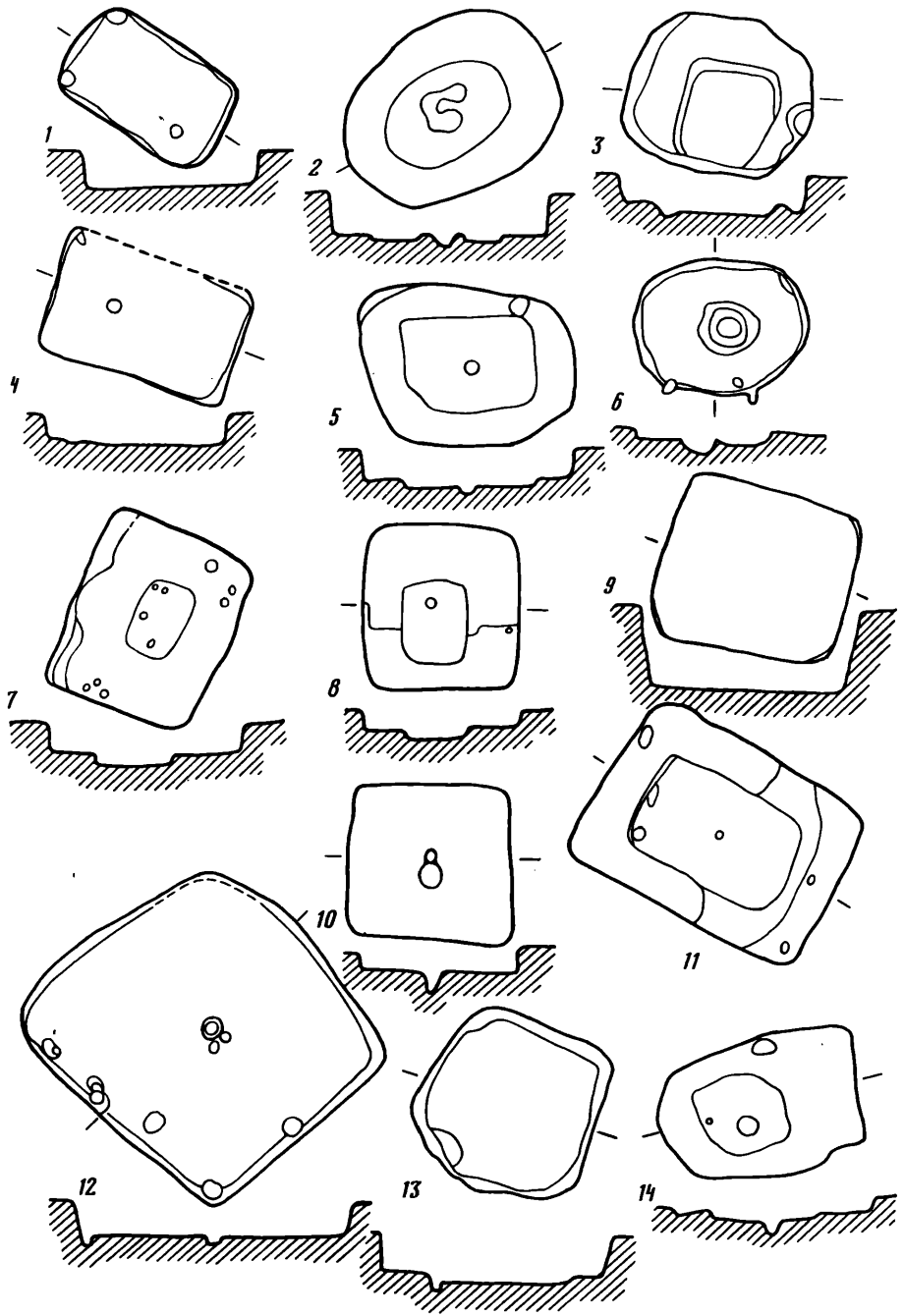
Р и с. 1. Поселение Козырка 12. План раскопанных площадей

а - землянки и полуземлянки; б - хозяйственные ямы

На полах построек отчетливо фиксируются следы утоптанности, полы большинства комплексов периодически подновлялись путем промазки жидкой глиной. В полах практически всех сооружений обнаружены хорошо выраженные конические ямки от несущих конструкций кровли. Характер и взаиморасположение ямок дают основание предполагать два вида перекрытий - шатровое и двускатное. Конструкция стен могла, очевидно, быть каркасно-столбовой.

О внутреннем облике землянок и полуземлянок говорить трудно, можно лишь отметить, что для них не были характерны какие-либо детали из сырца или камня, а также отсутствовали остатки очагов или стационарных печей.

Особого внимания заслуживает открытие в ряде строительных комплексов (а точнее - в девяти из 16: №№ 4, 6, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 21 - рис. 2, 5, 14, 6, 3, 11, 7, 2, 8; 3, 2, 4, 5, 1) одинаковых сооружений в центре пола. Они имели вид прямоугольных или овальных в плане углублений, вырезанных в материке и оконтуренных невысокими - до 0,1-0,15 м - материковым бортиком - "лежанками". Площадь такого углубления составляет приблизительно половину, а иногда и более от всей площади пола постройки.

Р и с.2. Планы и разрезы строительных комплексов поселения Козырка 12

1 - № 13; 2 - № 16; 3 - № 12; 4 - № 3; 5 - № 4;
 6 - № 10; 7 - № 15; 8 - № 21; 9 - № 19; 10 - № 23; 11 -
 № 14; 12 - № 2; 13 - № 7; 14 - № 8

В процессе исследования поселения, помимо заглубленных в землю жилых построек, выявлено около 120 ям различного назначения, вырытых в материке. Из них около 50 можно уверенно связывать с периодом земляночного строительства*.

По форме выделяются ямы грушевидные в сечении с плоским дном и цилиндрические. Однако последние в большинстве своем имеют весьма незначительную глубину — от 0,3 до 1,0 м и, возможно, они являются нижними оплывшими частями ям грушевидной формы. Исключением из этого являются ямы цилиндрической формы большей глубины: яма 29 глубиной 1,35 м, яма 32 — 2,6 м и яма II6 — 3,0 м.

Ямы грушевидной формы различаются по величине и степени заглубленности. Следует отметить, что небольшая глубина — от 0,4 до 1,0 м — и небольшие размеры присущи большинству ям, только 13 из них имели значительно большую глубину — от 1,20 до 2,0 м с диаметром дна от 1,4 до 3,8 м, это ямы №№ 2, 3, 8, 15, 25, 47, 28, 20, 104, 101, 107—109 и др.

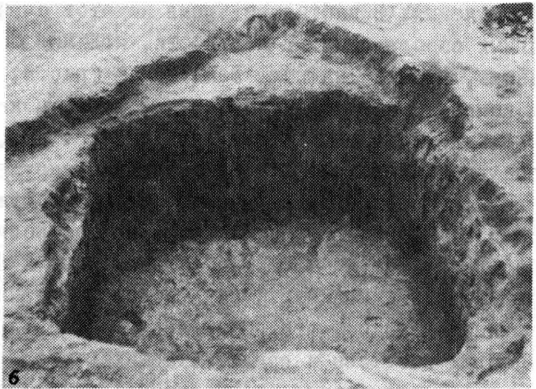
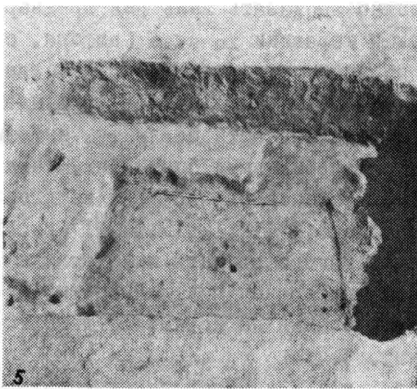
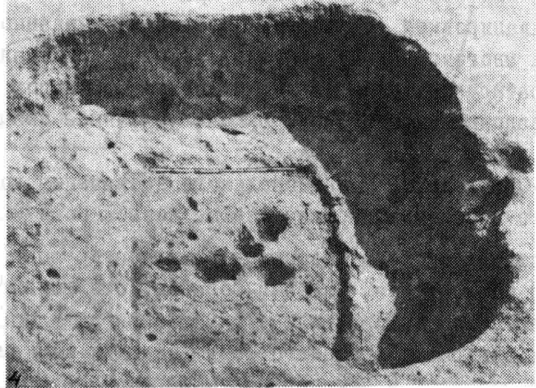
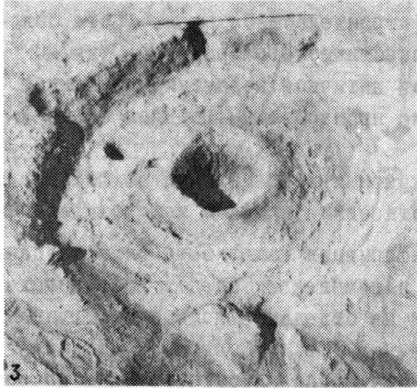
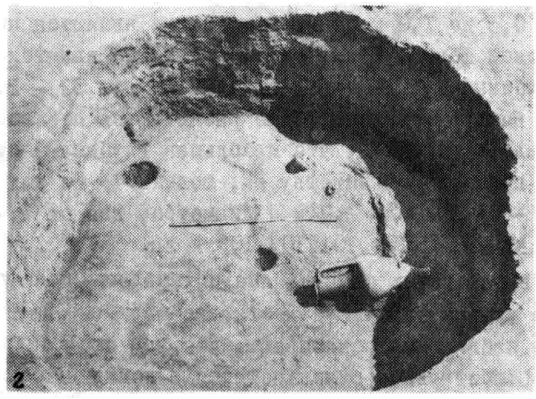
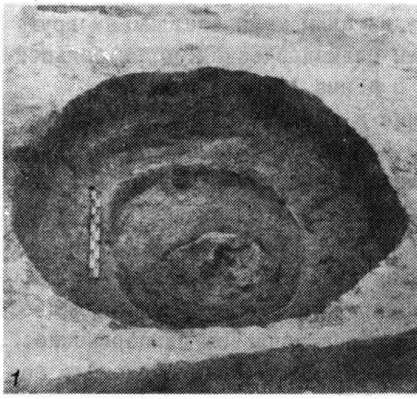
В некоторых случаях яма впускалась не с уровня древней поверхности почвы, а с уровня дна уже существовавшей и еще функционировавшей ямы. Стратиграфические наблюдения показывают, что при этом обе ямы использовались одновременно.

Строительные и хозяйственные комплексы поселения классического периода закончили свое существование практически одновременно, в связи с кардинальной перепланировкой территории поселения, вызванной строительством на их месте больших многокомнатных сырцово-каменных домов эллинистического времени. Судя по стратиграфическим данным и датировкам импортной античной керамики, найденной в заполнении этих комплексов, указанное событие произошло не позднее третьей четверти IV в. до н.э.

Определение функционального назначения конкретных строительных комплексов нашего поселения, прежде всего, возможность их отнесения к жилым или хозяйственным постройкам из-за недостатка диагностирующей информации может быть лишь условным. Это объясняется, главным образом, отсутствием в комплексах следов постоянных очагов или печей, видимого членения их площади на отдельные помещения, глинобитных загородок и разного рода выкладок из камня, ям и т.д. Совершенно недостаточным является и отмеченное выше различие архитектурно-планировочных схем построек поселения. В настоящее время на этот счет можно высказать лишь ряд предварительных соображений. В частности, наличие бытовой керамики *in situ* (амфора, светильник, кувшин) на полу землянки 4 (рис. 3, 2) позволяет предполагать, что данный комплекс использовался прежде всего в качестве отдельного жилища. Учитывая это, можно допустить далее, что если не все, то хотя бы часть землянок, имеющих в полу подчетыреугольные углубления, окруженные материковыми бортиками, также могли использоваться в качестве жилых сооружений. В таком случае к их категории помимо СК-4 можно отнести следующие постройки: №№ 6, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 21 (рис. 2, 5, 14, 6, 3, 11, 7, 2, 8; 3, 2, 4, 5, 1). Наконец, в пользу такого решения может свидетельствовать и наличие у них следов утоптанности и промазок пола. Впрочем, совершенно очевидно, что предложенное нами членение отнюдь не исключает присутствия жилых построек и среди оставшихся сооружений.

Подведем некоторые итоги рассмотрения строительных и хозяйственных комплексов поселения Козырка I2.

* В число ям, относящихся к этому периоду, мы включили лишь те из них, которые в заполнении не содержат материалов второй половины IV в. до н.э., а также ямы, впущенные в материк и впоследствии перекрытые стенами или конструкциями наземных сырцово-каменных зданий. Очевидно, что действительное число ям этого времени должно быть несколько больше.

Р и с. 3. Строительные комплексы поселения Козырка 2

1 - № 16; 2 - № 4; 3 - № 10; 4 - № 6; 5 - № 14; 6 -
№ 19

Нет сомнения в том, что поселение принадлежит к числу памятников, чье возникновение в классический период и дальнейшая судьба – появление на месте землянок больших наземных сырцово-каменных домов – теснейшим образом были связаны с историей Ольвийского полиса. В пользу такого заключения, помимо совпадения хронологических границ возникновения поселения в классический период с началом рекolonизации Нижнего Побужья, бесспорно говорит сам облик бытовавших здесь в это время сооружений – четырехугольных однокамерных заглубленных в землю структур, находящихся самые прямые и довольно многочисленные аналогии среди материалов сельскохозяйственных поселений Ольвийской округи². Вместе с тем констатируемое сходство исторических судеб поселения Козырка I2 и синхронных с ним рядовых памятников Нижнего Побужья, внешняя схожесть его жилых и хозяйственных сооружений с постройками, бытовавшими на других сельских поселениях этого района отнюдь не должен скрывать от нас его значительного своеобразия. Последнее, впрочем, возможно лишь кажущееся, связанное с недостатком сравнительного материала. Необходимо заметить, что охарактеризованная выше кустовая застройка нашего памятника, возможно, содержащая в себе отдельные элементы регламентации, до сих пор не зафиксирована на одновременных поселениях Нижнего Побужья. Не зафиксировано здесь до сих пор и другое – наличие в полах землянок больших четырехугольных углублений. Последнее обстоятельство, быть может, имеет особое значение в плане этнокультурной атрибуции памятника, поскольку единственные и, заметим, весьма близкие параллели этому устройству интерьера обнаруживаются лишь в структуре синхронных материалов варварского хинтерлянда Северного Причерноморья – в зоне обитания оседлого населения лесостепи³.

¹ Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрепко В.М., Рубан В.В. К истории Ольвийской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. Карта.

² Русьяк Іва Г.С. Поселення Пітухівка і біля Ольвії // Археологія. 1968. № 21. С. 206–213; Штительман Ф.М. Поселення біля Закисової балки // АП. Київ, 1958. Т. 7. С. 131–142; Марченко К.К., Доманский Я.В. Античное поселение Куцуруб I // АСТЭ. 1986. Вып. 27. С. 48–60; Марченко К.К., Соловьев С.Л. К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья IV в. до н.э. // КСИА. 1989. Вып. 194. С. 49–54.

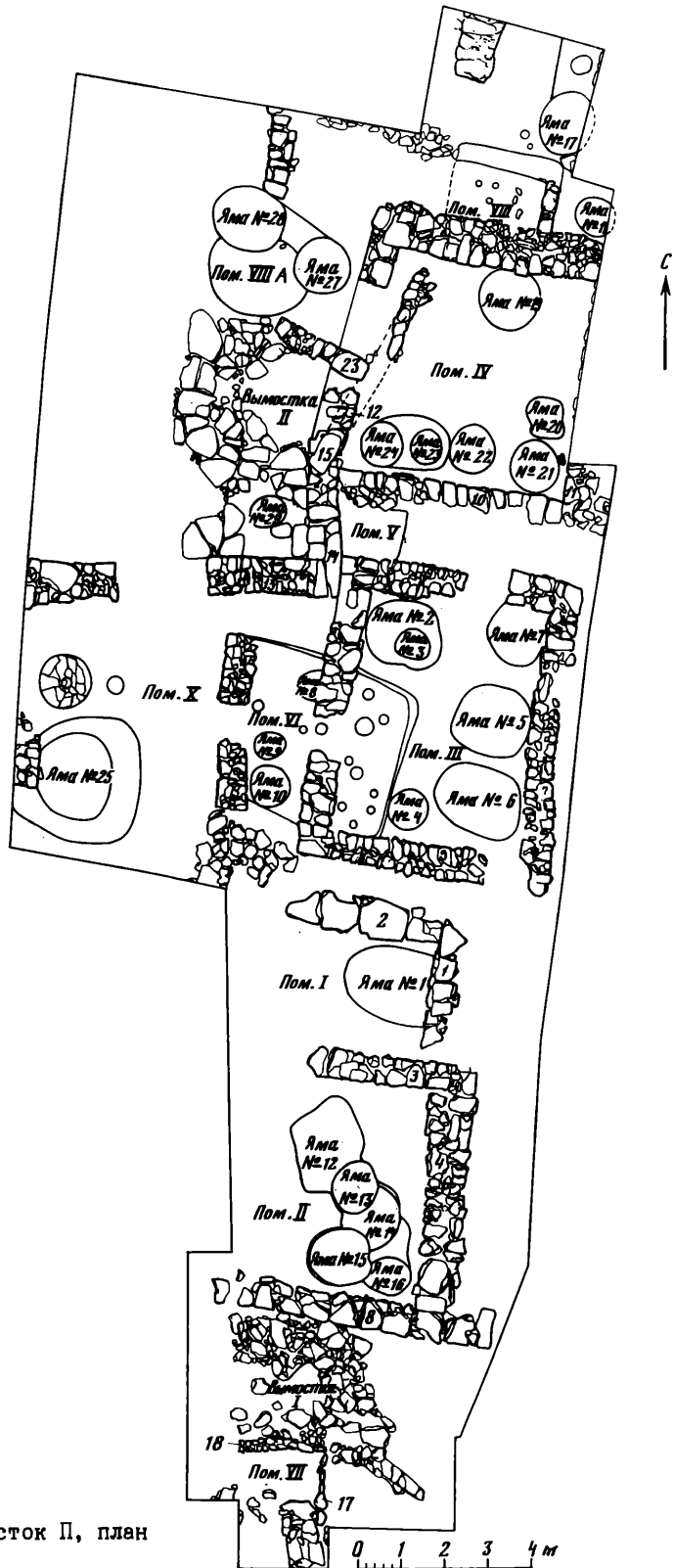
³ Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987. С. 39. Рис. 10, I–3.

Ю. А. Виноградов

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЗАПАДНОЙ ОКРАИНЕ МИРМЕКИЯ

В 1982 г. силами Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР к западу от визуальной фиксируемой границы городища Мирмекий, непосредственно около подошвы его склона, был заложен участок "П". Он привлек внимание прежде всего тем, что здесь сразу под дерновым слоем местами выявлялся культурный слой и строительные остатки архаического времени. Последние, как известно, в Мирмекии практически не исследованы¹. Работы на участке были продолжены в 1983 и 1984 гг., в результате была вскрыта площадь около 310 кв.м при мощности напластований до 0,7 м (рис. I).

Раскопками были выявлены строительные остатки, относящиеся, в основном, к двум хронологическим этапам: последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э. и I–II вв. н.э. Второй из навванных этапов характеризуется остатками крупного

Р и с. I. Участок II, план

здания, в которое входили наземные помещения (Ш, X) и помещение типа полуподвала (IV), объединенные мощным двориком (вымостка П), а также ряд ям.

Данная работа посвящена публикации основных материалов, относящихся к раннему этапу. Строительные комплексы этого времени представлены заглубленными в землю постройками типа полуземлянок (пом. У, VI, VIII, VIII-A) и наземными сооружениями (пом. П, VII) с прилегающей к последним вымосткой I. К архаическому времени также относятся ямы №№ I, 8, II, I7 и I8.

Несмотря на сильную перекопанность участка и плохую сохранность строительных остатков, можно признать, что ведущим типом постройки в рассматриваемое время были полуземлянки. В основном, они представлены четырехугольными в плане структурами, заглубленными в материк всего на 0,15-0,4 м. Точные размеры полуземлянок часто определить невозможно, поскольку они потревожены поздними перекопами. Однако, если судить по сохранившемуся в лучшей степени помещению VI, они были довольно крупными (4,2 x 3,8 м). Пола полуземлянок были покрыты темными глинистыми промазками. Во всех случаях в полах зафиксированы ямки, диаметром от 0,1-0,25 до 0,4 м и глубиной от 0,1 до 0,4 м. Не исключено, что значительная часть ямок оставлена столбовыми конструкциями, поддерживавшими кровлю.

В ряде случаев (пом. VI, VIII) открыты каменные обкладки бортов полуземлянок шириной 0,35 м. Они сложены из небольших практически необработанных камней известняка. В помещении VIII нижние ряды кладки были заглублены относительно пола, для чего вдоль борта была вырыта неглубокая траншея (ширина - 0,4-0,5 м, глубина - 0,15 м).

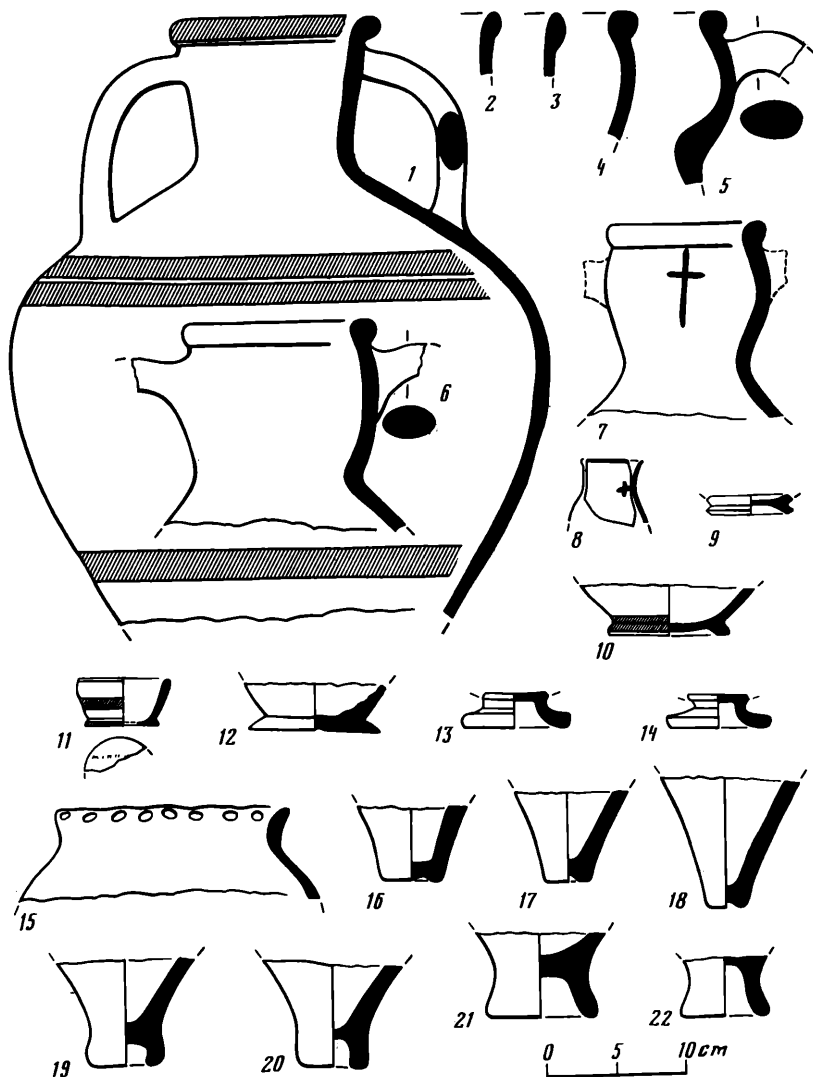
Иной тип полуземлянки представляет помещение VIII-A. В плане оно имеет почти круглую форму (2,3 x 1,9 м), глубина котлована от уровня материка - 0,9 м. Около северного борта имеется сооружение типа приступки или лежанки, вырубленное в материке. Ширина его - 0,7 м, высота от пола - 0,4 м². Пол не имел глинистых промазок, но по периметру помещения в нем открыта серия ямок (диаметр - 0,1-0,15 м, глубина - 5 см), вероятно, от деревянных конструкций, поддерживавших легкую кровлю. Небольшие размеры данного комплекса и отсутствие глинистых промазок пола не позволяют его трактовать как жилую постройку. По всей видимости, помещение VIII-A имело какое-то хозяйственное назначение.

В южной части раскопа открыты остатки двух наземных каменных построек (пом. П и VII). Нет оснований говорить об их относительно позднем в сравнении с полуземлянками времени возведения. Какие-либо стратиграфические свидетельства по этому вопросу отсутствуют, а вещевые материалы из построек обоих типов идентичны.

Помещение П размером 5 x 2,8 м отличается массивностью каменных стен или, вероятнее, цоколей, достигающих в ширину 0,7-1 м. От помещения VII сохранился всего один угол, образованный двумя стенами (2 x 1,7 м). Одна из них сложена из поставленных на ребро плит известняка, другая имеет обычную иррегулярную, постелистую, двухлицевую кладку шириной 0,3 м.

Между этими наземными помещениями располагалась вымостка I (3,6 x 3,2 м), состоящая из необработанных известняковых плит (0,75 x 0,5; 0,3 x 0,2 м). В 1984 г. плиты этой вымостки были удалены, в результате чего были выявлены и исследованы более ранние комплексы: полуземлянка XI и яма 30, относящиеся к началу третьей четверти VI в. до н.э. Это самые древние из комплексов, открытых на городище Мирмекий³. Любопытно, что полуземлянка XI по своим конструктивным особенностям почти не отличается от полуземлянки VIII-A.

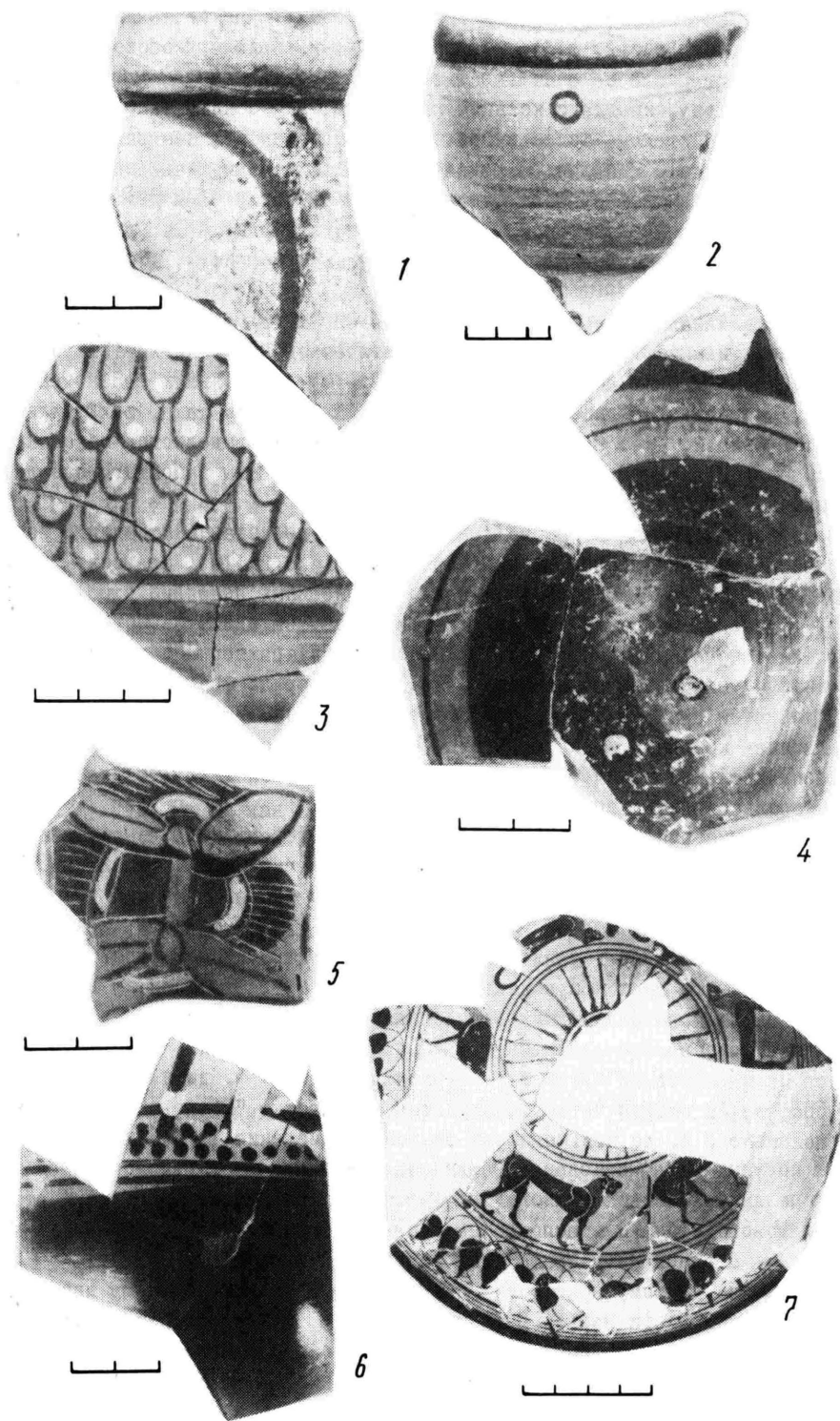
При исследовании строительных комплексов, относящихся к архаическому времени без учета самых ранних, очень специфичных (полуземлянка XI и яма 30), было об-

Р и с. 2. Керамические находки (1-22)

наружено в общей сложности 4623 фрагмента различных керамических сосудов, кости животных и рыб, отдельные вещевые находки - керамические пряслица, бронзовые трехлопастные наконечники стрел и т.д. Без учета фрагментов амфор, на долю которых приходится 75,4% всех керамических находок, керамический комплекс распадается следующим образом: красноглиняная столовая керамика - 48,4%; сероглиняная столовая - 12,8%; чернолаковая аттическая - 13,5%; чернофигурная аттическая 1,9%; расписная (ионийская, хиосская, коринфская и пр.) - 5,5%; кухонная керамика - 4,5%; толстостенная - 0,7%; лепная - 12,7%.

Среди амфорных материалов представлены единичные фрагменты очень ранних сосудов с белой обмазкой и росписью красной краской (рис. 3, I); выделяется верхняя часть ионийской амфоры с росписью широкими полосами красной краски по тулову,

Р и с. 3. Керамические находки (I-7)

горлу и ручкам (рис.2, 1). Очень типичны обломки красноглиняных амфор с цилиндрическим горлом (рис.2, 2,3), но преобладают материалы хиосской пухлогорлой керамической тары. В ее составе отмечаются обломки с росписью черной или красной краской по венцу, иногда с кольцом под краем, нанесенным такой же краской (рис.3,2). Значительно более многочисленны фрагменты с неокрашенными венцами (рис.2, 4-6), хотя и на них изредка встречаются знаки, нанесенные краской (рис.2, 7). Соотношение различных категорий амфорной тары демонстрирует количество найденных амфорных ножек: хиосские пухлогорлые - 12 (рис.2, 19,20), красноглиняные с ножками в виде усеченных конусов - 6 (рис.2, 16-18), протофасосские - 4⁴, ионийские - 2 (рис.2, 21,22).

Красноглиняная и сероглиняная столовая керамика представлена различными типами кувшинов и мисок. Для чернолаковой аттической керамики характерны обломки киликов на невысоких подставках (рис.2, 13-14) и небольших тарелочек. На одной из них, украшенной с лицевой стороны полосами черного лака, сохранилось граффито ΜΙΚΗΓ (рис.2, 11). Среди чернофигурной керамики выделяются обломок крышки леканы с изображением животных (рис.3, 7) и фрагменты закрытого сосуда, очевидно, ольпы, с граффито на дне (рис.2, 12; 3,6).

В группе расписной керамики других центров представлены обломки сосудов, украшенных широкими полосами красной краски (рис.2, 10), фрагменты ионийских киликов, покрытых черным тусклым лаком и расписанных полосами пурпура (рис.2,9; 3,4), фрагменты хиосских кубков и кувшинчиков, на одном из которых по белому фону нанесен черный крест (рис.2,8). Довольно характерны обломки клазоменской керамики с чешуйчатым орнаментом (рис.3, 3)⁵, среди фрагментов коринфской посуды выделяется ручка расписного кратера (рис.3,5)⁶.

Кухонная керамика характеризуется обломками сосудов с округлыми стенками. Ее незначительное количество, возможно, объясняется тем, что для приготовления пищи использовались лепные горшки.

Очень немногочисленна группа толстостенной керамики. В ее составе выделяется фрагмент крупного сосуда с орнаментом в виде пучков волнистых линий, прочерченных по сырой глине. По характеру керамического теста он аналогичен колхидским пифосам⁷.

Лепная керамика представлена обломками сосудов, относящихся по существу к одному типу. Это горшок с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом, иногда украшенным по краю пальцевыми вдавлениями (рис.2, 15)⁸.

Охарактеризованные строительные комплексы и материалы, как уже отмечалось, относятся к последней трети У I - первой четверти У в. до н.э. Каких-либо остатков сооружений второй четверти столетия на участке "П" не зафиксировано. Ко второй половине У в. до н.э. следует относить помещение I (3,5 x 2,8 м), пристроенное к помещению "П" с севера. Среди обнаруженных здесь находок отмечаются обломки поздних хиосских пухлогорлых амфор с "перехватом"⁹, фрагмент аттического чернолакового кубка с штампованным орнаментом на стенках¹⁰, фрагмент чернолаковой чаши с штампованным орнаментом на дне¹¹ и т.д.

Объяснение данному археологическому факту, демонстрирующему явное запустение в западной части Мирмекия во второй четверти У в. до н.э., пожалуй, следует искать в общем обострении военно-политической обстановки в регионе в это время, усилении скифского давления на античные центры Боспора¹². Создается впечатление, что в конце первой четверти У в. до н.э. население вообще покинуло западную часть Мирмекия и укрылось под защиту оборонительной стены, возведенной приблизительно в это же время¹³. Попытка возвращения на старые места (пом. I),

по всей видимости, относится к третьей четверти столетия. Можно предполагать, что она была связана с уменьшением военной опасности. Не исключено, что в это время и ранняя оборонительная стена уже в значительной степени потеряла свое значение¹⁴.

Однако, в целом, этот участок Мирмекия оставался незастроенным даже в IV—III вв. до н.э. и стал активно использоваться для возведения построек позднее этого срока. Как представляется, такое положение было вообще характерно для западной и северо-западной окраинных частей городища. Во всяком случае, давальная площадка винодельни I—II вв. н.э., открытая на раскопе Е, покоилась на мощном культурном слое VI—V вв. до н.э. В.Ф.Гайдукевич объяснял это явление тем, что культурные отложения эллинистического времени здесь были скрыты¹⁶. Но, на мой взгляд, допустима и иная трактовка. Не исключено, что названные части Мирмекия после событий конца первой четверти V в. до н.э. были покинуты населением после чего долгое время оставались практически незастроенными.

- I См.: Гайдукевич В.Ф., Леви Е.И., Прушевская Е.О.Е.О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г. // МИА. 1941. № 4. С.127—133; Гайдукевич В.Ф. Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959. С.29—33; Он же. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. С.5—36.
- 2 Среди боспорских памятников сходные конструкции были зафиксированы в Нимфее. См.: Худяк М.М. Из истории Нимфея VI—III вв. до н.э. Л., 1962. С.13; Скуднова В.М. Скифские памятники из Нимфея // СА. 1954. № 21. С.311—313.
- 3 Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Основные итоги раскопок Мирмекия (1982—1984, 1986 гг.) // Задачи советской археологии в свете решений XXV съезда КПС: Тез. докл. Всесоюз. конф. М., 1987. С.65.
- 4 Зеест И.Б. Керамическая гара Боспора // МИА. 1960. № 83. Табл.У, 15.
- 5 Ср.: Шмидт Р.В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. 1952. № 25. С.234, 235, рис.4.
- 6 Амух Р.А., Лавренсе Р. Archaic Corinthian Pottery and the Anaploga Well // Corinth. 1975. Vol. VII, pt II. Pl. 13.79.
- 7 Колхидская керамика засвидетельствована на Боспоре для довольно раннего времени. См.: Скуднова В.М. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1962. № 2. С.239—242; Гайдукевич В.Ф. Мирмекий. С.45—47.
- 8 Кастанян Е.Г. Лепная керамика боспорских городов. Л., 1981. С.30—33.
- 9 Ср.: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С.16, 107; Табл.У1, 7, II; Рубан В.В. О хронологии раннеантичных поселений Бугского лимана: (По материалам хиосских амфор) // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С.108, 109, рис.8.
- 10 Ср.: Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69. С.165, рис.12; Sparkes В.А., Talcott L. Black and plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. Vol. 12, N 633.
- II Sparkes В.А., Talcott L. Op. cit. N 541.
- 12 Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т.1. С.416; Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства: (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3.
- 13 Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Основные итоги... С.65.
- 14 Виноградов Ю.А. Работы Мирмекийского отряда // АО 1984 г. М., 1986. С.223.
- 15 Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С.193.

В.Ф. Столба

ДОМ IV В. ДО Н.Э. НА ПОСЕЛЕНИИ ПАНСКОЕ I
(раскопки 1987 г.)

В 1987 г. усадебный отряд Тарханкутской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (нач. эксп. — А.Н.Щеглов) продолжил изучение центрального строительного комплекса У7, планомерно исследуемого с 1979 г.¹ Раскопки 1985 г. в основном завершили расчистку памятника по уровню последнего стратиграфического горизонта (слой А). В 1987 г. были продолжены исследования в западной части комплекса. Раскоп, площадью около 300 кв. м, включал в себя Западную башню III раннего укрепления и примыкающий к ней участок у СЗ оборонительной стены (слой Б).

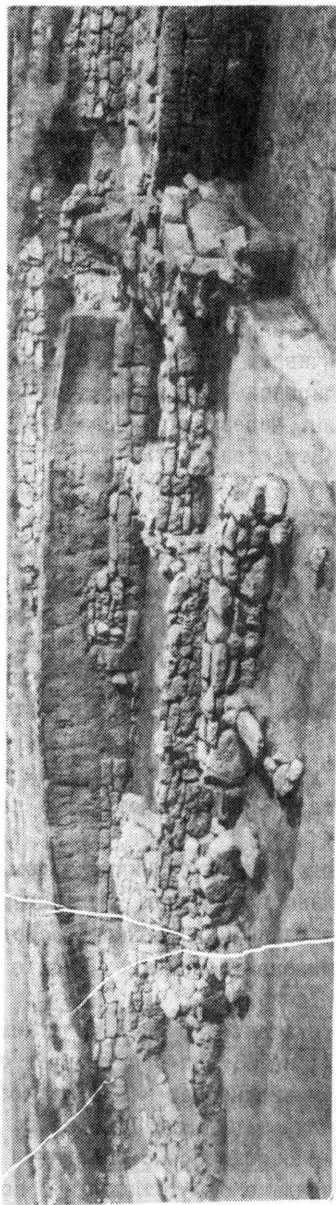
Башня III, диаметром 6,90 м, на 4 м выступает за линию СЗ фасада монументальной стены. Мощность башенных стен достигает 1 м. С целью окончательного выяснения конструктивных особенностей башни напластования, скрывающие ее основание, были разобраны с внешней стороны до материка (надскальной известняковой крошки). В результате этого были полностью расчищены остатки каменного цоколя, отличающегося тщательностью кладки и сохранившегося на высоту от 2-х до 5-ти рядов. Для повышения устойчивости с внутренней стороны основание башни было забутовано. С востока в нее вел вход, обозначенный крупным, аккуратно обработанным порошным камнем прямоугольной формы. В целом башня аналогична ранее открытым № I и П².

К северо-востоку от башни III был исследован жилищно-хозяйственный комплекс, непосредственно примыкающий к ней своей ЮЗ частью и имеющий в качестве юго-восточной стены внешнюю СЗ стену раннего комплекса У7 (рис. I, I). Ввиду того, что памятники более раннего времени, чем конец IV — первая треть III в., за исключением оборонительных сооружений комплекса У7, изучены на поселении крайне мало, результаты исследований 1987 г. представляют большой интерес.

Стены раскрытого здания подстилают два слоя плотного светло-желтого суглинки, представляющего собой остатки рухнувших и превратившихся в аморфную массу стен из сырового кирпича. Слои разделяет зольная прослойка, достигающая у башни толщины 0,13—0,15 м, по мере удаления от нее постепенно утоншающаяся и выклинивающаяся. Общая толщина культурных напластований под зданием 1987 г. равна 0,35 — 0,50 м. Впоследствии над руинами дома образуется обширный холмик, имевший вид холма с крутыми склонами, практически полностью раскопанный в 1985 г.

Керамический материал из подстилающего остатки здания горизонта представлен в основном фрагментами амфор Гераклеи, фасоса и других центров, обломками кухонной посуды, как гончарной, так и лепной, фрагментами сероглиняной керамики с черным покрытием, краснолаковых и чернолаковых аттических сосудов. Из находок в этом слое отметим фрагменты гераклейских амфор с клеймами ΔΑΜ[ΟΦ]/ΩΝΤ[ΟΕ], ΚΑΑ/ΑΙΑ, палица и [ΕΠ] ΑΡΙΣΤ/[ΟΚ] ΛΕΟΕ, принадлежащими, очевидно, к числу наиболее поздних в I группе³, а также двустрочное клеймо того же центра: ΗΡΑΚΛΑ/ с кадуцеем влево между строк⁴.

Как уже отмечалось выше, жилищно-хозяйственный блок, возведенный *extra muros*, в качестве юго-восточной стены имеет участок СЗ монументальной стены комплекса У7, сложенной из массивных, хорошо обработанных и тщательно подогнанных по месту блоков понтийского известняка. В пределах помещения II4 в оборонительной стене была открыта ранняя калитка шириной 1,50 м, к коменту постройки дома заложена сырцом и не функционировавшая (см. рис. I, I), как, по-видимому, и вся исходная система укреплений центрального здания У7.

Р и с. 1. Поселение Панское I, У 7

- 1 - дом IV в. до н. э. с внешней стороны оборонительной стены, вид с запада;
- 2 - помещение II⁴, вид с юга

Исследованный дом имеет форму прямоугольника, разделенного на шесть, за исключением пом. II5 и II6, квадратных в плане помещений и отличается симметричностью планировочного приема. При ширине (с СЗ на ЮВ) 5,90-6 м, здание имеет длину (СВ-ЮЗ) 10,6 м. Вход в него находился с северо-западной стороны и вел в проходное, имеющее вид узкого коридора помещение II5. Композиционным центром здания являлось пом. II4, самое большое по площади, вокруг которого с СВ и ЮЗ группировались две пары более мелких, приблизительно равных между собой по площади помещений II2-II3 и II6-II7. Вся постройка, очевидно, была одноэтажной. Сырцовые стены дома покоились на высоких каменных цоколях без фундамента. Большинство цоколей друслийные, сложенные из мелкого и среднего камня на глинистом растворе в технике постелистой иррегулярной кладки с тщательной перевязкой по углам. Изредка в стены включены орфостаты. Присутствие на всей площади здания обломков керамид и соленов, преимущественно синопского производства, позволяет предполагать существование над всей постройкой черепичной кровли.

Как показало изучение строительных остатков дома, он дважды перестраивался (рис.2). Это привело к изменению функционального назначения отдельных помещений. В некоторых случаях (пом. II7) при помощи подсыпок изменялся уровень пола.

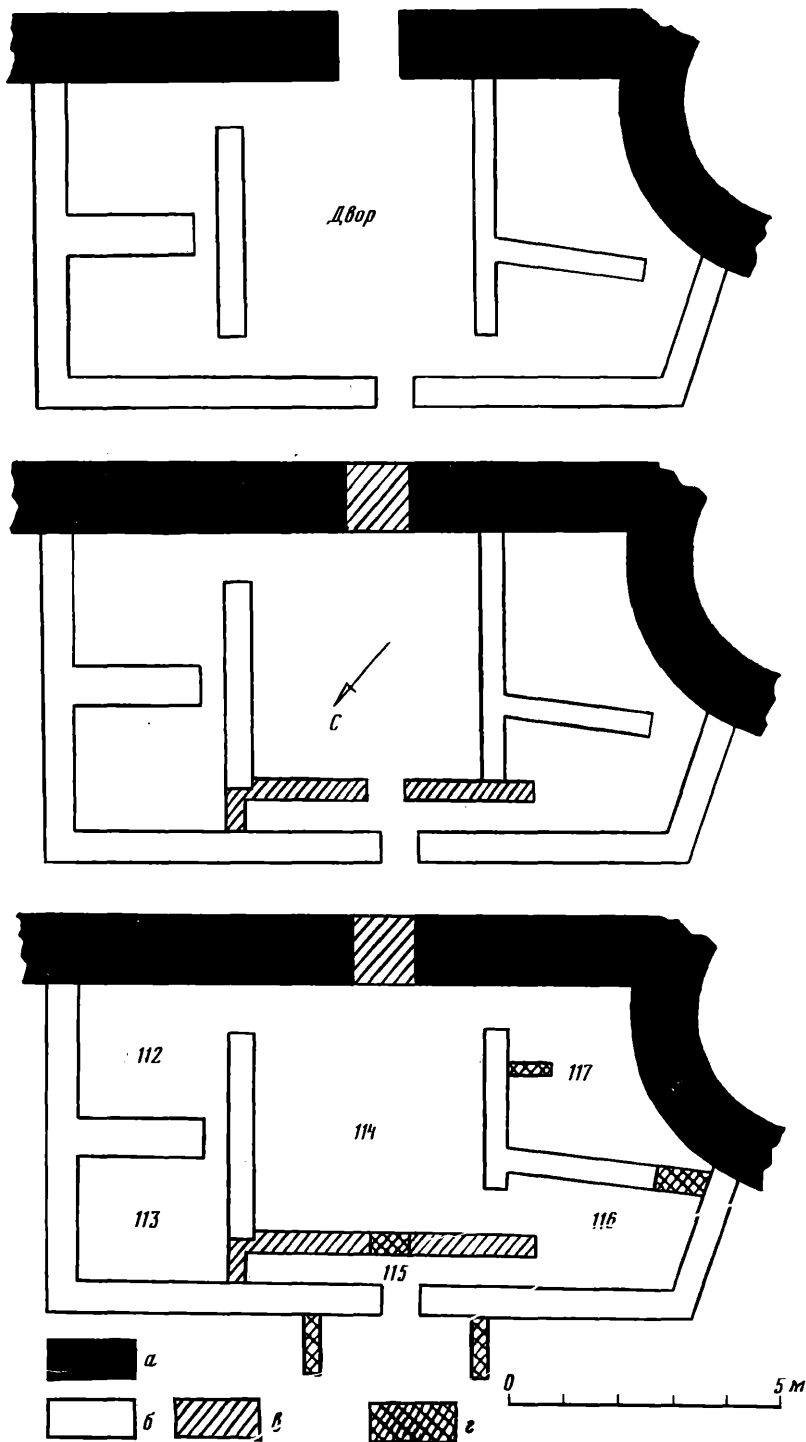
Охарактеризуем кратко раскрытые помещения:

Пом. II2 - расположено в восточном углу дома. Юго-западная стена, сохранившаяся на высоту от двух до семи рядов кладки, ограничивает его со стороны пом. II4. С последним оно соединяется дверным проемом шириной 0,95 м в южном углу комнаты. Порожные камни в данном случае не выявлены. Через узкий проход в СЗ стене, шириной 0,40 м, оно сообщается с пом. II3. Эта стена, выделяясь своей мощностью (0,63-0,65 м), является самой основательной в здании, превосходя по толщине даже внешние. Во время расчистки пола у основания стены была найдена медная херсонесская монета с изображением диморфного Диониса на л.с. и льва, терзающего быка на обороте (Зограф. тб. XXXV, II). Эти монеты и соответствующий им старший ниминал типа квадрига - воин появляются в середине IV в.⁵ и обращаются в течение всей второй половины столетия и, вероятно, даже в начале III в. до н.э. Это подтверждается находками их на поселении Панское I в комплексах последнего строительного периода (слой А), относящегося к концу IV - первой трети III в.

В центре помещения II2 в глинобитном полу была устроена овальной формы яма размерами 0,95 x 150 м. Это позволяет интерпретировать данную часть дома как хранилище. Общая площадь отсека - 7,1 кв.м.

Пом. II3 - занимает северную часть здания. На юго-западе граничит с пом. II4 и II5, на юго-востоке - с пом. II2. Первоначально в западном углу помещения действовал проход, соединявший его с пом. II5, тщательно заложенный впоследствии, после чего оно стало тупиковым. Площадь, занимаемая помещением, равна 6,1 кв.м. Пол глинобитный, с небольшой вогнутостью в центре.

Пом. II4 - композиционный и функциональный центр здания. С СВ и ЮЗ к нему примыкают две пары помещений - II2, II3 и II6, II7; на СЗ оно соседствует с пом. II5. Юго-восточной частью пом. II4 пристроено к внешней стене комплекса У7. Имея внутренние размеры 4,25 x 4,45 м, оно занимает площадь 18,9 кв.м, приближаясь в плане к квадрату. Проходами помещение сообщается с соседними II2, II7 и II6. Дверные проемы в пом. II7 и II6 первоначально отсутствовали и появились лишь после разбора южной и западной частей ЮЗ стены помещения. Порогами в обоих случаях служит нижний ряд кладки цоколя. В ЮВ стене был открыт еще один проход, существовавший на первом этапе жизни здания, и заложенный впоследствии

Р и с 2. Схема развития внутренней застройки дома

а - оборонительная стена центрального комплекса У 7;
 б - стены первого строительного периода; в - стены второго
 строительного периода; г - стены третьего строительного
 периода

обломками известняка. Этот проем, шириной 1,20 м, был устроен во внешней стене укрепления по центру помещения II4 в непосредственной близости от заклада древней, описанной выше калитки (рис. I, I). По всей видимости, через него осуществлялась связь с серией не раскрытых пока, принадлежавших этому же дому помещений с внутренней стороны оборонительной стены. Есть основания думать, что исходно данный строительный комплекс представлял собой безордерный дом типичной схемы⁶, где помещения группировались вокруг внутреннего дворика, позже перекрытого и занятого комнатами II4 и II5. Такой дом открыт, например, в 1985 г. в верхнем стратиграфическом горизонте (конец IV – первая треть III в.) данного поселения (У7, блок I5)⁷.

Северо-западная стена пом. II4 возникла позднее, в результате перестройки здания и имела первоначально в своей центральной части проход шириной 0,70 м, заложенный с ооольшой тщательностью, по-видимому, на последнем этапе жизни дома. В этой части отдельные камни цоколя выдвинуты внутрь пом. II4, что создает впечатление таранного удара, нанесенного по стене в этом месте. Несомненно, с существовавшим здесь прежде дверным проемом связаны два плоских камня, лежащие на полу пом. II4. В пределах всего помещения над земляным полом была прослежена плотная зольная прослойка. В отдельных случаях над лежащими на полу камнями встречаются очень тонкие прослойки песка.

В северном углу комнаты был открыт сильно поврежденный кротовинами глинобитный очаг размерами 0,95 x > 0,70 м, имевший вертикальные стенки высотой 0,22 м. Следы еще одного очага, служившего, вероятно, для обогрева помещения, были выявлены в его центральной части (рис. I, 2). Очаг представлял собой первоначально приподнятую над уровнем пола сырцовую площадку 0,95 x 0,95 м с обкладкой по периметру более светлым по цвету кирпичем толщиной 0,08–0,10 м, установленным на реоро. Однако уже в древности он был разобран. Два очага аналогичной конструкции были исследованы в 1985 г. в блоке I5.

Таким образом, касаясь вопроса об интерпретации помещения, можно предполагать, что первоначально оно было жилим (ойкос), а впоследствии соединяло функции как жилого, так и хозяйственного.

Пом. II5 – самое незначительное по площади; на СВ ограничено пом. II3, на ЮВ – пом. II4; на ЮЗ выходит к пом. II6. Имея узкую, вытянутую с СВ на ЮЗ форму, оно служило проходом. Проемом шириной 0,60 м, одновременно являвшимся и входом в здание, пом. II5 соединялось с площадью А–I9. С внешней стороны, справа и слева, на расстоянии I – I,10 м от входа, северо-западная стена (одновременно внешняя стена дома) была укреплена контрфорсами, от которых сохранились лишь камни их оснований. Первоначально с пом. II3 и II4 коридор сообщался проходами, однако впоследствии связь со всеми комнатами блока осуществлялась лишь через помещение II6.

Пом. II6 занимает западный угол дома и было проходным. С пом. II4 связано проходом шириной 0,80 м. В южном углу комнаты, в ЮВ стене, дверной проем в пом. II7 был заложен.

Пом. II7 – расположено в южном углу здания, примыкая с одной стороны к башне III, с другой – к оборонительной стене. На каменном цоколе последней со стороны помещения сохранились следы подтеки и длительного термического воздействия, указывающие, по-видимому, что здесь прежде было место очага. За загородкой из двух поставленных в ряд камней у СВ стены комнаты находилось большое скопление раковин, в том числе и очень мелких, едва ли употреблявшихся в пищу. Пол всего помещения был покрыт слоем золы. Следует отметить также, что у ЮЗ стены был от-

крыт каменный водосток. Проходя через все помещение, он огибал башню и выходил за пределы дома.

Уровень всех раскрытых помещений соответствует последнему периоду жизни здания. Симметричность планировочного приема, присущая данному комплексу и не характерная для домов Ольвии и большинства греческих центров Северного Причерноморья, за исключением Херсонеса⁸, позволяет предположительно связывать его с херсонесской домостроительной традицией.

Характеризуя керамический комплекс, происходящий из описанных выше помещений, необходимо отметить преобладание среди аморфных фрагментов обломков гераклейской, синопской и фасосской тары. Особо следует выделить находку в пом. II4 фрагментов гераклейских амфор с клеймами ONΑΣΟ (из числа наиболее поздних в I группе⁹) и ΔΑΜΟΦΩΝ/ΜΕΝΟΥΤΙΟΣ, эмблема – канфар (II группа по классификации И.Б.Брашинского). Велик процент гераклийского импорта и среди кухонной керамики. Широко представлены в комплексе и другие группы керамического материала, в том числе сероглиняные чаши и миски с жидким черным покрытием, характерные для ольвийского керамического комплекса, и чернолаковая посуда аттического производства. Следует упомянуть также происходящий из пом. II4 фрагмент сетчатого лекифа второй – третьей четверти IV в. до н.э.¹⁰ с процарапанным на дне граффито – А. Кроме того отметим находку в синхронном слое за пределами дома (площадь А-15) фрагмента процарапанной на стенке амфоры пятистрочной дорийской надписи¹¹.

Обращает на себя внимание обилие обломков лепной посуды обычных степных форм, представленных практически в каждом помещении. Такая картина характерна не только для нашего, но также и для большинства комплексов последнего строительного периода, свидетельствуя, наряду с материалами некрополя, о гетерогенности населения, оставившего данный памятник.

Стратиграфические данные, состав и характер керамического комплекса, монетный материал позволяют относить возникновение открытого строительного комплекса ко времени вскоре после второго пожара и гибели раннего укрепления и датировать комплекс в целом второй – третьей четвертью IV в. Эта дата подтверждается и материалами перекрывающего его зольника. Не исключено, что пожар и гибель дома в пределах третьей четверти IV в. связаны с напряженной военно-политической ситуацией в северо-западном Крыму, фиксируемой также другими группами источников.

¹ Щ е г л о в А.Н. Комплексные исследования в Северо-Западном Крыму // АО. 1979. г. М., 1980. С.355. См. в этом же издании ежегодную информацию о ходе работ.

² См.: Š ō e g l o v A. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969-1985) // ДНА. 1987. 13. Р. 243, Р. 262, fig. 11, 12.

³ Ср.: Б р а ш и н с к и й И.Б. Вопросы хронологии керамических клейм и типологического развития амфор Гераклеи Понтийской // НЭ. 1984. Т.14. С.9. Дамофонт же хорошо известен по клеймам II группы.

⁴ В данном случае ген.фабрикантского имени образован от гипокористикона 'Нρακλῆς. Не исключено, что 'Нρακλῆς и 'Нρακλῆδας, известные на штампах II и III групп по классификации И.Б.Брашинского, обозначают одно и то же лицо. Возможно, на это указывает и общая в обеих группах клейм эмблема – кадуцей. Случай использования одними и теми же лицами как полных, так и кратких имен известны. См., например: M e i s t e r R. Vollname und Kurzname bei denselben Personen überliefert // ВВ. 1890. 16. S. 173 f.; A n g e r m a n n C. Voll- und Kurzname bei einer und derselben Person überliefert // Ibid. 1891. 17. S. 176.

⁵ З о г р а ф А.Н. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами // ИРДИМК. 1927. Вып.5. С.391; О н ж е. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. С.148.

- ⁶ Ср. дома (А.У 4 и А.У.10) типичной схемы в Олинфе: R o b i n s o n D.M., G r a h a m J.W. The Hellenic House // Excavations et Olynthus. Baltimore, 1938. Pt VIII, pl. 95.
- ⁷ Š e g l o v A. Op. cit. P. 271, fig. 26.
- ⁸ К р ы ж и ц к и й С.Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (У I в. до н.э. - У в. н.э.). Киев, 1982. С.48 сл.
- ⁹ Б р а ш и н с к и й И.Б. С.10; В а с и л е н к о Б.А. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине У в. до н.э. // ИЭ. 1974. XI. С.8.
- ¹⁰ Ср.: И в а н о в Т. Антична керамика от некрополя на Аполония // Аполония. С., 1963. С.124, табл.54, № 152.
- II Публикации письма будет посвящена отдельная работа.

А.А.Завойкин

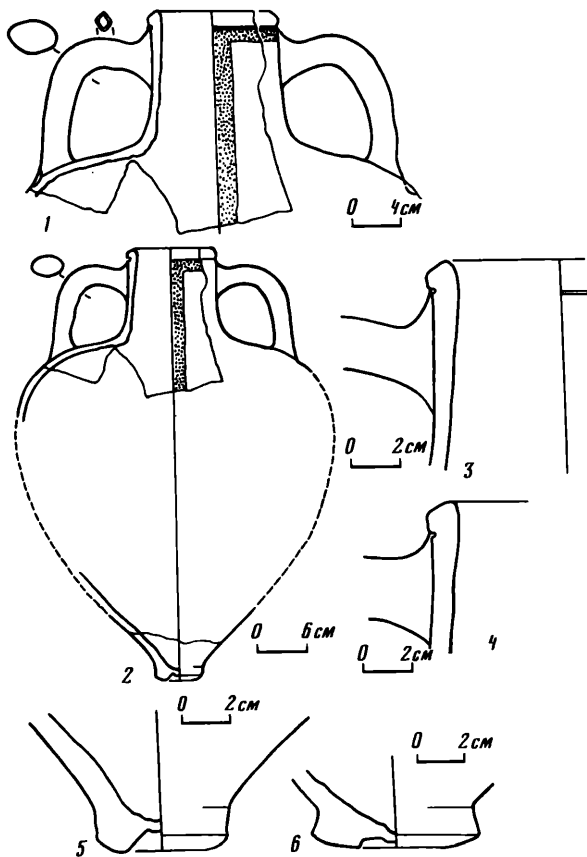
ФРАГМЕНТЫ АМФОР ЭГИНЫ (?) ИЗ РАСКОПОК ФАНАГОРИИ

И.Б.Брашинский попытался отождествить обломки одного из типов амфор, встречающиеся в позднеархаических - раннеклассических слоях Ольвии, с продукцией Эгины¹. Основанием для этого послужила находка ручки амфоры с анэпиграфным клеймом, изображающим тип аверса эгинских монет ("морская черепашка"), бытующих с У в. до н.э. вплоть до потери островом независимости в 456 г. По форме, размерам и характеристикам глины клеймения ручка была сопоставлена с найденными в Ольвии фрагментами других сосудов, на основании чего И.Б.Брашинский сумел определить форму верхней части амфор Эгины². Опубликованное клеймо и соответствующие фрагменты автор датирует концом У I - "скорее всего" - первой половиной У в. и связывает находки обломков таких амфор в Северном Причерноморье с торговлей оливковым маслом - хлебом, подкрепляя свою точку зрения данными из Геродота (У I, 147). Первоначально И.Б.Брашинский предполагал, что фрагменты эгинских амфор следует сопоставлять с "ионийскими амфорами с широкими полосами" и "протофасосскими", однако впоследствии отказался от этой точки зрения и усмотрел принципиальное соответствие амфоре, фотография которой была опубликована В.Грейс³.

Важный вывод И.Б.Брашинского не нашел откликов ни в отечественной, ни в зарубежной специальной литературе⁴. Такое молчание, видимо, требует объяснения, поскольку трудно предположить, что одна только Ольвия была центром Северного Причерноморья, связанным торговлей с Эгиной. Возможные причины тому, на мой взгляд, следующие: 1) сравнительная немногочисленность фрагментов этих амфор в керамических комплексах северопричерноморских памятников; 2) относительно узкий хронологический диапазон их ввоза в регион; 3) сравнительно слабое знакомство исследователей с данной группой материала, что усугубляется отсутствием известных целых сосудов.

В задачу настоящей работы входит публикация фрагментов амфор Эгины из раскопок Фанагории⁵, возможно более полное описание фрагментов профильных частей этих сосудов и, тем самым, привлечение внимания исследователей к данной группе материалов, установление хронологии этих амфор, подробная характеристика ножек амфор и примерное реконструирование формы целой амфоры данного центра производства, сравнение предложенной реконструкции с амфорой из колодца Q 12:3 афинской агоры на основе новой публикации, в которой приводится профильная прорисовка этого сосуда и некоторых других того же типа⁶.

Я располагал (не считая предполагаемых ножек) 36 фрагментами профильных частей и несколькими обломками стенок. Почти все они (исключая пять) происходят из

Р и с. 1. Фрагменты амфор Эгины (?) (1, 3-6) и реконструкция целой формы (2).

мощной субструкции 135, на которой был воздвигнут каменный фундамент "храма в антах" V в. до н.э., исследованной в 1969-1972 гг. М.М.Кобылиной⁷. Под субструкцией на материке прослежены были остатки сгоревших деревянных построек, которые автор раскопок датирует концом VI в. до н.э.

Описание фрагментов эгинских амфор. Глина эгинских амфор коричневая, довольно тонкая ("пачкающаяся"), слюдинистая, содержит мелкие известняковые включения. Поверхность обычно более темная, ангобированная глиной того же цвета, что и само изделие, но нередко сосуды покрывались светло-оливковым ангобом.

Морфология венцов очень характерна: в сечении они трапециевидные, вертикально стоящие, верхняя грань заметно скошена наружу (вниз), иногда несколько округлена. Венчик всегда "подрезан" четким глубоким желобком подпрямоугольного сечения и почти не выступает за толщину черепка горла (рис. 1, 3, 4). Горло амфор короткое (около 105 мм), в верхней части вертикальное, ниже - примерно с середины - плавно расширяющееся и переходящее в очень пологие сравнительно широкие и округлые плечи (диаметр не менее 350-360 мм). Ручки невысокие, довольно массивные, в сечении - овальные, изгиб их плавный, на нижнем прилепе всегда паль-

цевое вдавление. На многих ручках имеется ромбовидный (иногда почти квадратный) оттиск (II, 18 и 15 мм), который поставлен сверху около перегиба (рис. I, I).

На некоторых фрагментах прослежены остатки декора, выполненного рыхлой красной краской: горизонтальные пояски под венцом и широкие вертикальные, идущие от горизонтальных по горлу между ручек и по плечу. Имелся ли горизонтальный пояс по тулову не известно.

Не может быть сомнений, что эгинские амфоры были сравнительно невысоки, с туловом округлой (пифоидной или сферидной) формы. Можно предположить, что ножка была низкой, вероятно, в виде поддона. К сожалению, И.Б.Зеест, выделявшая описательную группу "полых доньев"⁸, не приводит в своей работе описания глины этих изделий. Формально же в данный разряд можно зачислить ножки сосудов различных по цвету, структуре и составу глиняного теста.

В нашей коллекции II ножек амфор, по глине, наличию у некоторых светлого ангоба, по хронологии и общим априорным представлениям о форме "соответствующих" ножкам амфор Эгины, причем они подразделяются на два-три варианта. Одна из ножек первого варианта происходит из субструкции I35 (1972 г., оп. № 703), второй вариант представляет ножка, по-видимому, из той же субструкции (1972 г., оп. № 674, см. ссылку 7). Первая из описываемых ножек (рис. I, 5) — это очень низкий, неширокий, слабо суженный книзу поддон, имеющий неглубокую трапециевидную в сечении выемку и резко расширенную нижнюю часть тулова, указывающую на широкую округлую форму вместилища. Толщина дна при солидной мощности стенок составляет всего 3—4 мм. Вторая ножка (рис. I, 6) — в виде низкого поддона с тонким дном, несколько расширенным книзу: профилировка выемки у нее усложнена маленьким округлым выступом в центре (с внутренней стороны дна соответственно небольшое углубление).

Среди амфорных находок из субструкций были обломки горл эгинских, две (одна) описанные ножки и фрагменты хиосских "раннепухлогорлых". Стратиграфически субструкция датируется от конца VI в. до н.э. Кроме фрагментов хиосских, "расписанных поясами красной и черной краски, иногда по белому фону..." здесь были найдены "... фрагменты архаических киликов, чаш и хиосских кубков"⁹. Некоторые обломки горл хиосских амфор имели нерегулярную окраску красной охрой под венцом и верхнему корню ручек. Ни один из них не имел следов окраски плотной лакообразной краской по традиционной схеме (венца и вертикальных полосок по ручкам), характерной для наиболее ранней разновидности "раннепухлогорлых", датируемых обычно до 480 г. до н.э. Венчики анализируемых мною сосудов представляют собой довольно массивный округлый валик, что свойственно для амфор, датируемых примерно до 460 г.¹⁰, когда в употребление входят амфоры заметно более стройных пропорций с несколько вытянутыми по горизонтали венчиками (сверху — уплощенная площадка, развившаяся у хиосских амфор третьей четверти V в.).

Нижнюю дату комплекса — на основании упоминания М.М.Кобылиной фрагментов амфор, декорированных полосками по светлому фону — можно определить не ранее, чем концом VI в. до н.э.

Для выяснения времени торговых сношений Эгины с фанагорией важны находки единичных фрагментов на раскопе "Южный город". Заселение греками данной части городища начинается с 480-х гг. до н.э., притом сооружения и следы жизнедеятельности периода, начавшегося с указанной даты и до 460/450 гг. сравнительно немногочисленны и занимают указанную площадь не сплошь (только с середины столетия происходит сплошная застройка данного района). Число вещей, которые можно датировать ранее 480 г., незначительно, при этом некоторые из них связаны так

или иначе с открытыми здесь погребальными сооружениями некрополя конца VI — начала V в. до н.э. Совершенно очевидно хронологическое расхождение массового керамического комплекса вещей с "Южного города", связанного с I-м строительным горизонтом, и материалов архаического Торика, которые в основном датируются примерно до 480 г. до н.э.^{I1} Однако между временем "запустения" Торика и началом заселения "Южного города" Фанагории нет сколько-нибудь заметного разрыва. Синхронных амфорных находок, правда, очень мало. Так ионийской тары "с широкими полосами" (поздний тип), которую П.Дюпон идентифицирует с продукцией Клазомен^{I2}, — найден единственный фрагмент (на участке, примыкающем к позднеархаическому погребению (объект 464) с тризной). Очень мало зафиксировано находок фрагментов амфор со "стаканообразными доньями"^{I3}, датируемых около 520—480 гг. до н.э.^{I4} Немногочисленны также фрагменты тех типов "протофасосских" и самосских, которые могут быть датированы ранее второй четверти V в. (более поздние разновидности этой тары обычны в материалах I-го строительного горизонта).

Четыре фрагмента эгинских амфор (пятый депаспартизован) найдены на двух участках (I+3) в слое, датируемом не позднее второй четверти V в. Вместе с ними были находки, датируемые несколько ранее 480 г. до н.э., а основная масса керамики укладывается в рамках 490/480—460 гг., что и определяет наиболее вероятное время бытования эгинской тары в Фанагории. Это вполне согласуется с датировкой фрагментов этих амфор по комплексу субструкции I35.

Таким образом, датировка, предложенная И.Б.Брашинским, находит подтверждение в материалах Фанагории.

В заключение необходимо проверить предположение И.Б.Брашинского о соответствии фрагментов эгинских амфор из Ольвии целому сосуду из комплекса афинской агоры, на основании новой его публикации^{I5}. Эта амфора (Р 24892), высотой 535 мм, диаметром 388 мм, по описанию глины и по форме соответствует в общих чертах предложенной выше реконструкции (рис. I, 2): тулово небольшое, но очень широкое, пифоидное, горло короткое, как и ручка с характерным плавным изгибом. К сожалению, с совершенной уверенностью идентифицировать венец, выделенный желобком, по прорисовке, выполненной в масштабе 1:10 невозможно. Он выглядит в разрезе подтреугольным, уплощенным сверху (верхняя образующая слабо скошена наружу). Ножка — в виде низкого, узкого поддона ("полое дно") совершенно аналогична ножке из субструкции I35. Помимо этой амфоры, в комплексе Q I2:3 найдено было еще несколько сосудов, аналогичных ей: Р 24888, Р 24891 (имеет "бледный ангоб"), Р 24890^{I6}. Несколько амфор имеют сходную форму и отличаются только мелкими деталями и размерами^{I7}. Последние являют значительное сходство со вторым вариантом ножек из Фанагории. Как уже говорилось, этот комплекс датируется 520—480 гг. до н.э. по многочисленным находкам краснофигурных и чернофигурных сосудов, остраре и по стратиграфии (связывается с греко-персидскими войнами).

Предложенная И.Б.Брашинским аналогия имеет ряд сходств со сравниваемыми образцами: форма тулова (в общих чертах), форма и переменность ножек (?), характер постановки и размеры ручек с обычными пальцевыми вдавлениями у нижнего их корня, глина (по описанию), светлый ангоб (у некоторых изделий), желобок под венцом. В то же время наблюдается отличие в форме венчика (т.е. именно той детали, которая послужила отправным моментом идентификации и реконструкции), что заставляет признать, что аналогия не бесспорна, то есть тождественность сравниваемых образцов пока признать невозможно.

- 1 Брашинский И.Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. 1963. Вып.95. С.20-24.
- 2 Если такое сопоставление особых сомнений не вызывает (ввиду характерности ручек рассматриваемых амфор), то локализация, несмотря на бесспорность аналогии клейму в монетных типах Эгины, не может считаться бесспорной, поскольку такое клеймо по сей день остается уникальным. Это обстоятельство тем более значительно, поскольку, если рассматривать данную эмблему на ручке амфоры в качестве "говорящей эмблемы", то это не вполне согласуется с "государственным" характером клеймения; что не отрицает само по себе (ср. спорадичность клеймения амфор Хиоса) гипотезы И.Б.Брашинского, но снижает ее доказательность.
- 3 Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли: (На примере Северного Причерноморья). Л., 1984. С.41, 42. Сн. 73 и 75; Grasse V.R. *Amphoras and ancient wine trade* // *Picture Book*. Princeton, 1961. - Idem. Rev. ed. 1979. N 6, fig. 35 (вторая амфора слева на заднем плане).
- 4 Если не принимать в расчет сведений об эгинских амфорах, приведенных в кн. Лейпунская Н.А. "Керамическая тара из Ольвии: (Из опыта изучения амфор VI-VII вв. до н.э.)". Киев, 1981. С.59,60, рис.8, поскольку ее сведения не вносят ничего нового по отношению к выводам И.Б.Брашинского.
- 5 Основу коллекции составили находки из раскопок М.М.Кобылиной ("Центральный раскоп") и В.С.Долгорукова ("Верхний город", "Южный город"). Автор выражает сердечную благодарность руководителям раскопок за предоставление материалов в его распоряжение.
- 6 Roberts S.R. *The Stoa Gutter Well, a Late Archaic Deposit in the Athenian Agora* // *Hesperia*. 1986. Vol. 55, N 1. P. 1-74, pl. 1-19.
- 7 Кобылина М.М. Страницы ранней истории Фанагории // ВДИ. 1983. № 2. С.51-54. Здесь М.М.Кобылина в числе находок приводит иллюстрации фрагментов эгинских амфор (С.54, рис.3, 1,5,6). Некоторые из имеющихся в моем распоряжении фрагменты не имеют в шифре указания "субструкция", хотя происходят с того же уровня и площади, что и она (инвентарные номера полевой описи близки). По-видимому, они (или их часть) непосредственно относятся к I35 объекту, но были извлечены прежде, чем определился характер последнего (имеющего первоначальное наименование "вымостка").
- 8 Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. Табл. I, 4а-в.
- 9 Кобылина М.М. Указ.соч. С.52.
- 10 Voultier C. *Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora* // *Hesperia*. Princeton (N.J.), 1953. Vol. 22, N 2. Cat. N 150, pl. 39.
- 11 Онайко Н.О. Архаический Торик: античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- 12 Зеест И.Б. Указ.соч. С.138. Табл. II, 6в; Dupont P. *Amphores commerciales archaïques de la Grèce de l'Est* // *La parola del passato*. 1982. Vol. 204-207. P. 195, fig. IV.
- 13 Зеест И.Б. Указ.соч. С.74. Табл. III, 9А.
- 14 По контексту уже упомянутого комплекса Q12:3 - см.: Clinkenbeard B.G. *Lesbian Wine and Storage Amphoras: A progress report on identification* // *Hesperia*. 1982. Vol. 51, N 2. Cat. 4. См. также новую полную публикацию комплекса из колодца: Roberts S.R. *Op. cit.* P. 63. Cat. N 408-411.
- 15 Roberts S.R. *Op. cit.* P. 68, fig. 43.
- 16 *Ibid.* P. 69, fig. 43.
- 17 *Ibid.* P. 68, Fig. 43 (p. 69); N 423, 429; P. 70, Fig. 44: N 432.

В 1988 г. при раскопках усадьбы на наделе № 57 херсонесской хоры, которые проводит на Маячном полуострове у бухты Соленой Херсонесская экспедиция ИА АН СССР, было обнаружено клеймо на ручке амфоры. Надпись ретроградная: АМА[Σ]/ ΤΡΙΟ[Σ] (рис.1). Совершенно очевидно, что принадлежит клеймо южнопричерноморскому городу Амастрии, расположенному на побережье Пафлагонии. Оно поставлено на верхнюю часть овальной в сечении ручки, где начинается ее изгиб. Амфора с этим клеймом была изготовлена из коричневой глины с белыми и темными включениями, что близко напоминает глину гераклейских амфор и черепиц. Ручка обнаружена на полу помещения № I вместе с материалами III в. до н.э. (Коллекционная опись № 4). Означенная находка имеет большой научный интерес, поскольку подобные клейма довольно редки, а в Херсонесе Таврическом и его ближайшей округе это вообще первое амастрийское клеймо на амфорной таре.

Несмотря на то, что клейма Амастрии известны сравнительно давно¹, их изучение началось лишь в самое последнее время. А.Н.Щеглов, собрав сведения о всех находках фрагментов амастрийской амфорной тары, выделил два типа амфор этого центра. Первый тип реконструирован на основании находки части тулова с ручкой и венчиком и ножки на поселении Панское I (усадьба 6) на Тарханкутском п-ове в Северо-Западном Крыму. Для него характерны синопские традиции производства тары: глина, близкая амфорам Синопы с клеймами III группы Б.Н.Гракова, а также форма горла и тулова. Второй тип восстановлен по фрагменту тулова амфоры, найденному на некрополе у д.Заозерное близ городища Чайка также в Северо-Западном Крыму. Этот тип повторяет тип IУ гераклейских амфор по И.Б.Зеест, в том числе и по анализу глины, а также группу III-IIIА псевдо-фасосских амфор по И.Б.Брашинскому. Что касается клейм, то они в основном энглифические на горлах, что совпадает по характеру клеймения с Гераклеей Понтийской, соседним с Амастрией полисом. Другой тип клейм, встречающийся реже, помещался на ручке и имел, как правило, зеркальное отражение и рельефное написание букв, за исключением находок в Пантикапее и Кара-Тобе, где клейма на ручках вдавлены. А.Н.Щеглов датирует время клеймения амастрийских амфор первой четвертью III в. до н.э., точнее 300-285/284 гг. до н.э. Выделяя синопские и гераклейские черты в производстве амфорной тары в Амастрии, Щеглов отмечает влияние этих центров и на характер клеймения. Рельефные клейма на ручках соответствовали III группе астинных клейм Синопы по Б.Н.Гракову, а энглифические клейма, одновременные последним, связаны с клеймами Гераклеи Понтийской IУ группы Брашинского². В другой работе, написанной совместно с В.И.Кацем и В.И.Павленковым, А.Н.Щеглов уточнил типологию амфорных клейм Амастрии. Из известных в настоящее время 16 клейм на горлах и ручках выделено 4 штампа (типа) клейм: 1) легенда АМАСТ / ΡΙΟΣ - лист плюща, энглифическое, на горлах и ручках (рис.1,2,3); 2) легенда АΜΑΣ/ΤΡΙΟΣ, энглифическое, на ручке (Кара-Тобе) (рис.1,4); 3) легенда АΜΑΣ/ΤΡΙΟΣ, рельефное, ретроградное, на ручках (рис.1,5); 4) нечитаемое (усадьба Маяк, раскопки А.Б.Колесникова) (рис.1,6)³. Клеймо, обнаруженное на усадьбе у бухты Соленой на Маячном п-ове, соответствует третьему типу амастрийских клейм, выделенных А.Н.Щегловым, В.И.Кацем и В.И.Павленковым.

Работа над уточнением и классификацией керамических клейм Амастрии только началась, поэтому уместно сделать ряд поправок, замечаний и дополнений к предложенной схеме амастрийского клеймения. А.Н.Щеглов, В.И.Кац и В.И.Павленков справедливо указывали, что верхней хронологической границей клеймения является 301/300 г. 7.Зак.1639

1

2

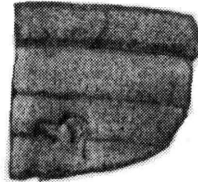
3

4

5

6

Р и с. I. Клейма Амастрии

1 - рельефное клеймо на ручке из усадьбы 57 у бухты Соленой (тип III); 2 - англифическое клеймо на ручке (тип I); 3 - англифическое клеймо на горле. Панское I (тип I); 4 - англифическое клеймо на ручке. Кара-Тобе (тип II); 5 - рельефное клеймо на ручке (тип III); 6 - клеймо из усадьбы Маяк (тип IV). Типы I-IV даны по А.Н.Щеглову

до н.э., когда Амастрия, дочь Оксатра и племянница царя Дария III Кодоманна (Ры.-Скутн., 962; Диод., IX, 109), выселилась из Гераклеи и основала новый город Амастрию путем синойкизма милетских и синопских колоний Тия, Сезама, Кромны и Китора (Ры.-Скутн., 958-967; Anon. Per., 15-16; Strabo XII, 3, 10; Memn., IV, 10)⁴.

Однако, утверждение о том, что выпуск Амастрией амфорной тары и ее клеймение осуществлялись только в течение 15 лет до 285/4 г. до н.э., весьма спорно. Во-первых, сомнительно, чтобы в столь узкий промежуток город мог выпускать амфоры как по синопскому, так и по гераклейскому образцам, а тем более клеймить их одновременно так, как это было принято и в Синопе и в Гераклее. Кажется невероятным, что полис Амастрия, который не чеканил даже своей монеты в период подчинения Гераклее (известные монеты с легендой ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΑΜΑΣΤΡΙΟΥ принадлежат царице Амастрии,

а не полису), осуществлял клеймение и выпуск тары независимо от Гераклеи. Скорее всего для периода клеймения и производства тары по образцу Гераклеи и Синопы до ны быть выделены два самостоятельных отрезка времени уже после окончания клеймения в Гераклее Понтийской. Во-вторых, кажется весьма шатким основным постулат А.И.Щеглова о том, что, поскольку означенные амфоры изготовлялись в Амастрии в эргастериях, принадлежавших самой царице, то клейма обозначали не магистратскую должность или название города, а служили указанием царской собственности на керамические мастерские⁵. Этому противоречит эмблема — лист плюща — на одном из типов клейм Амастрии. В керамической эпиграфике вообще, а в Синопе и Гераклее в частности, эмблема всегда являлась обозначением магистратского клеймения⁶. Вот почему в Амастрии, где отчетливо видны традиции клеймения как Гераклеи, так и Синопы, эмблематика вряд ли имела место, если бы клеймо служило обозначением царской эргастерии. В других центрах, где керамическое производство находилось под контролем царской власти, например, на Боспоре при Спартокидах и Аспурге, мы никогда не найдем царское имя владельца в соединении с эмблемой⁷. В лучшем случае это будет царский или родовой герб без указания имени государя-владельца⁸. Так что присутствие в клейме эмблемы противоречит выводу об амастрийских клеймах как свидетельствах царского клеймения в мастерских, принадлежавших самой Амастрии, бывшей супруге Кратера и Лисимаха, вдовы гераклейского тирана Диониси. Ссылка первоиздателей на монеты города Амастрии, выпущенные при жизни царицы с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΣΗΣ ΑΜΑΣΤΡΙΟΥΣ также не может служить надежным доказательством надписи в клеймах как родительного падежа, означающего принадлежность тары царскому производству. Ведь если опять отталкиваться от параллельного материала со Спартокидовского Боспора, то там засвидетельствованы царские клейма на черепце с титулом царей — владельцев черепичных эргастериев. Если бы интересующие нас клейма являлись обозначением царского завода и ставились на выпускаемую тару при жизни его владелицы, то мы вправе были бы ожидать присутствия в клейме титула Амастрии ΒΑΣΙΛΙΣΣΑ, как это засвидетельствовано на монетах, на которые ссылаются издатель и его коллеги. Тем более, что на Боспоре клейма с именами отдельных представителей правящей династии без указания титулатуры ставились на черепицу, вероятно, тогда, когда владельцы мастерских не являлись царями, а носили либо титулы архонтов и были соправителями отцов и старших братьев, либо вообще не занимали никакого государственного положения, будучи просто родственниками царствующих особ. Поскольку в клеймах Амастрии вообще титула нет, то можно предполагать более длительный период клеймения амфор, не связанный непременно с годами жизни основательницы города.

Город Амастрия входил в состав Гераклейского государства с момента основания в 301/300 г. до н.э. до 285/4 г. до н.э., когда после убийства царицы Амастрии сыновьями он стал независимым от Гераклеи Понтийской, но подчинялся Лисимаху. Тогда же из состава Амастрии выделился Тий, ставший также самостоятельным⁹. Независимость Амастрии продолжалась с 281 г. до н.э. до конца 60-х — начала 50-х годов III в. до н.э., когда она стала владением царей Понтийского государства. Эта дата вычисляется на основании серии серебряных монет города с изображением божественной Амастрии в шлеме Митры с восьмиконечной звездой, перехваченной лавровым венком, сидящей богини с Никой в руке, легендой ΑΜΑΣΤΡΙΕΩΝ и монограммами монетных чиновников, совпадающих с монограммами на монетах Амиаса и первых царей Понта. До этого город чеканил такую же серию монет, но без монограмм и восьмиконечной звезды на шлеме царицы, что говорит о его самостоятельности до времени правления понтийского царя Ариобарзана, которому был передан

город¹⁰ (Меш., XVI). Перечисленные хронологические веки могут быть критерием для датировки клейм Амастрии.

Совершенно естественно, что амфорная тара города, изготовленная по типу гераклейской и с применением гераклейской же глины (II тип по А.Н.Щеглову), могла быть выпущена в то время, когда Амастрия подчинялась Гераклее Понтийской. Это период 301/300 – 285/4 годов до н.э., когда правила царица Амастрия, или 285/4 – 281 годов до н.э., когда город, формально независимый от Гераклеи, подчинялся вместе с последней наместникам Лисимаха. Поскольку выпуск и клеймение тары в Амастрии при жизни царицы мы исключили выше, то к этому последнему периоду и следует отнести изготовление в Амастрии амфор по типу гераклейских из тех запасов глины, которые поступили в эргастерии города еще в тот период, когда он входил в состав Гераклеитиды. Начало клеймения и выпуска амфор в Амастрии стали возможными только после 285 г. до н.э., когда город получил полисные привилегии и право выпуска своей монеты с легендой ΑΜΑΣΤΡΙΕΩΝ. Однако тип клейма не имел ничего общего с гераклейским и приближался к синопскому, как отиснутый ретроградно и в рельефной форме. Следовательно, штемпель 3 по А.Н.Щеглову (клейма из усадьбы № 57 у бухты Соленой, Елизаветовского городища и Керчи) должен датироваться 285/4 – 281/280 г. до н.э. К этому же времени относится и начало английического клеймения на ручках по первому варианту без листа плюща (клеймо из Кара-Тобе). Чуть позже, но, вероятно, ближе к концу 280-х годов до н.э. появляются и английические клейма второго варианта на ручках с лунарной сигмой и листом плюща (Керчь). Означенная датировка подтверждается тем, что к этому времени в Гераклее Понтийской прекращается клеймение штемпелями с полными именами владельцев и магистратов, в которых лунарная сигма не засвидетельствована¹¹.

На рубеже 80-х – 70-х годов III в. до н.э. Амастрия становится самостоятельной. В это время изменяется характер ее амфорной тары, которая изготавливается теперь из глины и по типам синопских амфор. Однако, клеймение сохраняет традиции керамической эпиграфики Гераклеи. Вслед за вторым вариантом вдавленных клейм на ручках с листом плюща и лунарной сигмой или одновременно с ними появляются английические клейма на горлах с такими же признаками. Это заставляет датировать штемпель I по А.Н.Щеглову (клейма на горлах) рубежом 80–70-х годов III в. до н.э. Означенная датировка подтверждается тем, что в настоящее время III группа синопских клейм Б.Н.Гракова, согласно поправкам И.Б.Брашинского, датируется приблизительно 270–233 гг. до н.э.¹², а амастрийские амфоры II типа и соответствующие им клейма совпадают, по А.Н.Щеглову, с указанной группой. Окончание клеймения и, возможно, выпуска в Амастрии керамической тары вообще предположительно можно датировать концом 60-х годов III в. до н.э., когда она вошла в состав Понтийского царства. За это как будто говорит прекращение в это время в Амастрии чеканки монет, которая возобновилась только в начале II в. до н.э. при Митридате III или его сыне Фарнаке I, но уже под контролем царей¹³.

Таким образом, диапазон амастрийского керамического клеймения укладывается приблизительно в 20–30 лет (285/4–266/255 гг.), что более вероятно, чем 15 лет по Щеглову, учитывая те особенности в морфологии амфор и типологии клейм, о которых говорилось выше.

Что касается легенды ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ, то можно предложить следующее объяснение. На одной из серий монет Лисимаха, в супружеских отношениях с которым одно время состояла Амастрия, встречается ее портрет во фригийской тиаре. А.Мамрот, исследовавший этот тип монет, предположил, что они были выпущены Ли-

симахом после смерти Амастрии в память о ней и в связи с тем, что она была обожествлена жителями основанного ею города¹⁴. Этот вывод подтверждается тем, что после смерти царицы в обращение поступили полисные монеты Амастрии с ее изображением в виде божественной покровительницы города и граждан. На аверсе монет Амастрия представлена в образе богини или нимфы-охранительницы¹⁵. Существует также мнение, что Амастрия запечатлена на монете в виде амазонки, одной из женщин-воительниц, миф о которых был очень популярен в Пафлагонии и Понтийской Каппадокии¹⁶. На обожествленный образ царицы указывают ее головной убор в виде митры или фригийской тиары, а также, что особенно важно, лавровый венок. В этом отношении нельзя не сопоставить изображение листа плюща на одной из групп керамических клейм Амастрии и венка на голове обожествленной царицы. Это позволяет прийти к заключению, что образ Амастрии воспринимался как символ города, как городской *παρόστρεφ*, наподобие палицы Геракла на монетах и клеймах Гераклеи Понтийской или самого изображения героя на ее же монетах. Поэтому в легенде *ΑΜΑΣΤΡΙΟΣ* нашло отражение не указание на царскую собственность, а название города как символ обожествленной правительницы, которая в качестве почетного магистрата удостоверяла своей властью доброкачественность продукции и государственный стандарт означенной тары. На это указывает лист плюща в клеймах Амастрии и отсутствие ее титулатуры. Надо заметить, что название города-государства в керамической эпиграфике факт не такой уж редкий. Достаточно вспомнить клеймение Фасоса, Пароса, Книда и других центров.

Наибольшая концентрация клейм Амастрии и фрагментов ее амфор наблюдается на хоре Херсонесского государства, в частности, в Северо-Западной Тавриде и на Гераклеийском п-ове. Этот факт не случаен, поскольку он отражает общий характер связей Херсонеса с Гераклеей Понтийской и подвластной ей областью. Гераклеийский импорт в Херсонес наибольшей своей интенсивности достиг в первой половине IV в. до н.э., а во второй половине столетия значительно сократился. Почти полное его прекращение наступило в начале III в. до н.э. Это связано с политикой последних гераклеийских тиранов, ориентировавшихся на Лисимаха и способствовавших экономическому и социальному кризису в Гераклее¹⁷. Последнее обстоятельство повлекло и нарушение традиционных отношений с Херсонесом Таврическим¹⁸. Поскольку основание Амастрии стало в некотором роде средством выхода из кризиса и политическим шагом Амастрии, вдовы тирана Дионисия – сторонника связей Гераклеи с северным побережьем Понта, к разрыву с прежней губительной для города политикой тиранов, то это не могло не сказаться на установлении более тесных контактов с Херсонесом. Действительно, еще до основания Амастрии один из городков, вошедших в ее состав, – Кромны имел связи с Северо-Западной Тавридой. Об этом свидетельствует находка в Керкинитиде автономной монеты Кромны IV в. до н.э.¹⁹, насколько известно, единственной в Северном Причерноморье. Торговцы Амастрии воспользовались тем вакуумом, который образовался в результате резкого сокращения импорта в эти районы Гераклеи Понтийской. Херсонес же был заинтересован в связях с Амастрией, поскольку это позволяло ему сделать шаг к восстановлению торговли с его бывшей метрополией. Это и произошло, когда после свержения власти македонян Гераклея и Амастрия стали налаживать прежние отношения с Херсонесом²⁰. К этому времени относится начало распространения в Херсонесе и на его хоре амастрийской керамики.

Тесные контакты Амастрии и Херсонеса, уходящие корнями в эпоху раннего эллинизма, не прерывались и в дальнейшем. В фондах Государственного Херсонесского

музея хранятся три медные монеты Амастрии квазиавтономного чекана митридатовской эпохи, из которых две имеют тип Арес – меч, а одна тип Зевс – орел на молнии (инв. №№ 4758, 6735, 4678). Датируются они в пределах III–90 гг. до н.э.²¹ Там же хранятся три медные монеты Амастрии типа: Голова Тухе в башенной короне – венок (инв. №№ 3699, 4907, 12139), датируемые 64–62 гг. до н.э., когда город входил в состав провинции Вифиния–Понт²². Все монеты обнаружены в Херсонесе и свидетельствуют, что связи с Амастрией были довольно интенсивными. В Херсонесе известны также амастрийские монеты императорского провинциального чекана II – III вв. н.э.²³ Во II в. н.э. город предоставил проксению амастрийцу Фарнаку, сыну Фарнака (IРL, I², 358), а также стал местом жительства некоторых выходцев из Амастрии, погребальные надписи которых сохранились (IPE I², 542, 543). По всей вероятности, прочные и устойчивые связи с Амастрией были результатом тесных контактов Херсонеса Таврического с Южным Причерноморьем и его метрополией Гераклеей Понтийской, поскольку она являлась в некотором отношении родоначальницей полиса Амастрии.

Таким образом, публикуемое клеймо из раскопок херсонесской сельской усадьбы – новый важный штрих в отношениях Амастрии и Херсонеса, которые были установлены в конце 80 – начале 70–х годов III в. до н.э. и поддерживались в течение долгого времени.

I Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. С.109, № 169, 170; Зеест И.Б. Керамическая тара Елизаветинского городища и его курганного некрополя // МИА. 1951. № 19. С.120; Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С.46, 201 № 781.

2 Ščeglov A.N. Les amphores timbrées d'Amastris: Recherches sur les amphores grecques // BCH. Suppl. P., 1986. Vol. 13. P. 365–373.

3 Kats V.I., Pavlenkov V.I., Shcheglov A.N. Stamped Pottery of Amastris // Archaeologia. Vol. 40.

4 Jones A.H.M. The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 150.

5 Ščeglov A.N. Op. cit. P. 372.

6 Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929. С.81; Брашинский И.Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской // ИЭ. 1965. Вып.5. С.21; на фасосе эмблемы ставили как эпонимы, так и гончары. См.: Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // ИЭ. 1972. Вып.10. С.38.

7 Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора: Из истории Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып.104. С.298–315; Цветаева Г.А. Кирпичи с тамгой из Горгиппии // КСИА. 1975. Вып.143. С.100.

8 Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. С.58, 68; Онайко Н.А. Раскопки античного поселения у с.Владимировки // АО 1977 г. м., 1978. С.135.

9 В 278 г. до н.э. Тий был уже независимым полисом (Memn., XIX, 2), но вскоре попал под власть Вифинии, а затем Гераклеи Понтийской (Memn., XVI; XVII). См.: Jones A.H.M. Op. cit. P. 151.

10 McGing B. The foreign policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 180. О монетах см.: Waddington W., Babalon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure. P., 1925. T. 1, fasc. 12. P. 172–174, pl. XVIII, 1–3, 4–7; Suppl. N 7, 8.

11 Брашинский И.Б. Керамические клейма... С.26, 27; Василенко Б.А. О характере клеймения гераклеийских амфор в первой половине IV в. до н.э. // ИЭ. 1974. Вып.11. С.6, 7. См. также: Зеест И.Б. указ.соч.С.120.

- 12 Брашинский И.Б. Успехи керамической эпиграфики // СА. 1961. № 2. С. 301, 302; Он же. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н.э. // Античный город. М., 1963. С.133. См. также: Цехмистренко В.И. К вопросу о периодизации синопских керамических клейм // СА. 1958. № I. С.68.
- 13 Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. P. 174, pl. XVIII, 8—10.
- 14 Mamroth A. Ein Bildnis der Königin Amastris auf Münzen des Lysimachos // Berliner numism. Ztschr. 1949. N 3/4. S. 85.
- 15 Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. P. 173; Mamroth A. Op. cit. S. 84—86.
- 16 Head B.V. Historia Nummorum. Oxford, 1911. P. 505; Mamroth A. Op. cit. S. 84.
- 17 Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley; Los Angeles, 1976. P. 81—85.
- 18 Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. II9, I20.
- 19 Наливкина М.А. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С.193.
- 20 Сапрыкин С.Ю. Указ.соч. С.167—170.
- 21 Гилевич А.М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса // ИИФ. 1968. Вып. III. С.19; Imhoof-Blumer F. Kupferprägung des Mithridatischen Reiches // NZ. 1912. Bd. 45. S. 169.
- 22 Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. P. 176.
- 23 Гилевич А.М. Указ.соч. С.20.

Г.Р.Щецкладзе

КЛЕЙМО ДИОСКУРИАДЫ ИЗ НИМФЕЯ

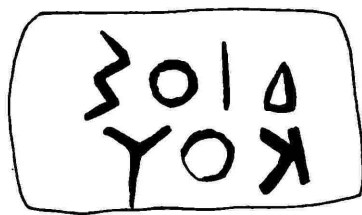
В 1972 г. при раскопках Нимфея было найдено клеймо на ручке коричневоглиняной колхидской амфоры. На нем рельефно выступает зеркальный отпечаток двухстрочной надписи ΔΙΟΣ/ΚΟΥ (рис. I)¹, являющейся, по всей вероятности, сокращенным названием города Диоскуриады². Впервые клейма Диоскуриады были обнаружены недалеко от Сухуми в материалах, происходящих из комплекса гвандрской печи³. Из 16 ручек колхидских амфор, найденных в печи, клейма были нанесены на девяти. Все штампы практически одинаковы. Фрагмент ручки амфоры с таким же клеймом происходит из слоя эллинистического времени Эшерского городища⁴. Клейма ретроградные.

Г.К.Шамба датирует комплекс из гвандрской печи IV в. до н.э.⁵, М.И.Трапш и Ю.П.Воронов относят его к III в. до н.э.⁶ Следует отметить, что интересующие нас клейма не могут быть датированы позднее III в. до н.э., так как амфоры из гвандрской печи не имеют перехвата по середине тулова. Перехват у колхидских амфор появляется со II в. до н.э., а в IV—III вв. до н.э. они изготавливались по образцам синопских амфор второй половины IV — III в. до н.э.⁷ Вместе с клеймом Диоскуриады в Нимфее найдены фрагмент клейма фасосской амфоры с изображением плющевого венка⁸ и медная монета Пантикапея (инв. № н.ф. 72.856) 300—250 гг. до н.э.⁹ Следовательно клейма Диоскуриады нужно датировать первой половиной III в. до н.э.

В литературе неоднократно отмечалось, что наличие на клеймах амфорных ручек названия города Диоскуриады должно указать на государственный контроль над эрга-

Р и с. 1. Клеймо Диоскуриады из Нимфея

Р и с. 2. Клеймо Диоскуриады из Нимфея (прорись)

сторием, где изготавливались эти амфоры¹⁰. Тот факт, что все известные клейма Диоскуриады аналогичны по нашему мнению, может указывать на одну партию амфор и на то, что клеймение тары городом Диоскуриадой продолжалось относительно короткий отрезок времени. Клейма наносили только в гвандрской мастерской, амфоры же из других печей окрестностей Диоскуриады (красномаячковой, гульрипшской) не имеют клейм — на них встречаются только знаки гончаров¹¹.

Интересен вопрос об этнической принадлежности мастеров из Гвандры. Отличительной особенностью колхидских амфор является наличие завитка на внутренней стороне ножки, что наблюдается во всем протяжении производства колхидской амфорной тары — с IV в. до н.э. до раннего средневековья¹². Амфоры же гвандрекоей печи не имеют завитка — корпус подобен синопским амфорам, а на подошве ножки имеется выемка, характерная для амфор Хиоса, Фасоса, Менде и Гераклеи. Кухонная и столовая посуда из этой же печи носят исключительно эллинские черты. Все это позволяет предположить, что в этой мастерской работали только греческие мастера. Что касается красномаячковой и гульрипшской печей, то там скорее всего с греческими гончарами работали и местные, так как все амфоры из этих печей имеют завитки на внутренней стороне ножки и среди материалов, обнаруженных в данных печах, встречаются как местные сосуды, так и точно повторяющие формы античных¹³.

Находка клейма Диоскуриады в Нимфее проливает новый свет на колхо-боспорские торговые отношения. Давно известен факт обнаружения колхидских пифосов и монет в Нимфее¹⁴, а из Пичвнарского греческого некрополя происходит серебряный диобол Нимфея последней четверти V в. до н.э. находка клейма Диоскуриады в Нимфее не единственный случай на Боспоре. Три подобных клейма были зафиксированы еще в XIX в. при раскопках Пантикапея¹⁶.

Клеймо Диоскуриады из Нимфея интересно и тем, что дает нам еще один довольно редкий пример клеймения колхидской амфорной тары. На территории Восточного Причерноморья, кроме найденных в окрестностях Сухуми, известны лишь анэпиграфные крестообразные клейма и клейма с другими сюжетами (всадник, лук, стрела и др.) на пифосах и амфорах из Вани и Пичвнари (всего 7 экз.)¹⁷. Только в пределах Боспорского государства можно отметить импорт клеймённой местной тары из Колхиды, хотя колхидские амфоры в последнее время выявлены при раскопках многих памятников Северного Причерноморья.

- 1 Клеймо обнаружено на участке "К", кв. I (шурф), хранится в Э. № 4. 72. 345. Приняшу благодарность Н.Л. Грач за право публикации.
- 2 По мнению И.Б. Брашинского, это этникон ΔΙΟΣΚΟΥ[ΡΙΔΗ]. См.: Брашинский И.Б. Синопа и Колхида // Кавказско-Ближневосточный сборник. Тбилиси, 1973. Т.4. С.186.
- 3 Трапш М.М. Древний Сухуми // Трапш М.М. Труды. Сухуми, 1969. Т.2. С.227, 235; Воронцов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969. С.50. № 85; Он же. К изучению керамического производства Диоскуриады // СА. 1977. № 2. С.164 и сл.; Шамба Г.К. Амфорные клейма Диоскуриады // Изв. Абиялш. Тбилиси, 1976. Вып.5. С.149-157.
- 4 Шамба Г.К. Эшерское городище. Тбилиси, 1980. С.26.
- 5 Шамба Г.К. Амфорные клейма... С.152.
- 6 Трапш М.М. Древний Сухуми. С.235; Воронцов Ю.Н. К изучению... С.164.
- 7 Путуридзе Р.В. Колхидские амфоры из Вани // КСИА. 1977. Вып.151. С.69; Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. Табл.ХІУ, 30в; Воронцов Ю.Н. К изучению... С.164.
- 8 Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Т.10 С.22-25, 61. Табл.У, 5; В.Капарак подобные клейма датирует 350-270 гг. до н.э. См.: Сапарак В. Importul amforelor stampilate la Istria. Вис., 1957. Р. 39, 49. N 29.
- 9 Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. Табл.ХІ, 1,6.
- 10 Шамба Г.К. Амфорные клейма... С.151; Воронцов Ю.Н. К изучению... С.615; Лордкипанидзе Г.А. Колхида в VI-IV вв. до н.э. Тбилиси, 1978. С.43; Tskhadze G.R. Organization of ceramic production in Colchis // Eirene. 1990. N 27.
- 11 Воронцов Ю.Н. К изучению... С.165, 167, рис.3,4.
- 12 Путуридзе Р.В. Указ.соч.
- 13 Воронцов Ю.Н. К изучению... С.164, рис. 2,3,4.
- 14 Скуднова В.М. Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее // ВДИ. 1952. № 2. С.238-242.
- 15 Кахидзе А.Ю. Привозные монеты из могильника Пичвнари // ВДИ. 1974. № 3. С.90 и сл.
- 16 ОАК за 1868 г. СПб., 1870. С.124. № 10; ОАК за 1869 г. СПб., 1871. С.211. № 147; Придик Е.М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. С.111. № 214-216.
- 17 Качаравва Д.Д., Кипиани Г.Г., Лордкипанидзе О.Д., Путуридзе Р.В. Археологические раскопки на верхней террасе Ванского городища (1970-1977 гг.) // Вани. Тбилиси, 1979. Т.4. С. 9,30. № 44; 48, № 7 49; № 90; 137. На гр. яз.; Цецхладзе Г.Р., Иашвили И.А. Фрагмент колхидской амфоры с клеймом из Чолоки // ПЛОЗГ. Тбилиси, 1990. Т.19. На гр. яз. Из Эшерского городища известен фрагмент колхидской амфоры I в. до н.э., на горле которой нанесено клеймо прямоугольной формы с неясными знаками. См.: Шамба Г.К. Эшерское городище. С.25. С. 63.

ТРИ НОВЫХ НАДПИСИ ИЗ ФАНАГОРИИ

В данной статье публикуются два фрагмента надписей из коллекции, собранной М.М.Кобылиной, и один фрагмент из раскопок в Фанагории 1988 г.

1. Фрагмент плиты сероватого с темными прожилками мрамора (рис. I, I), найден случайно в 1974 г. на городище Фанагория в котловане раскопок XIX в. "на большом холме"¹. Толщина мраморной плиты 0,023 м. Фрагмент обломан со всех сторон, однако видно, что это правый край надписи. Максимальная высота обломка - 0,155 м, ширина - 0,128 м. Буквы вырезаны ровно, следов разметочных линий не заметно. Сохранились пять строк надписи. Размеры букв в строках колеблются: высота омикрона от 0,013 до 0,016 м, остальных букв от 0,015 до 0,019. Расстояния между строками от 0,006 до 0,01 м. Восстановление текста предлагаем в следующем виде:

[Βασιλεβοντες βασιλέω] Τιβερίου
 [Γουλλού Σαυρομάτου φί] λοκαλα-
 [ρος καὶ φιλορομαίου, εἰ] σεβαστῶ,
 [ἔτους..τ; μηνὸς 'Απε] λλαίου ἡ'
 -----'Ασκλη] ηκιο[Ϝ?]

Перевод: "В царствование царя Тиберия Юлия Савромата друга цезаря и друга римлян, благочестивого, в год 3.. в месяце Апеллее 8-го... Асклепия (?)"

Поскольку восстанавливается начальный текст надписи, имеется возможность определения количества букв в строчках. В строке (стк.) I их должно быть 28, в 3 - 25 и в 4 - 23. Для определения количества букв в строке 2 (с тем, чтобы восстановить здесь имя боспорского царя) сравним соседние с ней строки. Получается, что в строке 2 должно быть от 28 до 25 букв. Однако, следует отметить гораздо более плотное размещение букв в стк. I, а также то, что последняя буква в этой строке (ипсилон) уже выходит на поля стелы. Свободное размещение букв в стк.2 предполагает меньшее их число по сравнению со стк. I (не более 26). Таким образом, в восстанавливаемом имени царя должно быть 9-10 букв. Этому условию соответствуют только два имени: Савромат и Евпатор (в род.п.).

Надпись выполнена монументальным шрифтом: лямбда и альфа не имеют выступающей наклонной гасты, горизонтальная гаста альфы прямая, омикрон правильной круглой формы, чуть меньше остальных букв, наклонные гасты каппы доходят до ее вертикальной гасты, до предполагаемых линеек строки, пи имеет выступающие концы поперечной гасты, горизонтальные гасты эпсилон равной величины. Украшения букв минимальны - апексы в виде черточек. Характер шрифта позволяет отнести надпись к концу I - первой половине II в. н.э.² и восстановить в ней имя боспорского царя Савромата I (в соответствии с этим временем в стк.4 восстанавливается одна из цифр даты - τ').

Публикуемый фрагмент представляет собой начальную формулу, вероятнее всего, манумиссии и в соответствии с ее структурой после такой начальной формулы следует, как правило, указание на манумиссора или манумиссоров. В стк.5 сохранились три определенно читаемые буквы - πιο (под омикрон имеется случайный скол по краю фрагмента плиты). Перед пи на камне видна вертикальная гаста либо йоты, либо эты, либо ню. Единственно приемлемым для восстановления именем, которое нам удалось найти в надписях Боспора, является 'Ασκληπιῶς. Это имя имеется на надгробии (II в. н.э.), найденном в районе предполагаемого Ахиллия на Фанталовском полуострове³. Вид стк.5 мог быть следующим: [καλλισηνῶα?? γυνή

Р и с. I. Фрагменты надписей из Фанагории

1 - находка 1974 г.; 2 - из колл. М.М. Кобылиной; 3 - находка 1988 г.

'Ασκλη] ηλιο[θ/ εφζημι—]⁴ Однако, не исключено, что публикуемый фрагмент относится к "надписи Фрасов". Но и в таком случае не опровергается правильность восстановления имени в последней строке, поскольку можно предположить следующий вариант чтения отк.5: ἡ σύνθεσις περὶ ἱερέα Ἀσκλη] ηλιό[υ/ τοῦ δεῖνος ---]⁵. Возможны и другие подобные варианты восстановления этой строки.

2. Среди находок из коллекции М.М.Кобылиной имеется фрагмент плиты желтоватого крупнозернистого мрамора (рис. I, 2). Максимальная высота его - 0,119 м, ши

рина - 0,142 м, толщина - 0,044 м. Обратная сторона плиты гладкая. Плита обломана с трех сторон. Сохранился правый ровный край, который имеет закругление грани и небольшой отрицательный уклон к обратной стороне камня. Кроме того, на лицевой стороне имеется вырезанная рамка в виде линии шириной 0,008 м, проведенной параллельно правому краю плиты на расстоянии 0,018 м от него. В надписи сохранилось шесть строк. Буквы вырезаны ровно, следов разметочных линий нет.

Первая строка не поддается восстановлению. Определенно можно говорить лишь о первой справа букве - омикрон, и о третьей букве - сигма. Во второй справа букве можно видеть либо йоту, либо тау, либо ипсилон. Перед сигмой также заметна нижняя часть вертикальной гасты какой-то буквы. Высота омикрон в строках колеблется от 0,009 до 0,013 м, высота таты - 0,013 м, остальных букв - 0,014-0,019 м. Расстояние между строками 0,005-0,006 м.

В целом надпись имеет следующий вид:

					Σ.Ο
				δ δεῖνα Π] ἀπα,	'Αλέ-
	{	ξανθροσ τοῦ δεῖνοσ	-- δ δεῖνα	θῆ] ονε(κ)ου,	
				δ δεῖνα Π] θρου, Α	Λμ-
5	[νακοσ τοῦ δεῖνοσ		Εῦ] τῶχησ	
				σ	Ποπλ(κ)ου

Данный фрагмент представляет собой "список имен". Все имеющиеся здесь имена встречались и ранее в надписях Боспора, однако только имена 'Αλέξανθροσ и πθροσ зафиксированы фанагорийскими надписями⁶. Имя Αμνακοσ встречалось в надписях Танаиса (КБН 1287) и Горгиппии (КБН II79 и II40), в последней дается восстановление имени в форме Αμ[ναγοσ]. Кроме того, в надписи КБН II37 из Горгиппии имеется имя Αμναλοσ, однако такое восстановление имени в нашем случае было бы сомнительным, так как оно зафиксировано в боспорской эпиграфике всего лишь один раз (т.е. относится к разряду редких) и встречается значительно раньше по времени (в первой половине III в. до н.э.). В стк.6 у левого края фрагмента плиты сохранилась вертикальная гаста либо эты, либо йоты (данная буква и следующая за ней сигма являются окончанием какого-то имени в именительном падеже).

Публикуемая надпись существенно пополняет число пока еще не столь значительного фанагорийского антропонимического материала.

Лямбда и альфа имеют выступающую вверх правую наклонную гасту, горизонтальная гаста у альфы прямая, наклонные гасты каппы доходят до ее вертикальной гасты; средняя горизонтальная гаста эpsilon короче крайних; омикрон слегка вытянута по вертикали и меньше остальных букв, особенно в стк.1 и 6; горизонтальная черта таты не доходит до окружности; пи имеет выступающие концы поперечной гасты. В стк.3 ню и эpsilon написаны в лигатуре. Характер шрифта, особенно наличие маленького омикрон и лигатуры, позволяет отнести данную надпись примерно к 30-70-м гг. н.э.⁷

3. Фрагмент плиты сероватого мрамора, обломанный со всех сторон (рис.1,3) найден в 1988 г. в мусорном слое II-III вв. н.э. на раскопе "Южный город" (квадрат СИУ) за пределами городища. Толщина плиты - 0,078-0,07 м, высота обломка - 0,04 м, ширина - 0,04 м. Обратная сторона плиты довольно ровная, но не обработанная. На лицевой стороне сохранились остатки двух строк надписи. В стк.1 буквы сохранились на всю высоту - 0,017 - 0,018 м, в стк.2 видны лишь верхние части букв (максимальная сохранившаяся высота - 0,012 м).

В стк.1 слева на месте скола различимы апексы на верхней и нижней горизонтальных гестах буквы, восстанавливаемой нами как сигма. В стк.2 на месте скола едва заметен апекс в верхней части какой-то буквы. В конце стк.2 хорошо видна левая клонная геста ипоилон. Первая различимая в стк.2 буква восстанавливается нами как ламбда. Таким образом, эта строка представляет собой окончание в родительном падеже одного из имен:

Αἰλλου, Αὐρηλλου, Βοφυλλου, Ἰλλου, Ἰρακκλλου, Ἰουλλου, Καλλου, Κορνελλου, Κοβερυλλου, Ποκλλου, Σεστιλλου и т.д. (значительная часть этих имен римские). В становление имен типа *Θαχαμφλλου, Ἀνατολλου* и др., где перед ламбдой стоят буквы, имеющие округлые формы, предложено быть не может, так как ред ламбдой была буква, имевшая в верхней части апекс. Кажется менее вероятным восстановление вместо ламбды дельты или альфы. В первом случае можно было бы положить варианты типа *Κλαυδδου, Εἰσγουδδου, Δδου, Αἰφνιδδου, Μελοδου* и др., во втором – типа *Ἰεστιαδου, Ἐστιαδου, Ἐκαταδου, Δηναδου, Γαδου* и др. Однако, по сравнению с именами, оканчивающимися на αίου (в родительном падеже), указанные варианты (кроме *Γαδου* имели на Боспоре в римское время несравненно меньшее распространение.

В стк.1 сигма, стоящая перед *μιο*, является окончанием также, вероятнее всего, какого-то имени. Тогда, соответственно, следующее за ним имя начиналось с *Μιοκ*. В надписях боспорского царства встречаются несколько имен подобного типа (все фракийские): *Μοκκπορις* КБН 663, *Μοκκπορις* КБН 937, *Μοκκπορις* КБН 756, *Μοκκβαδαι* КБН 473, *Μβκκος* КБН 1270, 1280, 1282, 1286, 539, 933, 538, *Μοκκοβς* КБН 284, 36.

В связи с этими именами следует остановиться на надписи КБН 1109, в которой положено чтение имени *Μοκκβατρις*. Нам кажется более верным принять в указанной на ней чтение, предложенное В.В.Шкорпилом⁸: *Μβκ(κ)ος πατρις*. В пользу такого чтения говорит, во-первых, отсутствие каких-либо аналогий имени *Μοκκβατρις*, во-вторых, кажется весьма сомнительным гибридное (фракийское – *Μβκκος* и греческое – *πατρις* образование имени¹⁰, да и сама форма такого имени, если бы оно существовало, выглядела бы иначе *Μοκκ-πατρις* (без сигмы)¹¹; в-третьих, весьма логично восстановление второй каппы, предложенное В.В.Шкорпилом в имени *Μβκ(κ)ος* пропуск которой объясняется ошибкой (или, вернее, невысокой грамотностью) резчика, поскольку и в другом имени, вырезанном на камне, он сделал совершенно аналогичную ошибку, пропустив ламбду: *Καλ(λ)ιστρατου*. В-четвертых, ошибкой резчика следует считать и употребление родительного падежа вместо дательного в стк.2. Аналогичный случай употребления родительного падежа вместо дательного мы видим и в надписи КБН 1108 и 1087¹², датирующихся II–III вв. н.э. Как видим, такого рода ошибка была не редка в эпиграфике западной части Таманского полуострова во II–III вв. н.э. В надписи КБН 1109 резчик, видимо, автоматически написал имя отца в родительном падеже, как патронимикон. Таким образом, в целом надпись имеет следующий вид:

*Μβκ(κ)ος πατρις
Καλ(λ)ιστρατ(ω),
χαλρειν.*

В таком случае перед нами довольно редкая форма составления надписи, что, видимо, и смутило издателей КБН. Аналогией по структуре текста на надгробии 110 является надпись КБН 262, по поводу которой В.В.Латышев замечает, что она составлена необычно и ее можно понять двояко – умершие сыновья, похороненные отцом, желают ему радоваться или же сыновья прощаются со своим покойным отцом¹³. В отношении же надписи КБН 1109 В.В.Шкорпил предлагает и другой вариант чтения, считая, что слово *πατρις* вырезано по ошибке не на том месте, где следовало бы его поставить¹⁴.

Как бы то ни было, предложенные варианты чтения надписи КБН 1109 подтверждают правильность чтения в ней вместо *Μομβοκατρία* имени *Μβκ(μ)οσ*

Из всего выше сказанного видно, что наиболее распространенной формой имен, начинающихся с *Μοκ*, является имя *Μβκμοσ* встречающееся и на Таманском полуострове. Поэтому восстановление нашей надписи даем в следующем виде:

- - -σ Μβκ[μου?] - - -
- - - λ(ου)

Публикуемый фрагмент относится либо к категории "списков имен", либо "надписей фиасов". Небольшие по размеру буквы расставлены довольно плотно, расстояние между строками очень маленькое, что говорит о сравнительно большом по объему тексте, что, в свою очередь, характерно именно для указанных категорий надписей. Буквы вырезаны ровно, в стиле монументального шрифта, сложившегося в конце I в. н.э.; украшения минимальны – апексы в виде черточек; *μ* имеет выступающую вниз правую наклонную гаску, что связано с погрешностью резчика при ее написании; омикрон слегка вытянут по вертикали и занимает всю высоту строки; наклонные гаски каппы не доходят до ее вертикальной гаски; лямбда имеет выступающую вверх наклонную гаску. Характер шрифта позволяет отнести публикуемый фрагмент надписи к концу I–II вв. н.э.¹⁵

¹ См.: Отчет М.М.Кобылиной за 1974 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5711.

² Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 1962. Т.3. С.22.

³ КБН. 1029.

⁴ Ср.: КБН 70, 1021.

⁵ Ср.: КБН 1135, 1260, 1261.

⁶ КБН 976, 987 и одна еще не опубликованная надпись.

⁷ Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Указ.соч. С.24, 25.

⁸ Шкорпил В.В. Новонайденные боспорские надписи // ИАК. 1917. 63. С.113.

⁹ Z g u s t a L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Prag, 1955. S. 283.

¹⁰ На эту же тему ср.: Тохтасьев С.Р. [Рецензия] // ВДИ. 1988. № 3. С.168 – Рец. на кн.: Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса.

¹¹ F i s k A. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und systematischgeordnet. Göttingen, 1894.

¹² Доватур И.А. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. С. 826.

¹³ КБН. С.197.

¹⁴ Шкорпил В.В. Указ.соч. С.112, 113.

¹⁵ Болтунова А.И., Книпович Т.Н. Указ.соч. С.22–24.

Внешнеполитические события, связанные с активизацией действий "скифских" племен против Римской империи в 40-60 гг. III в. н.э.¹ (Zosim, I, 27; I, 31, I-3, I, 32, 2-3), оставили глубокий след в истории античных центров Северного Причерноморья². Существует мнение, что в 266 г. племена "скифов" возобновили свои походы. В этот период были разграблены Вифиния и Гераклея Понтийская³. В 267 г. "скифы" предприняли новый морской поход на Балканский п-ов, видимо, с берегов Боспора⁴, а в 275 г., пройдя через Меотиду и Понт, они появились у берегов Малой Азии (Zosim, I, 63). Но уже в 276 г., возвращаясь на север, герулы и готы, разбитые Флорианом, вновь прошли через Боспор. Известно, что в 267 г. здесь правил Рискупорид У⁵. За год до этого он разделил свою власть с Тейраном, о чем свидетельствуют статеры 563 г. б.э. = 266 г. н.э., выпущенные как от имени Рискупорида У, так и от имени Тейрана (рис. I, I). Уникальный статер 563 г. б.э. с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ происходящей из Таманского клада 1958 г., был впервые издан В.Э. Куниным⁶. Следовательно, первый год правления Тейрана - 266 г. н.э. Но регулярный чекан Тейрана приходится на 572-575 гг. б.э. (275-278 гг. н.э.). Полное имя царя Тиберия илия Тейрана засвидетельствовано надписью⁷ на базе памятника, сооруженного в честь большой победы, одержанной Тейраном и по своему значению равной спасению государства. В ней содержатся ценные сведения об административном аппарате Боспорского царства конца III в. н.э. состоящем из перечня более 80 магистратов. Детальный анализ должностных лиц, упомянутых в этой надписи, был дан В.Д. Блаватским⁸. Обращает на себя внимание указание на богов Боспора, под покровительством которых находится царь Тейран и его супруга Элия - на божественную пару верховных богов Боспора - Зевса Спасителя и Геру Спасительницу. М.И. Ростовцев считал, что их значение как главных богов царства подчеркивается посвящением им всего двора, организованного под именем 'Αριστοκλεῖται в особую сакральную коллегию⁹. Так как в тексте надписи не указана дата ее посвящения, то она датируется временем правления Тейрана, которое до сих пор определяется только лишь нумизматическими данными. Посвящение не могло быть сделано в 275 г., так как на Боспоре в этот год правили одновременно Рискупорид У, Савромат IУ и Тейран. В следующем 276 г. трон Боспора принадлежал одновременно двум царям - Рискупориду У и Тейрану. Судя по нумизматическим данным, правление Тейрана длилось всего два года. Имеются статеры 574 и 575 гг. б.э. = 277-278 гг. н.э. От последующих пяти лет до начала выпуска статеров Фофорса в 582 г. б.э. = 285 г. н.э. монет не найдено. Эпиграфические и письменные свидетельства отсутствуют. Следовательно, памятник, воздвигнутый Тейрану и царице Элии, можно датировать 277-278 гг. н.э.

Итак, регулярный чекан Тейрана приходится на 572-575 гг. б.э. = 275-278 гг. н.э. Период с 276 по 278 гг. н.э. - сравнительно спокойное время для Боспора, так как после большого морского похода готов в 275-276 гг. на малоазийские города, не имеется ни литературных, ни эпиграфических сведений о передвижениях варварских племен по территории Боспорского царства.

Все статеры Тейрана однотипны. На лицевой стороне надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ и бюст царя, на оборотной - бюст императора и дата. Статеры Тейрана 572 г. б.э. = 275 г. н.э. известны еще с середины ХУШ в.¹⁰ Учтено 17 экз. (рис. I, I-8). Наибольший вес - 7,82 г, наименьший - 4,18 г, средний - 7; 7,60 г. (рис. 2).

Р и с. I. Монеты Тейрана

Кал- во	Вес в граммах																г. б. э.						
	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79	80		81	82	83	84	г. н. э.
1																						572	d
2																						275	
3																							
1																						573	d
2																						276	
3																							
4																							
5																							
6																							
7																							
8																							
9																							
1																						574	e
2																						277	
1																						575	z
2																						278	
3																							
4																							

Р и с. 2. Таблица веса статеров Тейрана

В 573 г.б.э. = 276 г.н.э. - чекан статеров наиболее интенсивен. Публикация монет Тейрана 573 г.б.э. восходит к I752 г.¹¹ В настоящее время собраны веса 63 экз. (рис. I, 9-24; 3, I-I7). Наибольший вес - 8,57, наименьший - 5,15 г, средний вес - 7,60 г. (рис. 2 d).

От 574 г.б.э. = 277 г.н.э. учтено 9 экз.¹² (рис. 3, 18-24; 4, I). Наибольший вес - 7,98 г, наименьший - 6,95 г (рис. 2e). Последний год чеканки статеров Тейрана - 575 г.б.э. = 278 г.н.э. (рис. 4, 2-I7). Наибольший вес - 8,12 г, наименьший - 5,17 г, средний - 8 г. Всего 21 экз. (рис. 2 z). Утвердилось мнение, что, начиная с 275 г., боспорские статеры чеканились из меди, а государство не могло обеспечить даже добавку серебра¹³. Проведенные анализы химического состава металла статеров Тейрана из собрания ГИМ показали, что 275 г. был последним годом, когда на боспорском монетном дворе еще выпускались статеры с 50% содержанием серебра. данные анализов металла статеров Тейрана 573-575 гг.б.э. = 276-278 гг. н.э. свидетельствуют о том, что серебро постепенно исчезает из состава металла, а его место занимают сначала медь, а потом все увеличивающиеся пропорции олова и свинца (табл.).

Итак, последний год чеканки Тейрана 575 г.б.э. = 278 г.н.э. До 578 г.б.э. = 285 г.н.э. монеты на Боспоре, по-видимому, не выпускаются. Продолжалось ли правление Тейрана в период между 278-285 гг. н.э. или престол занимал кто-либо дру

В.Зак. I639

гой, до сих пор неизвестно. В указанные годы на боспорском престоле мог быть царь Хедосбий, чье имя сохранилось на одном из обломков стелы, найденной в Керчи (КБн, 846)¹⁴. Еще В.В.Шкорпил предполагал, что время царствования Хедосбия может относиться к началу 80-х годов III в. н.э. (280-283 гг. н.э.)¹⁵. Предположение о том, что Хедосбий мог править на Боспоре с 267 по 275 гг. н.э.¹⁶ маловероятно, так как в эти годы правил Рискупорид У, хотя эмиссии статов с именем Рискупорида были временно прекращены. наличие статов Рискупорида У 572 г.б.э. = 275 г.н.э. является тем аргументом, на основании которого В.Ф.Гайдукевич позже принял мнение В.В.Шкорпила и Е.Дилиа и стал датировать время правления Хедосбия 278-285 гг. н.э.¹⁷

Т а б л и ц а

Химический анализ состава металла статов Теирана
573-575 гг. б.э. = 276-278 гг. н.э.

Химический состав	Годы боспорской эры					
	572 г.		573 г.		574 г.	575 г.
	№ 5265	5266	5278	5270	5279	5283
Серебро	50	0,002	3-10	0,05	4,0	3,5
Золото	0,03	0,001	0,03	0,001-0,003	0,01-0,03	0,01-0,03
Медь	50	основа	основа	основа	основа	основа
Олово	0,75	2,0	0,75	0,0	1,0	1,2
Свинец	0,1	15,0	0,5	10,0	0,2	0,0015
Цинк	0,001	0,007	0,01	0,9	0,009	0,012
Висмут	0,005	0,05	0,005	0,02	0,0025	0,003
Сурьма	0,05	0,06	0,1	0,15	0,07	0,06
Мышьяк	0,03	0,35	0,2	0,15	0,12	0,1
Железо	0,001	0,05	0,01	0,01	0,2	0,3
Никель	0,03	0,08	0,08	0,03	0,02	0,03
Кобальт	0,02	0,009	0,02	0,01	0,002	0,002

ПРИЛОЖЕНИЕ*

СТАТЕРЫ ТЕЙРАНА (266 г.н.э.; 275-278 гг.н.э.)

Статер ΓϜΦ - (563 г.б.э. = 266 г.н.э.)

Л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с.: бюст императора вправо, внизу дата ΓϜΦ. Точечный ободок. 7,34 г, 20 мм, Керчь, 2239 (рис. I, I).

Уник., найден в кладе Кунина В.Э. Монетный клад с Таманского полуострова // Археология и история Восточного Причерноморья, Симферополь, 1962. Т.П. С.344. Прим. I. Рис.3.

Статеры Тейрана с датой ΒΟΦ (572 г.б.э. = 275 г.н.э.)

Л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с.: бюст императора вправо, под ним дата ΒΟΦ. Точечный ободок.

А-а I) 7,56 г, 19 мм, Судак**, 9I0 (рис. I, 2)

2) 7,67 г, 20 мм, Судак, 9I1

3) 7,57 г, 20 мм, Судак, 9I2

4) 6,87 г, 20 мм, ГИМ 5265 (рис. I, 3)

Б-б Л.с. одного штемпеля со статером Тейрана 563 б.э. Ср. рис. I, I

I) 7,82 г, 20 мм, Судак, 9I3 (рис. I, 4)

2) 7,55 г, 20 мм, Судак, 9I4

3) 7,12 г, 20 мм, ГИМ 5266 (рис. I, 5)

В-в I) 7,42 г, 21 мм, ГЭ 604

Г-г I) 6,20 г, 19,5 мм, ГЭ 29605 (рис. I, 6)

Д-д I) 6,95 г, 20,5 мм, ГЭ 29606 (рис. I, 2)

Е-е I) 7,55 г, 19 мм, Керчь 2370 (рис. I, 8)

2) вес неизвестен, ГЭ I2472

Четыре статера Тейрана 572 г.б.э. из Тиритакского клада 1937 г. опубликованы В.М.Брабичем № 2051-2054. ТГЭ. IX. 1967 г. табл. XXI: I) 7,42 г № 2051; 2) 7,46 г, № 2052; 3) 4,18 г, № 2053; 4) 7,42 г, № 2054. Не разобраны по штемпелям: 6,15 г, 20 мм, ОГАИМ 2366I

Статеры Тейрана с датой ΓΟΦ - (573 г.б.э. = 276 г.н.э.)

Л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с.: бюст императора вправо, под ним дата ΓΟΦ. Точечный ободок.

А-а I) 7,66 г, 20 мм, Судак 9I5 (рис. I, 9)***

Б-б I) 7,72 г, 20 мм, Судак 9I6

2) 7,87 г, 20 мм, Судак 9I7

3) 7,70 г, 20 мм, Судак 9I8

4) 7,60 г, 20 мм, Судак 9I9

5) 7,60 г, 20 мм, Судак 920

Б-в I) 7,70 г, 20 мм, ГИМ 5273 (рис. I, 10)

2) 6,85 г, 20 мм, Судак 921 (рис. I, 11)

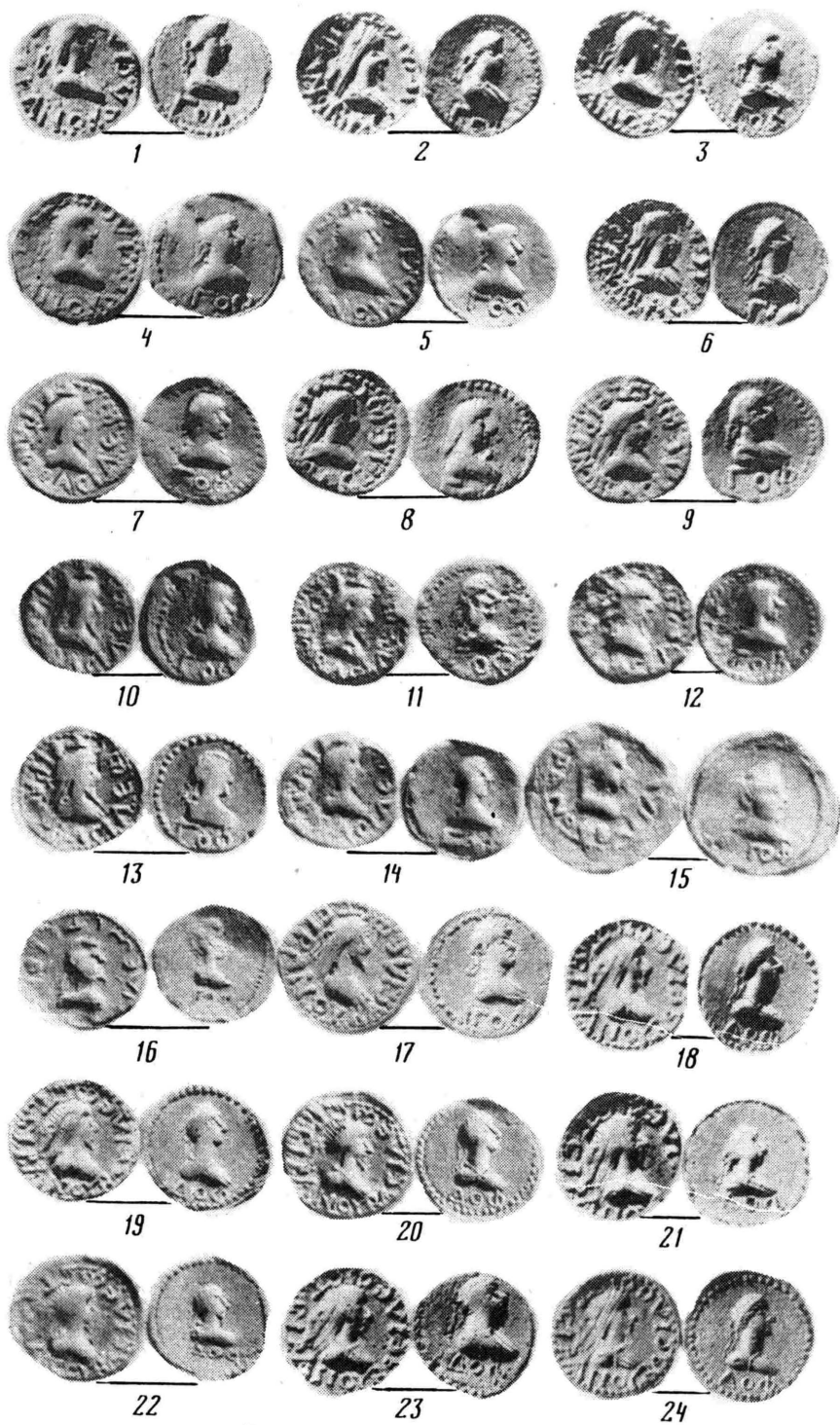
* Заглавной буквой обозначены штемпели лицевых сторон статеров, прописной - штемпели, оборотных сторон.

** Судак - Судакский клад монет 1958 г. (Фролова Н.А. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Восточного Причерноморья в н.э. // ИС. ГИМ. т. 1, 1983. Ч.8. С.3).

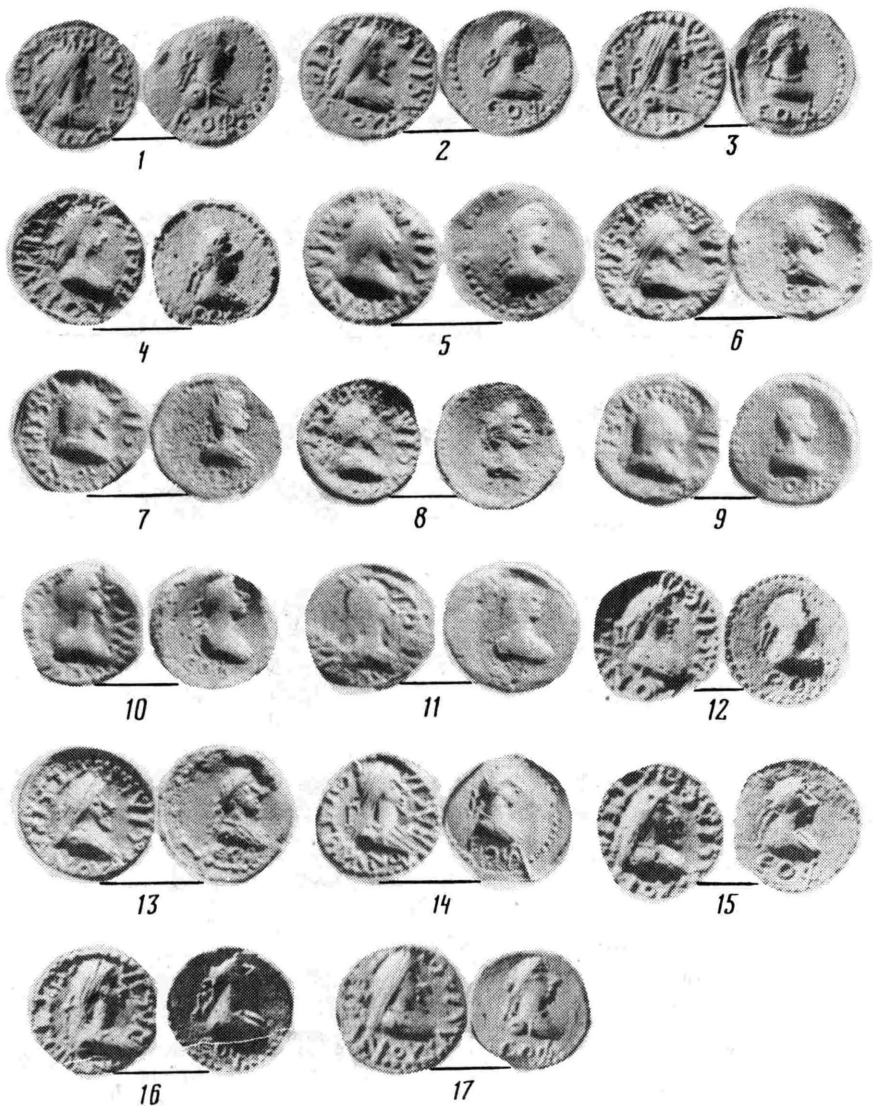
*** Керчь - Керченский краеведческий музей.

- 3) 7,83 г, 20 мм, Судак 922
 4) 7,80 г, 21 мм, ГЭ 29607 (рис. I, I2)
 Б-г I) 7,94 г, 20 мм, Судак 923 (рис. I, I3)
 2) 7,74 г, 20 мм, Судак 924
 Б-д I) 7,80 г, 20 мм, Судак 925 (рис. I, I4)
 2) 7,63 г, 20 мм, Керчь ~~XXXX~~ 2362 (рис. I, I5)
 3) 7,39 г, 20 мм, Патрэй 195 I, № 2 (рис. I, I6)
 Г-е I) 7,50 г, 20 мм, Судак 926 (рис. I, I7)
 2) 7,98 г, 20 мм, Судак 927
 3) 7,67 г, 20 мм, Судак 928
 д-ж I) 7,57 г, 20 мм, Судак 929 (рис. I, I8)
 2) 7,92 г, 20 мм, Судак 930
 Е-э I) 6,42 г, 20 мм, ГИМ, 5270 (рис. I, I9).
 2) 7,67 г, Тиритакан, 1937, № 2063, ТГЭ, IX, табл. XXI, 2063
 3) 7,11 г, там же, 2062
 4) 4,15 г, там же, 2064
 Е-и I) 7,40 г, 20 мм, Судак, 931 (рис. I, 20)
 2) 7,77 г, 20 мм, Судак, 932
 Ж-к I) 7,32 г, 20 мм, Судак, 934 (рис. I, 21)
 З-л I) 7,72 г, 20 мм, Судак 933 (рис. I, 22)
 З-м I) 7,74 г, 20 мм, ГИМ 5276 (рис. I, 23)
 З-ам I) 6,96 г, Кепы, 1962, № I. НЭ. УП, 1968 г., табл. I, I (табл. I, 24)
 З-и I) 7,65 г, 20 мм, Судак 937 (рис. 3, I)
 Ж-н I) 7,55 г, 20 мм, Судак 935 (рис. 3, 2)
 К-д I) 7,72 г, 19 мм, Судак 936 (рис. 3, 3)
 К-о I) 7,49 г, 20 мм, ГИМ 5278 (рис. 3, 4)
 2) 5,89 г, 20 мм, ГИМ 527 I (рис. 3, 5)
 И-п I) 7,74 г, 20 мм, Судак 938 (рис. 3, 6)
 Б-р I) 6,94 г, 20 мм, ГИМ 5267 (рис. 3, 2)
 2) 7,75 г, 20 мм, ГИМ 5272 (рис. 3, 8)
 3) 6,73 г, 20 мм, ГИМ 5277 (рис. 3, 9)
 4) 5,66 г, 18,5 мм, ГЭ 296 I I (рис. 3, I0)
 Б-с I) 6,56 г, 20 мм, ГИМ 5268 (рис. 3, I I)
 2) 4,93 г, 20 мм, ГИМ, 5269
 3) 6,80 г, 20 мм, ГЭ 296 I 3 (рис. 3, I2)
 Б-т I) 7,55 г, 20 мм, Керчь 2363 (рис. 3, I3)
 А-аа I) 6,65 г, 20 мм, ГЭ 29608
 Л-бб I) 5,23 г, 20,5 мм, ГЭ 29609
 А-вв I) 6,93 г, 20 мм, ГЭ 296 I0
 Б-гг I) 8,12 г, 19 мм, ГЭ 296 I2 (рис. 3, I4)
 М-дд I) 8,57 г, 24 мм, ГЭ 296 I4 (рис. 3, I5)
 Н-ее I) 5,15 г, 20 мм, ГЭ 296 I5 (рис. 3, I6)
 О-с I) 5,55 г, 20 мм, ГИМ 5274
 2) 5,72 г, 19 мм, ГИМ 5278а

Из Тиритакского клада 1937 г. происходят еще II экз. Брабич В.М. Клад боспорских статеров III в. н.э. из Тиритаки. ТГЭ, IX, табл. XXI, 2055-2060, 2065, 2068. Веса: I) 6,66, № 2055; 7,75, № 2056; 3) 6,90, № 2057; 4) 7,22, 7,36 №№ 2058-2059; 6-7) 6,58, 5,23, №№ 2060-2061; 8) 7,70, № 2065; 9) 7,50, № 2068; I0-II) 2,17, 2,44, №№ 2066-2067; I2) 5,72, 20 мм. Харко Л.П. Тиритакский монетный клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. С. 76. № I. ГМИИ. 215 I I (рис. 3, I7).

Р и с. 3. Монеты Тейрана

Р и с. 4. Монеты Тейрана

ΔΟΦ (574 г.б.э. = 277 г.н.э.)

Л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ. Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с.: бюст императора вправо, внизу дата ΔΟΦ Точечный ободок.

А-а I) 7,93 г, 20 мм, Судак 939 (рис.3,18)

2) 6,95 г, 20 мм, Судак 940

3) 7,46 г, 20 мм, ГИМ 5275 (рис.3,19)

- 4) 7,45 г, 20,5 мм, 1Э, 29616 (рис.3,20)
 5) 7,69 г, 20,5 мм, Керчь, 23656 (рис.3,24)
 Д-б I) 7,94 г, 20 мм, Судак 941 (рис.3, 21)
 2) 7,67 г, 21 мм, 1Б 29017 (рис.3,22)
 А-в I) 7,85 г, 20 мм, Судак 942 (рис.3, 23)
 А-г I) 7,84 г, 20 мм. Керчь 2366 (рис.4,1)
ЕОФ - (575 г.б.э. = 278 г.н.э.)

Л.с.: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ. Бюст царя вправо. Точечный ободок.

О.с.: бюст императора вправо, под ним дата ЕОФ Точечный ободок.

Кене Б.В. Ук.соч. С.357. № 3.

- Аа-аа I) 7,88 г, 20 мм Керчь 2367 (рис.4,2)
 А-а I) 7,70 г, 20 мм, Судак 943 (рис.4,4)
 2) 7,87 г, 20 мм, Судак 944
 3) 8,12 г, 20 мм, Судак 945
 4) 7,77 г, 20 мм, Судак 946
 Б-бб I) 8,02 г, 20 мм Керчь 2368 (рис.4,3)
 Б-б I) 7,37 г, 21 мм, ГИМ 5280 (рис.4,5)
 В-в I) 7,97 г, 21 мм, ГИМ 5281 (рис.4,6)
 2) 6,57 г, 20 мм, ГЭ 29620 (рис.4,7)
 Г-г I) 3,66 г, 18,5 мм, ГИМ 5282 (рис.4,8)
 2) 5,54 г, 20 мм, ГЭ 29621 (рис.4,9)
 Д-д I) 7,30 г, 19 мм, ГИМ 5283 (рис.4,10)
 2) 6,73 г, 20 мм, ГЭ 29619 (рис.4,11)
 Д-е I) 7,60 г, 20 мм, Судак 947 (рис.4,12)
 2) 7,95 г, 20 мм, Судак 948
 Е-ж I) 7,67 г, 21 мм, ГИМ 5284 (рис.4,13)
 Ж-з I) 8,05 г, 21,5 мм, ГЭ 29618 (рис.4,14)
 З-и I) 7,27 г, 20 мм, Судак 949 (рис.4,15)
 2) 7,70 г, 20 мм, Судак 950
 И-к I) 7,35 г, 20 мм, Судак 951 (рис.4,16)
 И-а I) 7,09 г, 19 мм, Патрэй, 1951. Голенко К.В. Второй Патрэйский клад
 (1951 г.) // НЭ. I. М., 1960. Табл. I, 3.
 Статеры Тейрана плохой сохранности - год стерт:
 1) 6,75 г, 19 мм ОГАМ 23513
 2) 5,85 г, 20,3 мм, ОГАМ 25326

I Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung. B., 1910. S. 210-213; Caillu J.P. La politique Monétaire des Empereurs Romains de 238-a 311. P., 1969. P. 15; Alfordi A. Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts nach Chr. Darmstadt, 1977. S. 419-421, 221, Anm. 44; Salamon M. Przyczyny zaniku Menniczej w Azji Mniejszej w drugiej połowie III w.n.e. // Wiad. numism. W-wa, 1970. Vol. 14, N 3 (53). S. 146-154; Schöner t-G e iß. Das Ende der Provinzialprägung in Thrakien und Mosien // Klio. 1968. Bd. 50. S. 251-253; Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 48-52.

2 Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С.92-94, 110-117; Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САМ. 1961. Вып.Г4-4. С.12 сл.; О н ж е. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э. М., 1967. С.108-114; Га й д у к е в и ч В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949; G a j d u k e v i c V.F. Das Bosporanische Reich; К р у г л и к о в а И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С.40; Б л а в а т с к и й В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора.

- М., 1964. С.214, 215; О н ж е. Античная археология и история. М., 1985. С.245; Ш е л о в д.Б. Волго-донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. м., 1978. С.82; О н ж е. Сарматы и гунны в Нижнем Подонье // Acta Antiqua Acad. sci. hung. 1978. T.26. P. 49-55.
- Ш е л о в д.Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. м., 1972. С.299-301; К а р ы ш к о в с к и й П.О. находки монет Римской империи в Ольвии // НИСФ. Киев, 1965. П. С.75; О н ж е. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. № 1.
- 3 Р а м е н н и к о в А.М. Указ.соч. С.110-113.
- 4 Б л а в а т с к и й В.Д. Боспорское царство... С.245. Примеч. 74; S c h m i d t L. Op. cit. S. 215, 216; W o l f r a m H. Op. cit. S. 52, 53; G a j d u k e v i c V.F. Op. cit. S. 467, Ann. 25, 26.
- 5 Ф р о л о в а Н.А. История правления Рискупорида У (242-276 гг. н.э.) по нумизматическим данным // СА. 1980. № 3. С.58-73.
- 6 К у н и н В.Э. Монетный клад с Таманского полуострова // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. С.343. Рис.3. № 13.
- 7 КБН. 36.
- 8 Б л а в а т с к и й В.Д. Пантикапей... С.210, 211.
- 9 Р о с т о в ц е в М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре (отд. отт.). СПб., 1913. С.29. Примеч.2; Б о л т у н о в а А.И. О культуре Зевса Сотера на Боспоре // Культура античного мира, М., 1966. С.29-38.
- 10 M i o n n e t T.E. Description de Medailles antiques Grecques et Romaines. P., 1829. 4. P. 543(b).
- 11 Ibid. P. 543, N 288; C a r y M. Histoire des Rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmerien. P., 1952. P. 77, 78. Pl. IV,4.
К е н е Б.В. Описание музея кн. В.В.Кочубея. СПб., 1857. С.357. № 2.
- 12 К е н е Б.В. Указ.соч. № 3.
- 13 Г а й д у к е в и ч В.Ф. Указ.соч. С.455.
- 14 КБН. 846. Примеч. С.470.
- 15 Ш к о р п и л В.В. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. М., 1914. С.65-67.
- 16 Г а й д у к е в и ч В.Ф. Указ.соч. С.452; Б л а в а т с к и й В.Д. Пантикапей... С.209.
- 17 G a j d u k e v i c V.F. Op. cit. S. 475-476. Ann. 21.

ХРОНИКА

А.И. Пузикова

РАБОТА ОТДЕЛА СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1987-1989 ГГ.

Тематика проблем, разрабатываемых отделом в 1987-1989 гг. была разнообразна как в хронологическом, так и в территориальном отношении. Сотрудники отдела активно участвуют в подготовке многотомного издания - "Археология СССР". В 1989 г. вышел в свет том "Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время" (ред. А.И. Мелюкова); в 1990 г. выйдет том "Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время" (ред. М.Г. Мошкова); на стадии редактирования то "Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья" (ред. Г.А. Брыкина). В написание разделов для различных томов издания, касающихся археологии и истории черняховских племен, а также племен Западной Сибири, Забайкалья, Приобья, Алтая принимали участие 15 сотрудников отдела. Среди них В.А. Могильников, который подготовил три больших раздела, Н.Л. Членова, написавшая несколько разделов для двух томов.

Продолжалась разработка основных проблем железного века. Исследовались вопросы взаимоотношений и взаимосвязи предскифских культур Сибири, Кавказа, степной зоны восточной Европы, Северного Причерноморья (А.И. Мелюкова, В.Г. Петренко Н.Л. Членова, В.В. Дворниченко). Большую работу по выявлению локальных вариантов кобанской культуры проделала В.И. Козенкова.

В области скифской археологии изучались вопросы особенностей собственно скифской культуры и ее локальных вариантов в Причерноморье и на периферии Скифского мира (А.И. Мелюкова, В.С. Ольховский, В.Г. Петренко, А.И. Пузикова, Т.М. Кузнецова, А.С. Голенцов).

Исследовались проблемы происхождения, расселения сармат, взаимоотношения их с культурами соседних племен. Начата обработка данных погребального обряда с применением компьютера (М.Г. Мошкова). М.П. Абрамова представила для защиты в качестве докторской диссертации работу "История племен Центрального Предкавказья в сарматское время". Разрабатываются также проблемы железного века Восточной Европы, Сибири, Средней Азии и Приуралья (Г.А. Брыкина, В.А. Могильников, Н.Л. Членова, Л.Т. Яблонский, К.А. Смирнов).

Продолжено изучение вопросов происхождения, расселения, локальных вариантов хронологии черняховской культуры, а также взаимосвязи и взаимоотношений черняховских, скифских и раннеславянских племен (В.В. Кропоткин, О.А. Гей, Г.Ф. Никитина, М.Г. Гусаков). По зарубежной тематике выполняется работа по археологии Южной Америки и Карибского бассейна (В.А. Башилов).

В 1987-1989 гг. многие сотрудники отдела завершили плановые темы. В 1988 г. М.П. Абрамова - "Центральное Предкавказье в сарматскую эпоху (III в. до н.э. - III в. н.э.)"; В.В. Дворниченко - "Предскифский период в Восточной Европе"; М.Г. Гусаков - "Погребальный обряд зарубинецкой культуры и его локальные варианты"; В.И. Козенкова - "Кобанская культура"; В.В. Кропоткин - "Топография монет болгарской чеканки в Восточной Европе и Прибалтике"; Г.Ф. Никитина "Анализ погребального обряда и инвентаря Черняховского могильника у с. Романковцы"; Т.М. Кузнецова - "Скифские зеркала III-III вв. до н.э. как исторический источник". В 1989 последняя работа защищена в качестве кандидатской диссертации. В 1989 г. В.А.М

гильников подготовил раздел для издания "Древняя история Сибири (Культуры лесного Зауралья, лесного Прииртышья и Нижнего Приобья эпохи средневековья)". Н.Л.Членова закончила работу над темой "Хронология памятников карасукской эпохи", которая рекомендована для защиты в качестве докторской диссертации. В 1989 г. защитила докторскую диссертацию "Пути и особенности развития населения савромато-сарматской культурно-исторической области" М.Г.Мошкова.

Сотрудники отдела за отчетные годы проделали большую полевую работу. Г.А.Брыкина (Ляйлякская экспедиция) проводила раскопки на нескольких памятниках: в урочище Оут-Сай (раскопан большой курган, исследовался грунтовой могильник); на усадьбе Кайрагач и у кишлака Моргун (раскопки дома XI-XII вв. н.э.).

О.А.Гей (Западновольтнская экспедиция) в 1987-1988 гг. работала на могильнике Красный Маяк на Нижнем Днепре (вскрыто более 50 могил). В 1987 г. ею проведены разведки в Бериславском районе Херсонской обл.

А.С.Голенцов (Кульчукский отряд) на греко-скифском городище Кульчук изучал древне-греческие землянки середины IV в. до н.э.; оборонительные сооружения, скифский жилой квартал. Открыт Кульчукский скифский могильник, где исследован склеп с десятью захоронениями I в. до н.э.

М.Г.Гусаков (Западный отряд Балтийской экспедиции) в 1988 г. произвел раскопки могильника поморской культуры у с.Покровское. Исследовано 17 погребений.

Поволжская экспедиция под руководством В.В.Дворниченко ежегодно работала в составе трех отрядов: Еногаевского, Селитренного и Астраханского. Раскапываются городище Селитренное и могильник у с.Косики с богатыми погребениями сарматского времени, а также разновременные объекты у пос.Комсомольский.

Кузнецова Т.М. в 1989 г. работала совместно с Келермесской экспедицией Гос. Эрмитажа на Келермесском могильнике. В нескольких курганах найдены погребения эпохи бронзы, каменное кольцо майкопской культуры, захоронения скифского времени и относящиеся к меотскому грунтовому могильнику.

Могильников В.А. (Алтайская экспедиция) исследовал памятники лесостепного Алтайского края: курганы раннего железного века в Шебалинском и Тальменском районах и городище у дер.Елбанка. Проведены разведки в Тюменской обл. в низовьях реки Конды.

Г.Ф.Никитина (Средне-Днестровская экспедиция) на Черняховском могильнике у хут. Одая раскопала 17 погребений, а также три объекта культуры Голигрееды скифского времени.

В.С.Ольховский (Крымская степная экспедиция) в 1988 г. руководил работами, вел раскопки курганов. В том же году Устьуртская экспедиция на комплексе памятников на святилище Байте (вскрыто около 22000 кв.м) исследовала 23 жертвенника, грунтовые погребения. Обнаружено 650 фрагментов каменных изваяний.

В.Г.Петренко (Краснознаменская экспедиция) изучала скифские памятники III-IV вв. до н.э. в Центральном Предкавказье у с.Новозаведенное. Раскопано четыре кургана первой половины III в. до н.э. со сложными погребальными сооружениями.

А.И.Пузикова (Курская экспедиция) продолжала исследование памятников скифского времени на территории строящегося Курского водохранилища. Раскапывались памятники у дер.Переверзево Золтухинского р-на Курской обл. Завершены раскопки могильника с богатыми находками (серебряный кубок и др.) у дер. Дуровка-Вербное в Белгородской обл.

В.А.Башилов (с советской стороны) руководил работами Советско-Кубинской экспедиции на поселении Эль-Конвенто близ города Сьен-фюзгос.

В 1987–1988 гг. сотрудники принимали участие в работе теоретического семинара отдела, посвященного теоретическим и методическим проблемам археологии. Особенно интересны были доклады Ю.А.Краснова "Системы земледелия в Восточной Европе в эпоху раннего железа", М.Г.Мошковой "Понятие археологическая культура и савромато–сарматская историко–культурная общность" и В.А.Башилова "Темпы исторического развития неолитической революции в первичных центрах Нового и Старого Света".

В 1987–1989 гг. проведено 89 заседаний отдела, на которых заслушано более 40 докладов сотрудников отдела. Несколько заседаний было посвящено обсуждению томов Археологии СССР. Сотрудники других учреждений и отделов ИА сделали 35 докладов и сообщений.

За отчетный период в различных советских и зарубежных изданиях вышло из печати 143 работы сотрудников отдела, в том числе книги: М.П.Абрамова "Подкумский могильник" (М., 1987 г.); Ю.А.Краснов "Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы" (М., 1987 г.); Он же "Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ VI–V вв. до н.э. – I тыс. н.э." (Т. I "История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции". М., 1988 г.); В.И.Козенкова "Кобанская культура. Западный вариант" (в серии САИ, 1989 г.).

Всего сотрудники сдали в печать 157 работ (около 180 а.л.).

Сотрудники отдела участвовали в различных конгрессах, симпозиумах и научных конференциях, в основном внутри страны. В 1987 г. во "Всесоюзной конференции по итогам полевых исследований" в г.Суздале принимали участие В.В.Кропоткин, М.П.Абрамова, В.И.Козенкова, Т.М.Кузнецова, А.И.Мелюкова, В.А.Могильников, М.Г.Мошкова, В.Г.Петренко, К.А.Смирнова (научно–организационная работа).

В.В.Кропоткин и О.А.Гей участвовали в работе Международной конференции в г.Люблин в ПНР: "Вельбарская культура в эпоху поздней Римской империи" и конференции по проблемам хронологии черняховской культуры в ГЭ. В.В.Кропоткин выступил также на конференции "200 лет отдела нумизматики Гос.Эрмитажа".

Г.А.Брыкина прочитала доклад на конференции ИА АН УзССР. В.И.Козенкова выступила на юбилейной конференции журнала ВДИ I. Т.М.Кузнецова приняла участие в конференции музея народов Востока и представила доклады на другие конференции.

Т.В.Мирошина участвовала в работе конференций: Института истории АН СССР, посвященной памяти В.Д.Блаватского, и восточной балканистики.

В.А.Могильников и Н.Л.Членова выступили с докладами на конференции в г.Кемерово, В.А.Могильников – также в г.Томске.

В.С.Ольховский выступил в Киеве, на VI конференции молодых археологов Украины и на конференции "Религиозные представления в первобытном обществе".

А.И.Пузикова принимала участие в работе семинара в г.Кировограде "Киммерийцы и скифы", посвященной памяти А.И.Тереножкина, и в "Чтениях памяти М.И.Артамонова" в ГЭ.

К.А.Смирнов прочитал доклад на XVI Всесоюзной финно–угорской конференции в Ижевске и на конференции в Тамани.

В конференции "XV Крупновские чтения" в 1988 г. в г.Махачкале принимали участие М.П.Абрамова, В.И.Козенкова, В.Г.Петренко, в конференции, посвященной проблемам сарматской археологии в г.Азове, участвовали М.П.Абрамова, М.Г.Мошкова, В.Г.Петренко.

О.А.Гей прочитала доклад на конференции в Ленинграде, посвященной памяти М.Н.Тихановой. В.И.Козенкова принимала участие в работе конференций: "Религиозные

представления в первобытном обществе", "Башкапсарский полевой семинар" в г. Сухуми, "Круглый стол" Совета Института мировой литературы по поводу 1000-летия крещения Руси", Международном симпозиуме "Античная Балканистика". Т. В. Мирошина также участвовала в работе конференции "Античная Балканистика". В. А. Могильников выступил с докладами на трех конференциях, посвященных проблемам истории и археологии Урала, Западной Сибири и Алтая.

М. Г. Мошкова участвовала в работе УИ Донской конференции и была организатором конференции в г. Азове по теме "Некоторые спорные проблемы сарматской археологии".

Г. Ф. Никитина приняла участие в совещании "Компьютерные данные археологической и музейной информации" (г. Тбилиси), а также в конференции Черновицкого краеведческого музея (г. Черновцы). В. С. Ольховский прочитал доклады на совещании по компьютерной технике в Тбилиси и УИ Донской археологической конференции.

В 1989 г. все сотрудники отдела принимали участие в работе юбилейной сессии, посвященной 70-летию образования ИА (Москва).

Г. А. Брыкина участвовала в работе двух религиозных конференций: "Великий шелковый путь" во Фрунзе и "Этапы урбанизации в Намангане". А. С. Голенцов принял участие в работе семинаров научно-практического в г. Суздале и посвященного развитию подводных археологических исследований в СССР в Москве.

М. Г. Гусаков написал доклады для нескольких конференций (тезисы опубликованы) в гг. Клайпеде, Ленинграде, Москве.

В. В. Дворниченко выступил на конференции МГУ по материалам могильника у с. Косики.

В. В. Кропоткин принимал участие в международной нумизматической конференции в г. Сигунте в Швеции: "Денежное обращение в эпоху викингов в IX-XI вв."

Т. М. Кузнецова участвовала в конференции ГЭ, посвященной памяти М. И. Ростовцева. Кроме того, ею были написаны доклады для конференций в гг. Кемерово, Алма-Ата, Томск, Красноярск, Запорожье (тезисы опубликованы).

А. И. Мелюкова участвовала в конференции, посвященной памяти Б. Н. Гракова в Запорожье. В. А. Могильников выступил на конференции "Скифо-сибирский мир" в г. Кемерово. М. Г. Мошкова подготовила доклад для конференции в г. Запорожье, тезисы которого опубликованы.

В. С. Ольховский сделал доклады на трех конференциях: в гг. Донецке, Запорожье и Алма-Ате.

А. И. Пузикова приняла участие в работе трех конференций: в гг. Суздале, Полтаве, Сумы.

К. А. Смирнов прочитал доклад в Ижевске на конференции по проблемам средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы.

Многие сотрудники отдела переписываются, обмениваются материалами (литературой) с зарубежными коллегами (В. В. Кропоткин, В. А. Башилов, В. И. Козенкова, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Г. Ф. Никитина, А. И. Пузикова, М. Г. Гусаков, К. А. Смирнов), однако, их участие в международных конгрессах и симпозиумах пока ограничено.

Сотрудники отдела проводят постоянную работу в области популяризации археологических знаний: печатают статьи в местных областных и районных газетах об археологических памятниках, их значении и необходимости их охраны, выступают по телевидению и радио (В. С. Ольховский, А. И. Пузикова, В. В. Дворниченко, Ю. А. Краснов). В экспедициях проводятся лекции и беседы с местными жителями, студентами, школьниками. Постоянную консультационную работу с местными музеями ведут А. И. Пузикова, В. В. Дворниченко, В. С. Ольховский, В. Г. Петренко, Г. А. Брыкина, Г. Ф. Никитина.

В течение 1987-1989 гг. сотрудники отдела сделали значительную работу по рецензированию и редактированию статей, отчетов, диссертаций, монографических изданий и плановых тем. За эти же годы сотрудники провели около 60 командировок в различные города СССР. Как и в предыдущие годы, отдел готовил молодые кадры как для Института археологии, так и для других научных учреждений страны. При секто-

ре проходят аспирантуру А.В.Жуков (руководитель В.А.Башилов), Н.Н.Половкова (руководитель Д.Б.Шелов), Е.А.Армарчук (руководитель Г.А.Брыкина), М.Сагитова (руководитель В.И.Марковин), Е.М.Данченко (руководитель В.А.Могильников), А.М.Медведев (руководитель В.В.Седов), А.Д.Тайров, Э.А.Барбарунова, В.Н.Мышкин (руководитель М.Г.Мошкова), Е.С.Нефедова, С.В.Гусев, Т.В.Аксенова (руководитель В.В.Кропоткин), В.Н.Маслов (руководитель В.Г.Петренко). Кроме аспирантов, при секторе проходят подготовку около 10 соискателей: М.И.Власкин, Е.А.Беглова, А.И.Лебедев, А.В.Расторопов, О.Р.Дубовская, С.И.Безуглов, И.В.Сергацков и др. Подготовкой четырех студентов с кафедры МГУ руководит В.А.Башилов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБХЯЛИ	- Абхазский институт языка, литературы и истории им.Д.И.Гулиа АН ГССР
АИКСП	- Сб. Античное искусство и культура Северного Причерноморья
АО	- Археологические открытия
АП	- Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЭС	- Археолого-этнографический сборник
ВДИ	- Вестник древней истории
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ИА	- Институт археологии АН СССР
ИАК	- Известия археологической комиссии
ИГАИМК	- Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ Тадж.ССР	- Институт истории, археологии и этнографии Тадж.ССР
ИРАИМК	- Известия Государственной академии истории материальной культуры
КБН	- Корпус боспорских подписей
КСМА	- Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	- Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАИКА	- Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МАСП	- Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ	- Материали і дослідження в археології Прикарпаття і Волині
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	- Материалы по изучению Ставропольского края
НисФ	- Нумизматика и сфрагистика
НАА	- Журнал "Народы Азии и Африки". М.
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика
ОАК	- Отчет Археологической комиссии
ОНУз	- Общественные науки в Узбекистане
ПГКСВП	- Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья
ПОЗГ	- Памятники Юго-Западной Грузии
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГМИИ	- Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
СГМИИ	- Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
СГЭ	- Сборник Государственного Эрмитажа
ТАКЭ	- Гермецкая археологическая комплексная экспедиция

- ТГЭ - Труды Государственного Эрмитажа
 ТМ - Термезский музей (Сурхандарьинский областной историко-краеведческий музей г.Термеза)
 УЗ - Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 УСА - Успехи среднеазиатской археологии
 ХКАМ - Художественная культура античного мира. М., 1976.
 АЖА - American Journal of Archeology
 ВВ - Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, ed. Bezenberger
 СРАЖБЛ - Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres
 ДНА - Dialogues d'histoire ancienne
 МДАФА - Mémoires de la Délégation Archéologiques Français en Afganistan
 РА - Revue archéologique

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

А.И.Мелюкова. Новое в изучении актуальных проблем скифологии.....	3
М.Г.Мошкова. Основные проблемы сарматской археологии.....	10
И.П.Абрамова. Вопросы изучения памятников Центрального Предкавказья и сарматского времени.....	18
Н.А.Членова. Еще раз о дате оленного камня из Аржана.....	24
В.Д.Кузнецов. Ранние апойки Северного Причерноморья.....	31
А.А.Масленников, И.М.Безрученко. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье.....	37
А.И.Болтунова. О культе женского божества в Танаисе.....	46
Э.Я.Николаева. Стеклоделие на Боспоре.....	50
В.А.Мешкерис. Опыт периодизации коропластики Бактрии – Тохаристана.....	57

Публикации

Н.В.Головачева, К.К.Марченко, Е.Я.Рогов, С.Л.Соловьев. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка I2 (классический период).....	66
Ю.А.Виноградов. Исследования на западной окраине Мирмекия.....	71
В.Ф.Столба. Дом IV в. до н.э. на поселении Панское I (раскопки 1987 г.)... ..	78
А.А.Завойкин. фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории.....	84
И.Т.Кругликова, С.Ю.Сапрыкин. Херсонес и Амастрия по данным амфорных клейм	89
Г.Р.Цеццладзе. Клеймо Диоскуриды из Нимфея.....	95
Д.И.Даньшин. Три новые надписи из Фанагории.....	98
Н.А.Фролова. Монетное дело Тейрана.....	103

Хроника

А.И.Пузикова. Работа отдела скифо-сарматской археологии в 1987–1989 гг. ..	113
Список сокращений	118

Inhaltsverzeichnis

Artikel

A.I. Meljukova. Neue aktuelle skythologische Forschungen	3
M.G. Moschkova. Die Schwerpunkte der Archäologie der Sarmaten	10
M.P. Abramova. Die Forschung der sarmatenzeitlichen Denkmäler im zentralen Bereich des vor kaukasischen Raums	18
N.A. Členova. Nochmals zur Datierung des Hirschensteines von Aržan...	24
V.D. Kuznetsov. Die frühesten Apoikien des Nördlichen Schwarzmeergebietes	31
A.A. Maslennikov, I.M. Bezručenko. Bodengrundstücke im Azovschen Gebiet der Krim in der antiken Zeit	37
A.I. Boltunova. Zum Kult der weiblichen Gottheit in Tanais	46
E.J. Nikolajeva. Die Glasindustrie im Bosporanischen Reich	50
W.A. Meschkeris. Die Karoplastik von Baktrien-Tocharistan :Ein Versuch der Periodisierung	57

Publikationen

N.W. Golovatscheva, K.K. Marčenko, E.J. Rogov, S.L. Solovjev. Eine antike Siedlung des Unterbuggebiets- Kozyrka 12 (der klassischen Zeit)	66
Ju.A. Vinogradov. Neue Forschungen am Westrand von Myrmekion	71
V.F. Stolba. Eine Wohnanlage aus dem 4 Jh.v.Chr. in der Siedlung Panskoje 1: Die Ausgrabungen von 1987	78
A.A. Zavojkin. Amphorenfragmente aus Aegina (?) von Ausgrabungen in Phanagoreia.....	84
I.T. Kruglikova, S.Ju. Saprykin. Chersonesos Taurica und Amastris nach den Aussagen der Amphorenstempel	89
G.R. Cecchladze. Ein Amphorenstempel von Dioskurias aus Nymphaion...	95
D.I. Danis'in. Drei neue Inschriften aus Phanagoreia	98
N.A. Prolova. Das Münzwesen von Teiranes.....	103

Information

A.I. Pusikova. Wissenschaftliche Tätigkeit der Abteilung für Skythologie und Sarmatologie des Archäologischen Instituts Moskau 1987-1989.....	113
---	-----